

Старожилы и исследователи
о городе Горно-Алтайске

Из цикла „Наследие“

КАК ЭТО БЫЛО...

старожилы и исследователи
о городе Горно-Алтайске

к 90-летию города Горно-Алтайска

КАК ЭТО БЫЛО...

Горно-Алтайск — 2018

Администрация
Города Горно-Алтайска
Петровская Академия наук и искусств России

КАК ЭТО БЫЛО

г. Горно-Алтайск, 2018

УДК 371
ББК 74.00я43

Печатается по решению редакционного совета ПНИ РА
от 16.07.2018 г.

Как это было (старожилы и исследователи о городе):
сборник / под редакцией А.И. Гурьева. – Барнаул: "Новый
формат", 2018. – 474 с.

Автор идеи:

Бахмутов Владимир Григорьевич – писатель, прозаик,
член союза писателей России, член Петровской академии наук
и искусств.

Составитель и автор предисловия:

Гурьев Александр Иванович – доктор педагогических
наук, профессор Горно-Алтайского государственного универ-
ситета, академик Петровской академии наук и искусств.

Рецензенты:

Медведев Иван Федорович – доктор исторических наук,
профессор Горно-Алтайского государственного университета,
академик Петровской академии наук и искусств.

Модоров Николай Семенович – доктор исторических
наук, профессор Горно-Алтайского государственного универ-
ситета, академик Петровской академии наук и искусств.

Эта книга о славной истории местечка на слиянии двух
малых рек в предгорьях Алтая, но не в форме сухого истори-
ческого пересказа, а в воспоминаниях живущих людей и лю-
дей, которые жили раньше нас «по веку», и воспоминания их
может нам поведать кто-то из живущих ныне.

ISBN 6-87307-084

© Петровская академия наук и искусств России, 2018
© Гурьев А.И., 2018

*Отделение Петровской Академии наук и искусств
Республики Алтай выражает благодарность
за активное содействие в выпуске книги*

*члену Совета Федерации от Республики Алтай
Татьяне Анатольевне Гигель*

*мэру города Горно-Алтайска
Юрию Викторовичу Нечаеву*

*главе администрации города Горно-Алтайска
Ольге Александровне Сафроновой*

*директору ООО «СибКапСтрой»
Александру Александровичу Базину*

*А также литературному редактору издания
кандидату филологических наук, доценту
Горно-Алтайского государственного университета
Татьяне Петровне Шестиной
за творческую работу по совершенствованию книги.*

Слово к читателю

Бахмутов Владимир Григорьевич – писатель, прозаик, член союза писателей России, финалист Национальной Литературной Премии «Писатель года», член Петровской академии наук и искусств.

Василий Макарович Шукшин говорил: «Главное чтобы у человека было что-то от настоящего». Всю жизнь проверяю себя этой фразой. Есть ли у меня что-нибудь от настоящего? Есть ли у тех, с кем знаком и дружу, кому доверяю свои дела и мысли, что-то от настоящего?

Неудержимо летит время! Совсем вроде недавно, в 1990 году, поселился я по клику Ю.А. Лебедева, директора инженерного центра «Силэн», на «солнцеликом» Байате, а прошло уже больше двадцати лет. Но Горно-Алтайск для меня начинается значительно раньше, поскольку родился и вырос я в Чойском районе. В семье нашей часто вспоминали случай, как мама по каким-то своим учительским делам поехала в город и прихватила меня, трёхлетнего мальчонку. И всё бы ничего, но захотелось ей посмотреть спектакль в доме культуры. Меня вместе с ней в зал не пустили. Что делать? Тогда она постучала в ближний от театра дом и уговорила хозяев присмотреть за мной. Хозяева согласились, но отчего-то через некоторое время заволновались и решили, что ребёнка им подбросили. Нашла меня мама уже в городском отделении милиции. Ну, а с тех пор, как началась учёба в школе, в Горно-Алтайске мне бывать приходилось часто.

Родственники наши и знакомые в основном народ простой, в домах их и на усадьбах было всё, как и у нас в деревне. Но вот однажды мама завела меня к состоятельным знакомым, которые жили на третьем этаже кирпичного дома. Вот уж было для меня удивлений - живут друг над другом, да ещё и вода в доме из крана бежит! Воду мне удалось заметить, а вот с туалетом вышла промашка. Я и представить не мог, что «нужду» справлять можно прямо в доме, поэтому, когда она, «нужда», пришла, сказал маме, что пойду погулять. Найти на улице подходящего строения не удалось. Пришлось терпеть, причём до той поры, пока не попал к родственникам с туалетом в огороде.

Теперь вот, живя в этом прекрасном городе третий десяток лет, стал он мне родным и близким. Радует, что с каждым новым годом столица Горного Алтая хорошеет, возводятся красивые здания, благоустраиваются улицы, строятся супермаркеты и высотные дома, появляются «лежачие полицейские», лазерные светофоры и набережные. Не за горами строительство подземных и наземных пешеходных переходов. В последние годы город разрастается в ширину, забираясь по оврагам и склонам гор на земли бывших садов, пашен, выпасов. Строит народ большие и красивые дома, не боясь, что «загнать тепло» в них будет сложно и дорого, - в город пришёл газ и вся частная застройка в скором будущем окажется благоустроенной.

Вот только иногда, при столь быстром развитии города, хочется вспомнить его старинный облик, взглянуть на сохранившиеся исторические здания, пройтись по тем улицам и переулкам, по которым ходили основатели города, его первые жители. Самой старой и насыщенной древними строениями для Горно-Алтайска, несомненно, является улица Социалистическая. Очень, конечно, жаль, что часть зданий на ней не сохранилась, а

к остальным строениям подход оказался не совсем бережным.

В тридцатых годах, с момента присвоения селу Улала городского статуса, ведётся интенсивное строительство, появляется много красивых зданий, фабрики, школы, в дома жителей приходит электричество и радио. Благоустраиваются улицы, появляется водопровод, канализация, на реке Майме сооружается ГЭС, позволившая обеспечить часть населения непрерывной подачей электроэнергии, открываются учебные заведения, библиотеки, больницы, новые магазины. Открывается первый в области регулярный автобусный маршрут до Бийска.

С началом войны город Ойрот-Тура, как и все города Сибири, попадает в тяжелейшие условия. В первые же месяцы война забрала мужиков и лошадей. Вся произведённая сельскохозяйственная и промышленная продукция отправляется на фронт, город заполнили эвакуированные с захваченных фашистами территорий. Забота о них также легла на плечи ойрот-туринцев.

Сколько горя, болезней, страданий от голода и холода кроется за этими, ставшими для нас привычными, словами? Горожане делали всё возможное и невозможное, чтобы выжить самим и сохранить детей. Люди свершали трудовые подвиги, проявляли смекалку и изобретательность. Реки Улала и Майма в те военные годы заслужили уважения и наград. Это сейчас они кажутся нам маленькими, мы переходим их вброд, перестали замечать на них половодье и дождевые паводки, мы построили на них густую сеть мостов. То же самое, что теперь мы перестали замечать расстояния. Моя мама во время войны до Бийска пешком доходила за два дня, теперь же водитель средней лихости проскакивает это расстояние за один час. В военные и послевоенные годы по Майме и Улале сплавляли дрова и, вероятно, только этим спасли себя и город от суровых морозов. Берёзовые

брёвна распиливали длиной полтора – два метра и с подъёмом воды пускали по рекам вплавь. Т.Ф. Медведева вспоминает, как лесосплав чуть было не окончился для неё трагически. При разборке затора в гавани на реке Майма она попала под брёвна, и – счастье, что её исчезновение заметили на берегу.

На склонах близлежащих гор люди раскапывали целики и выращивали картошку, капусту, свеклу и много чего другого. До нового урожая осенних запасов не хватало, и в нашем городе, пишет в своих воспоминаниях В.С.Теплякова, «ели всякую траву: кандык, колбу, пучки, саранки, барашки, медунки, лебеду, а как подрастёт лист свеклы, – тут уж спасение».

Выстоял город в «лихую годину», и не только выстоял, но и ознаменовался появлением новых предприятий и организаций. Даже рождаемость в 1945 году превысила смертность на 33 человека.

За всеми трудовыми победами стоят люди. И как сказал Ф.Л.Таушканов, – это уникальный пласт населения, которого не было никогда раньше и не будет в обозримом будущем. Это люди, захватившие раскулачивание, репрессии, пережившие войну и сумевшие выстоять в тяжёлое послевоенное время. Их руками ковалась и победа, и послевоенное возрождение страны.

В Ойрот-Туре эти люди с честью выстояли. Сохранили себя и город, помогли выжить тысячам эвакуированных. Их непомерный труд позволил возродиться Горно-Алтайску. Заработали на полную мощность фабрики и заводы, открылись новые предприятия и учебные заведения, больницы и школы.

Тяжело было людям, на которых навалился весь ад уготованных эпохой испытаний. Голодно, холодно. Коровы оказались не только кормилицами, но и стали в сибирском

тылу на время войны основной тягловой силой. А тяжесть всех забот легла на плечи женщин и подростков.

Архивная служба Республики Алтай выпустила несколько замечательных книг по истории Горно-Алтайска, в которых приводятся даты, события, документы, подтверждающие развитие города. Очень интересные и нужные книги, хорошо иллюстрированные редкими фотографиями. Но, к сожалению, эти книги только фиксируют даты, констатируют факты, представить за которыми людей порой бывает сложно.

А так хочется знать о том времени и тех людях, которые непомерным трудом позволили нам сейчас жить спокойно, и гордиться ими за то, что выстояли. Главное – они верили, что нужно выстоять, и выстояли.

Люди те давно на пенсии, а если говорить честно, не так уж много их, переживших суровые времена, осталось. Но когда приходится встречаться с ними, от их рассказов приходит вера в собственные силы и в наш народ. Очень хочется, чтобы воспоминания этих людей остались в памяти народной, вошли в историю нашего любимого Горно-Алтайска, стали его памятью и ориентирами.

На одном из заседаний ПАНИ РА (Петровской академии наук и искусств Республики Алтай) родилось предложение собрать воспоминания старожилов Горно-Алтайска и издать книгу. Активных людей оказалось много, и сразу стало ясно, что, вероятней всего, книга будет иметь продолжение...

И в этой связи хочется обратиться к жителям Горно-Алтайска. Если кто-то имеет желание поделиться своими воспоминаниями о городе, если у кого-то имеются редкие и интересные фотографии времён образования Улалы, присоединяйтесь.

Предисловие

Гурьев Александр Иванович – доктор педагогических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, почетный работник высшей школы РФ, академик Петровской академии наук и искусств России, международный журналист.

Эта книга о славной истории местечка на слиянии двух малых рек в предгорьях Алтая, но не в смысле сухого исторического пересказа, а в воспоминаниях живущих людей и людей, которые жили раньше нас «по веку», и воспоминания их может нам поведать кто-то из живущих ныне.

Время скоротечно, и в этой книге хочется передать хотя бы какие-то крупинцы живого человеческого мироощущения и наброски к портретам людей, живших и работавших в те времена. Вспомнить, что до войны в городе было всего несколько десятков машин, в домах – печное отопление, а дрова, в основном, сплавляли по речкам Улалушка и Майма. Да, да, по тем самым, через которые сегодня может перебрести даже маленький ребенок!!! Первые электрические лампочки появились в конце тридцатых годов и то на центральных улицах города, а в домах до середины пятидесятых все еще горели керосиновые лампы! Улицы имели дощатые тротуары вдоль деревянных заборов, а автобусный маршрут был всего один!

Хочется надеяться, что воспоминания эти затронут души не только тех, кто жил в прежние времена, но и заставят задуматься нас, живущих в Горно-Алтайске сейчас, над большими свершениями человеческого разума и рук! Очень бы хотелось, чтобы в этой книге воспоминаний не было ни одного слова вымысла, ни одной фразы из ранее изданных книг, кроме, конечно, тех материалов, без которых невозможно соблюсти хронологический ряд происшедших событий.

ИСТОКИ

Из глубины веков

Эбель Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.

Любому образованному человеку ясно, что одной из наиболее важных проблем, возникающих перед исследователем древности, является вопрос о первоначальном заселении данного региона первобытным человеком, сделавшим его обитаемым, а стало быть, интересным с точки зрения изучения первобытной истории. Суть проблемы широка. Когда впервые появился здесь древнейший человек, на каком уровне развития он находился, каковы были окружавшие его природно-климатические условия и каким образом он сумел к ним приспособиться. Иными словами, суть проблемы в изучении вопроса: какова та исходная база, на которой строилось развитие человеческих коллективов в данном районе на протяжении многих сотен тысяч лет. Относительно прошлого Горного Алтая, точнее, изучения вопроса о первоначальном его заселении, важное значение имеет Улалинская стоянка, открытая Алексеем Павловичем Окладниковым.

Алексей Павлович Окладников. Фото 1961 года.

Расположена она в черте города Горно-Алтайска, на левом берегу реки Улалинки, правом притоке реки Маймы, на оконечности увала, представляющего собой острог хребта Иолго.

Улалинская стоянка.

В ходе раскопок Улалинской стоянки найдено большое количество орудий труда. Археологи обратили внимание на то, что обнаруженные орудия грубы и примитивны. Первоначально это и послужило одной из причин того, что Улалинка была отнесена к раннему палеолиту. В дальнейшем, когда для установления возраста памятника использовались методы естественных наук, пришли к выводу, что орудия были изготовлены 1,5 млн. лет назад. Таким образом, на месте современного Горно-Алтайска полтора миллиона лет назад обитали обезьянолюди, находившиеся на очень ранней стадии эволюции. Откуда и зачем пришли эти обезьянолюди в Горный Алтай?

Обезьянолюди.

С первых шагов развития люди стремились к освоению новых пространств. Причины миграций с одного места на другое могли быть самыми разными. К их числу можно отнести пожары или извержения вулканов, делавшие жизнь в прежних местах невозможной. Необходимость поиска новых мест обитания могла

заклучаться в нехватке пищи или в столкновениях с соседними племенами. Да и простое любопытство заставляло человека покорять неизведанные территории. Возможно, около 2 млн. лет назад человек покинул пределы Африки, шагнул на Азиатский континент и через Среднюю Азию проделал свой нелегкий путь до Алтая. Во всяком случае, А.П. Окладников такой возможности не исключал. Более того, он предположил, что именно через Алтай начиналось заселение человеком Сибири и Дальнего Востока.

Но вернемся к сути вопроса первого поселения первобытного человека на территории современного Горно-Алтайска. Вот что писал по этому поводу сам автор открытия: «В 1961 году во время краеведческой конференции чутье охотника за первобытным человеком привело меня и этнографа Е. Тощакову к этому холму, заставило перейти маленькую горную речку Улалинку и подняться по крутому склону, усеянному камнями. В осыпи из желтой глинистой толщи рыхлых отложений выступали окатанные водой булыжники светло-желтого кварцита, торчали остроугольные глыбы темно-серого известняка. В этих «диких» камнях не было ничего такого, что напоминало бы хорошо знакомые изделия древнего человека. И все же мой взгляд остановился на одном из булыжников... Да ведь это то, что так жадно и так напряженно искал мой взор!».

Итак, прибыв на краеведческую конференцию в Горно-Алтайск, Алексей Павлович заметил на той стороне реки за современной ткацкой фабрикой холм. Представлял он собой отрог расположенной там горы, его вершина находилась достаточно высоко от уровня воды. Опытный исследователь, Окладников знал, что именно в таких местах можно найти следы древнейшего человека. Пригласив с собой известного этнографа

Е.М Тощакону, он пошел на холм и на его склоне поднял интересный камень.

Начавшиеся вскоре раскопки проводились в два этапа, то есть вначале узкой полосой был зачищен обрывистый склон отрога, а затем заложен и более обширный раскоп уже вглубь холма. Последний стратиграфический разрез отложений зафиксирован в мае 1977 года.

Раскопки 1977 года.

В процессе изучения улалинского инвентаря внимание Окладникова привлекла одна любопытная деталь. На расщеп-

ленных гальках не было так называемых ударных бугорков и раковистых их негативов, которые, как правило, образуются при раскалывании камня ударом и служат для специалистов сигналом того, что здесь поработала рука человека. Создавалось впечатление, что гальки в данном случае раскалывали не ударной техникой, а каким-то иным весьма нетрадиционным способом. Камни здесь раскалывались на отдельные пластины без нанесения по ним удара, то есть как бы сами собой. Объяснение этому феномену пришло неожиданно. Осуществляя раскопки, археологи наткнулись на огромный весом около тонны валун. На его поверхности были отчетливо видны характерные буро-красные пятна, которые обычно получаются от длительного и интенсивного воздействия на кварцит огня. Возникшая гипотеза в тот же день была проверена. Участники экспедиции раскалили в костре кварцевую гальку и бросили ее затем в реку. Камень расщепился точно на такие же дольки, которые они находили перед этим в нижнем слое своего раскопа.

Однако на этом связанные с Улалинкой сюрпризы не закончились. В 1977 году сюда был приглашен известный геолог Л.А. Рагозин. Изучив разрез стоянки, он стал утверждать, что формирование слоя золотисто-жёлтой пластичной глины, перекрывавшей каменные орудия, закончилось 690 тысяч лет назад.

Дата, конечно, была ошеломляющей, и многие специалисты её встретили скептически. На раскоп пригласили исследователей иного профиля – палеомагнитчиков, сотрудников СО АН СССР Г.А. Поспелову и З.Н. Гнибиденко. Дело в том, что магнитное поле Земли непостоянно. Периодически её полюсы меняются местами, то есть северный полюс уходит на юг, а южный на север. Как выяснилось, горные поро-

ды могут хранить в себе память о том, каким было магнитное поле в пору их образования. Что касается Улалинки, то верхние её геологические напластования зафиксировали в себе прямую полярность, как принято именовать ту, при которой мы живём сейчас, а нижние, в том числе и с каменными орудиями труда, – обратную. Граница разной полярности проходила как раз над культурным слоем с находками, ну а последняя смена полюсов, по мнению палеомагнитчиков, произошла во времена, близкие названным для нижних слоев раскопа Л.А. Рагозиным. В общем, его датировка этого памятника подтвердилась.

Тем не менее, дело этим не кончилось. На Улалинском холме поработал А.И. Шлюков, руководитель группы геохронологии географического факультета Московского государственного университета, который провёл термолюминесцентный анализ глин, где были обнаружены орудия. Оказалось, что глина эта отложилась около полутора миллионов лет назад. Сомнений в необычайно древнем возрасте стоянки уже не оставалось. Со своей галечной «индустрией» Улалинка вошла в круг самых древних местонахождений, география распространения которых известна от Эфиопии до Южной Африки и от Индии и Китая до Индонезии. Первобытная Улалинская галечная культура не исчезла бесследно. Она послужила исходной основой, на которой впоследствии выросли более поздние палеолитические культуры Сибири.

Итак, Алтай входил в область расселения древнейшего человека (архантропа). На юге Западной Сибири в то отдалённое время преобладал достаточно тёплый климат с умеренной влажностью, к которому оптимально приспособлен

организм человека. В соответствующих по возрасту геологических слоях соседних районов обнаружены фаунистические остатки той эпохи, представленные костями вымерших некогда лошадей и слонов.

Примечательно, что обнаруженные на Улалинском холме находки ни в одну европейскую классификационную схему не вписываются. Специфичной чертой являлось то, что археологи имели дело с так называемым «галечным инвентарем». С самого начала и до конца древний мастер работал с галькой, которая в расщепленном или целом виде и служила в дальнейшем орудием труда. Такая ситуация наблюдалась до сих пор лишь на самых древних в мире из обнаруженных исследователями стоянок первобытного человека – в основном в Африке.

Археологам было над чем задуматься. Старые представления о времени первоначального заселения первобытными людьми территории Сибири рушились. Сроки обитаемости ее, в связи с раскопками в Горном Алтае, увеличились более чем в десять раз.

На основе изучения материалов Улалинской стоянки Окладников выделил улалинскую «галечную» культуру первобытных людей. Рухнули бытовавшие ранее представления об этом суровом крае как далекой периферии основных центров формирования первобытного человека.

*Академик А.П. Окладников, геолог В.П. Мыльников и
Б.К. Алушкин на Улалинской стоянке, 1979 год.*

К сожалению, после смерти Окладникова раскопки Улалинской стоянки не проводятся. Можно только предполагать, что под толщей земли и глины скрываются тайны, которые раскроют будущие исследователи, а Улалинка в полной мере разделит славу древнейшего очага человеческой деятельности вместе с такими памятниками Африки, как ущелье Олдувай и другими.

Таким образом, Улалинка имеет хорошие перспективы дальнейших исследований.

В заключение следует заметить, что жили люди на месте нынешнего Горно-Алтайска и в более поздние времена. Так, например, в 1933 году сотрудники краеведческого музея исследовали целый могильник раннего железного века в районе улицы Алфёровской. Он был сооружен около 2,5 тысяч лет назад. В 1988 году на западной окраине города в районе очистных сооружений археологом Киреевым и его партией было раскопано древне-тюркское погребение VII-IX веков, а несколько позже ими же обнаружено более древнее поселение раннего железного века, относящееся к V-II векам до нашей эры. В районе Бочкарёвки обнаружен комплекс раннего железного века V-II веков до нашей эры, а также курган Афанасьевской культуры эпохи энеолита (IV-III века до нашей эры). В разных частях города были обнаружены случайные находки, а именно:

- Кинжал железный с остатками ножен (позднее средневековье);
- изваяние каменное (древнетюркское время);
- наконечники стрел каменные (древнетюркское время);
- украшения и части пояса бронзовые (древнетюркское время);
- скребок каменный (верхний палеолит);
- тесло каменное (неолит);

Всё вышесказанное подтверждает мысль о том, что горную долину, в которой сегодня расползрен Горно-Алтайск, человек обживал ещё в глубокой древности.

Улалу – Ойрот-Тура - Горно-Алтайск

Екеев Николай Васильевич – кандидат исторических наук, директор НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова.

Первые сведения о заселении долины реки Маймы отражались в чертежах, ясачных книгах и других российских документах конца XVII – первой половины XVIII веков. Это было временем, когда алтайцы находились в составе Джунгарского (Ойротского) ханства. По чертежам С.У. Ремезова и другим источникам устанавливается, что в конце XVII века по долине реки Наймы (Маймы) кочевали тау-телеуты – горные телеуты, которые в податном отношении входили в Тау–Телеутскую волость. Известны некоторые их роды: мундус, тодош, телес, кергил, йуты. Земли по реке Майме и выше по Катуні находились в ведении старшины – башлыка Эрелдея Мочакова из рода мундус.

Телеуты улалинские переселились в долину реки Маймы из села Кокши, находящегося на левом берегу Катуні в 25 верстах от города Бийск, поэтому местные жители дали им кличку «кокшалары». Живя около ста лет в Улале, телеуты вполне приспособились к русской культуре, а семья Чевалковых, кроме того, дала из своей среды талантливых людей: учителей, священников, поэтов и художников. Кокшаларам принадлежит инициатива постройки кожевенного завода, откры-

тие иконописной мастерской. Из них впоследствии вышли талантливые художники-алтайцы Г.И. Гуркин, Н.И. Чевалков, Иван и Сергей Никифоровы.

Семья Тобоковых, во главе с Давыдом Тобоковым принадлежит к старинному роду черневых зайсанов. Эта семья известна на Алтае в качестве крупных торговцев, построивших несколько каменных зданий в Улале, раскинувших свою оптовую торговлю по всему Алтаю. В Паспауле, Онгудае, Бешпельбике они имели свои амбары для ссыпки кедрового ореха, которые как крупные постройки отмечаются в географических картах Алтая.

Примечательно то, что по долине реки Маймы проходило одно из ответвлений торгового пути из городов Восточного Туркестана в сибирские города Кузнецк, Томск и другие. Основной торговый путь начинался с Урги, проходил через Имель, верховье Иртыша, затем через Котон – Карагай, Кырлык, долину Кана и Ануга спускался к северным предгорьям Алтая. Оттуда одно ответвление дороги проходило по подно-

жью гор, а около устья реки Маймы была переправа на правый берег Катунь. Затем караванная тропа проходила вверх по Майме, сворачивала на Улалу и далее шла по черневой тайге и пересекала Бию при ее выходе из Телецкого озера. С села Артыбаш тропа направлялась в вершины реки Байгол и там раздваивалась: одна имела направление в сторону реки Чолышман, а основная тропа уходила в вершины рек Томи и Абакана. Торговые караваны выходили из Урги с товарами, которые по пути обменивались на живой скот в русских пограничных селениях.

Первоначальное название нынешнего города Горно-Алтайска – «Улалу» возникло из-за того, что здесь в устье одноименной речки караван останавливался на привал для отдыха перед трудным переходом через черневую тайгу северного Алтая.

С возникновением в 1834 году Миссионерского стана в устье реки Улалы началось образование селения Улалы, которое к началу XX века превратилось в крупное село – торгово-ремесленный и культурно-просветительный центр северной части Горного Алтая. «Улала – всему голова», – говорит местная поговорка.

Вехи истории

Гурьев Александр Иванович.

Города, как люди, – у каждого своя судьба. Одни вырастают в крупный современный мегаполис, другие остаются маленькими, тихими, провинциальными. Каждый имеет свою историю, свою родословную.

Почти два века прошло с того времени, когда на месте впадения в Майму небольшой речки из нескольких алтайских кону-

сообразных юрт и изб русских поселенцев образовалось село Улала. Путь от маленькой деревушки до города – административного центра Горного Алтая – растянулся на целых сто лет.

Город Горно-Алтайск. Фото середины 70-х годов XX века.

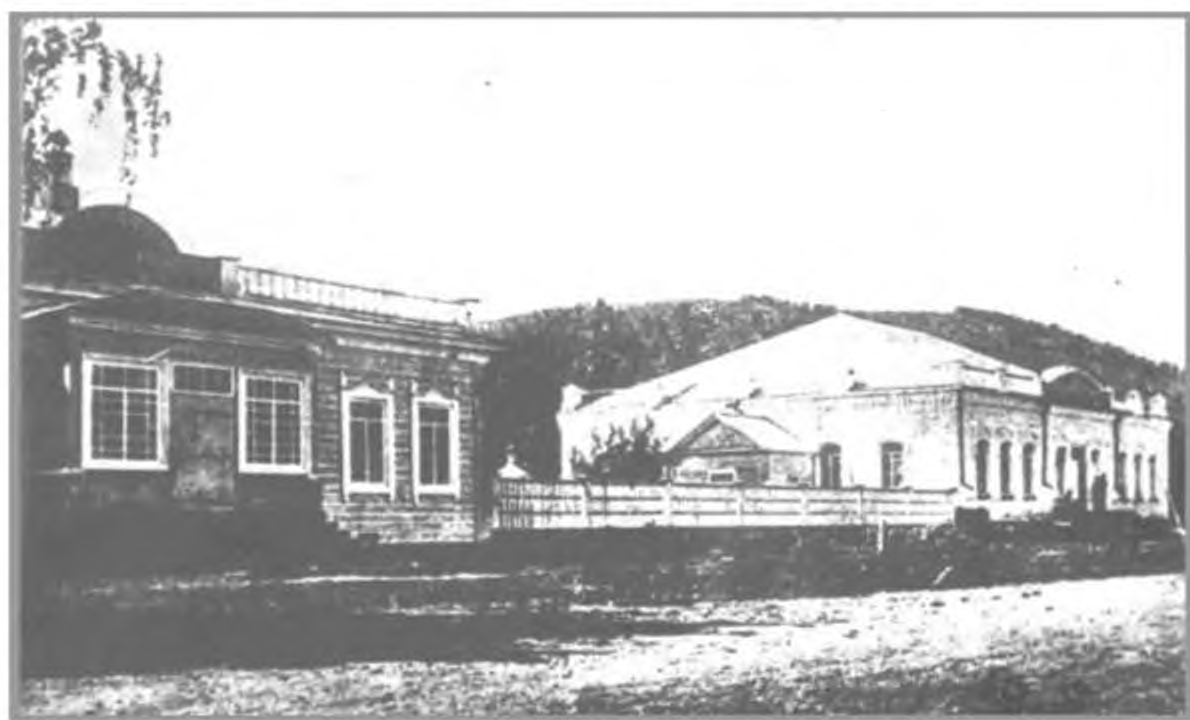
Горную котловину с мягким микроклиматом, в которой расположен город, люди облюбовали еще в глубокой древности, о чём свидетельствуют археологические находки, относящиеся к каменному веку.

Первые сведения о поселении в горной долине предгорий Алтая относятся к 1745 году – первое упоминание о «ясащ-ных» татарах, кочующих по берегам рек Катунь и Майма. В 1756 году сын последнего теленгетского хана Чап Шалов основал свое стойбище-ставку на территории современного города Горно-Алтайска, а в 1810 году на реке Улалушка (*район современного стадиона «Спартак». Ред.*) был поставлен первый алтайский улус – айлы из 15 семей алтайцев-скотоводов.

В 1812 году на плато реки Майма (*район городского лагеря «Космос». Ред.*) поселяются три семьи русских пчеловодов. Крестьянин Ащеулов срубил первый дом. В 1830 году в долине реки Маймы появились русские миссионеры во главе с отцом Макарием Глухаревым.

Макарий Глухарев покупает у Ащеулова дом и начинает строить миссионерский стан для обращения алтайцев в христианство (*закончен в 1831 году. Ред.*).

В 1838 году в селе Улала (*так назывался Горно-Алтайск до 1928 года. Ред.*) была открыта первая в Горном Алтае мужская церковно-приходская школа и только через 30 лет вторая, женская. В школах училось 50 мальчиков и 13 девочек. Главное внимание в школах отводилось Закону Божьему, русскому и славянскому языкам, арифметике. Часть учебного времени уделялась родиноведению и знаниям о природе. Также при мужской школе был иконописный класс, где мальчики рисовали красками, но в основном копировали иконы. В 1856 году открыто миссионерское училище и детский приют.

*Женская и мужская церковно-приходские школы
в селе Улала. Фото начала XX века.*

Рядом со зданием миссии находились школы, дом начальника миссии и больница (сегодня здесь находится вендис-пансер). Больница была расположена в двухэтажном здании, где на первом этаже был детский приют, на втором больница на 20 коек, а в подвале – кухня. Ухаживали за больными сёстры женского монастыря.

*Первая Улалинская двухэтажная больница.
За ней видна церковь Всемиловитового Спаса.
Фото 20-х годов XX века.*

За женской церковно-приходской школой находился небольшой базар с тремя каменными лавками, одна из которых принадлежала купцу Тобокову.

*В этом здании по улице Социалистической располагалась лавка купца Д. Тобокова, а позже краеведческий музей.
Фото 80-х годов XX века.*

Раз в неделю на базаре собирались купцы, крестьяне и скупщики из Улалы и соседних деревень.

В 1860 году в Улале побывал ученый-ориенталист В.В. Радлов. В 1867 году в доме толмача-переводчика М.В. Чевалкова было организовано миссионерское центральное училище. (Михаил Васильевич Чевалков – священник, ученик основателя Миссии отца архимандрита Макария Глухарева, епископа Томского и Семипалатинского. Ред.).

В 1860 году была создана Улалинская женская община новокрещеных на территории современного села Кызыл-Озек.

В 1870 году в Улале было четыре общественных здания, 11 домов Алтайской духовной миссии, 131 дом крещеных алтайцев, 149 домов русских поселенцев.

Улала в первой половине XIX века.

Женская и мужская церковно-приходские школы в Улале сыграли большую роль в культурном развитии села. Благодаря им многие обращенные в христианство инородцы получили основы грамотности.

Спасская церковь в Улале. Фото начала XX века.

В 1874 году построена церковь Всемилоственного Спаса, впоследствии Спасская церковь (*сейчас на ее месте располагается кооперативный колледж. Ред.*).

*Мужская церковно-приходская школа в Улале.
Фото начала XX века.*

Одновременно с миссионерами в Улале появились бийские купцы. Они начали строить в селе купеческие лавки, приемные пункты скупщиков скота, пушнины, кедрового ореха.

К концу XIX века Улала превратилась в относительно крупный торговый центр Горного Алтая.

Магазин «Смычка» в Улале. Фото начала XX века.

В начале 90-х годов XIX века в Улалу начинается бурный приток переселенцев из России – «разночинцев». Они селились в Улале без каких-либо разрешений и даже без простого согласия местного населения. За проживание на землях Улалы они вносили арендную плату в Бийск участковому лесничему по одному рублю с усадьбы.

В 1889 году именно разночинцы подали прошение о присвоении Улале статуса города, но, к сожалению, им в этом было отказано. В этот же период заселяются земли в селе Каяс и селе Кызыл-Озек.

В 1895 году проезжая на Телецкое озеро, известный исследователь Алтая В.В. Сапожников отметил: «Улала – довольно большое село с миссионерским станом, но оно не производит приятного впечатления своими грязными улицами и покосившимися домиками. Имеется несколько двухэтажных домов...однако почтовой станции не имеется». Следует заме-

тять, что в Улале не было не только почтовой связи, но и ни одного культурно-просветительного учреждения; а на столбе, стоявшем при въезде в село Улала, было написано: «Село Улала. Бийского уезда. Церквей 3, школ 2, всего жителей с грудными младенцами 3127 человек».

В 1903 году в Улале построена первая сельская больница (фельдшерский пункт). В 1904 году один из братьев Тобоковых избирается в Государственную думу России на два созыва представителем коренного народа Алтая.

В 1907-1909 годах в результате Столыпинской аграрной реформы в Алтайский округ прибыло 250 тысяч переселенцев! В 1908 году в Улале появились первые государственные здания и почта. В 1910 году в Улале было 500 дворов.

Общеизвестно, что в начале XX века центр мирового революционного движения переместился в Россию. Это событие не обошло стороной и Горный Алтай. Большой и серьезной школой политической борьбы для трудящихся Горного Алтая явилась первая русская революция 1905-1917 годов. Она дала мощный толчок развитию национально-освободительного движения.

Большевики Барнаула и Бийска, несмотря на огромные трудности, распространяли большевистскую печать, организовывали выступления трудящихся. Одно из таких выступлений имело место в начале 1906 года среди населения села Улалы, которое поднялось против произвола царской полиции. Восставшие избili старшину и разгромили квартиру пристава.

Следует подчеркнуть, что в годы первой мировой войны гнет на национальных окраинах усилился. В результате чего в 1916 году вспыхнули народные волнения в Улале, а также в нынешних Кош-Агачском, Усть-Канском, Усть-Коксинском и

Онгудайском районах. Поводом к выступлению послужила объявленная царским правительством мобилизация в армию на тыловые работы алтайцев и казахов, которые до этого царскими властями на службу вообще не призывались.

Волнения в Улале и на территории всего Горного Алтая 1916 года и недовольства в начале 1917 года были направлены против империалистической войны. Это брожение смыкалось с борьбой русского рабочего класса и крестьянства, приведшей в феврале 1917 года к свержению царского самодержавия в России. Коренное население Улалы в этот период состояло частью из оседлых, частью из бывших кочевых инородцев и наполовину из русских. Последние заехали из разных уездов и губерний сорок с лишним лет тому назад.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года и гражданской войны в России в июне 1922 года в связи с образованием Ойротской автономной области селение Улала становится столицей автономии с губернскими правами.

В 1918 году в Улале проходит Алтайский съезд инородческих и крестьянских депутатов, на котором было принято решение о выходе Горного Алтая из состава Бийского уезда и создании Кара-Корум Алтайского округа, управляемого окружным советом, с последующей постройкой новой столицы – города Каракорум и созданием республики Ойрот, состоящей из Русского и Монгольского Алтая, Урянхая, Джунгарии, земель минусинских туземцев. Место для новой столицы было определено на правом берегу Катунь, между селами Манжерок и Майма. После восстания белочешского корпуса и перехода власти к А.В. Колчаку Каракорумская управа за попытку сохранения своих национальных прав была реорганизована в

декабре 1919 года, а ее руководитель Чорос-Гуркин арестован и посажен в тюрьму.

Григорий Иванович Чорос-Гуркин, талантливый алтайский художник, ученик Шишкина, политический и общественный деятель Горного Алтая. Ред).

18 декабря 1919 года в результате кровопролитных боев Улала была освобождена от белогвардейцев партизанским отрядом Ф.И. Усольцева, а в Горном Алтае была окончательно установлена Советская власть.

Командир партизанского отряда Ф.И. Усольцев.

1920 год стал годом создания в селе Улала первой ячейки ВКП (б), а в 1924 году создаются первые пионерские отряды.

Пионеры Улалы на демонстрации.

Фото 20-х годов XX века.

17 февраля 1922 года образована Социалистическая автономная область ойротского народа с административным центром в селе Улалинское. 17 июля 1927 года начато строительство водопровода. В 1927 году в Улале проживало уже 5726 человек, из них 2767 мужчин и 2959 женщин.

1 июня 1922 года Всероссийский Центральный комитет принял постановление об образовании Ойротской автономной области с центром в селе Улала (*до этого административный центр располагался в селе Алтайском. Ред*).

*Праздничное шествие по улицам Улалы.
Фото 20-х годов XX века.*

В 1928 году постановлением ВЦИК село Улала было преобразовано в город, а в 1932 году город Улала переименован в город Ойрот-Тура.

Следует подчеркнуть, что с переходом Улалы на положение административного центра в 1922 году, а затем с присвоением статуса города в 1928 году Улала как центр Ойротской автономной области находилась в крайне хаотическом состоянии из-за того, что в поселении старого сельского типа отсутствовали элементы благоустройства.

Территория города располагалась по долинам рек Маймы и Улалушки и со всех сторон была зажата горами и холмами и

включала ряд заболоченных мест. Именно тогда, впервые в истории города, обозначилась жилищная проблема. Работники советских учреждений остро нуждались в жилье. Чтобы как-то решить этот вопрос, дом купца Тобокова поделили на небольшие комнатки, а позднее достроили деревянный второй этаж и плотно заселили самым разнообразным народом.

Дом купца Тобокова.

Фото конца 90-х годов XX века.

Примечательно, что в 1920-1930 годы Октябрьская улица называлась Мертвой, так как по ней шли к кладбищу похоронные процессии.

Улица Октябрьская (бывшая Мёртвая). Фото 2018 года.

Улица Маяковского называлась Гражданской. До недавнего времени в городе еще сохранялись две шестиугольные часовенки из красного кирпича. Одна из них стояла напротив церкви, где сейчас поставлен памятник героям гражданской войны, другая на въезде в город, где теперь расположен автовокзал.

*Памятник героям
Гражданской войны.
Фото конца 60-х годов
XX века.*

На месте современного Дома культуры была небольшая деревянная церковь.

Рядом с ней был дом, в котором жили священники. Он сохранился слева от входа в городской парк.

Дом, в котором жили священники.

Фото конца 60-х годов XX века.

В 1920 году курсантами совпартшколы здесь был разбит сквер. В то время центром города была улица Советская (современная Социалистическая), начиная от моста через реку Улалушка.

Улица Социалистическая в 1932 году

Первая общедоступная библиотека открылась в январе 1920 года. Первоначально ее разместили в доме зажиточного жителя Ковалева. Книжный фонд библиотеки был сформирован на базе реквизированного фонда Каракорумской управы.

В связи с реорганизацией системы народного образования в начале 1920-х годов все бывшие миссионерские школы были реорганизованы в единую школу первой ступени. По решению горсовета Горкомхоз передал все имеющиеся бывшие кулацкие дома под школы и дошкольные учреждения, проверив предварительно пригодность этих помещений. Также были открыты две группы для умственно-отсталых детей. Для детей алтайцев была организована школа с обучением на родном языке.

В 1925 году в Улале организуется общество «Долой неграмотность». Грамотным в то время считался человек, умеющий читать по слогам и подписывать свою фамилию на родном или русском языке.

*В школе ликбеза.
Фото 30-х годов XX века.*

В 1928 году в Улале начал работать педагогический техникум – первое среднее специальное учебное заведение Горного Алтая, при котором функционировали подготовительное школьное и дошкольное отделения.

Огромное значение в деле просвещения и повышения культурного уровня населения имел регулярный выпуск областных газет, производимый городской типографией, которая была организована в Улале в 1922 году. Для ее размещения был выделен деревянный дом по улице Почтовой, № 22 (здесь до установления Советской власти размещалась волостная управа). В день пятилетней годовщины революции вышел в свет первый тираж газеты «Ойротский край» на русском языке, а с 15 ноября начался выпуск газеты «Кызыл Ойрот» на алтайском языке. Эти газеты позднее были переименованы в газеты «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны».

Немаловажная роль в культурном просвещении жителей Улалы отводилась музею, основанному в 1918 году, когда по решению Каракорумской управы за 25 тысяч рублей в Барнауле у семьи Гуляевых были куплены палеонтологические, минералогические и геологические коллекции этих известных исследователей Сибири, а позднее была приобретена их же библиотека из 1311 книг (ныне музей носит имя Андрея Викторовича Анохина – краеведа, исследователя культуры народов Южной Сибири, композитора, этнографа).

С 1931 года музей располагался в бывшей лавке купца Бодунова по улице Советской, № 16 и был размещен в трех комнатах нижнего этажа. Остальную часть здания занимали Ойротская художественная школа и Ойротский областной архив.

*Улалинский краеведческий музей.
Фото 60-х годов XX века.*

Радио в домах улалинцев появилось в августе 1927 года.

*Радиодом по Музейному переулку.
В этом «скворечнике» создавали
шедевры радиожурналисты 50-60 годов.*

*Радиопередвижка.
Фото 30-х годов XX века.*

В 1934 году была сдана в эксплуатацию Ойрот-Туринская радиовещательная станция РВ-83, которая вела передачи сначала только на русском, а с 1936 года - и на алтайском языках.

Следует подчеркнуть, что первая демонстрация кинофильма «Первый вальс» была осуществлена в 1924 году. Именно тогда жители Улалы впервые смогли увидеть, что такое кино!

Киноафиша. Фото 60-х годов XX века.

А годом раньше в июне 1923 года в областной центр приехала экспедиция Госкино под руководством режиссера А.Е. Разумного проводившего в Ойротии съемки фильма «Долина слез». В доме купца Хакина (где сегодня находится стоматологическая поликлиника) был открыт первый кинотеатр на 100 мест.

Дом купца Хакина, современное здание стоматологической поликлиники. Фото 2018 года.

По улице Набережная, № 6, стоял дом – одно из старейших зданий города, который называли «ковчегом». Это народное прозвище встречается даже в архивных документах. Существует несколько версий истории названия этого дома. Одна из них гласит: построенное еще в 1894 году купцом Тобоковым здание во время гражданской войны было экспроприровано большевиками и плотно заселено.

В связи с тем, что Улала как областной центр, не имела подходящих помещений, где бы могли проводиться массовые мероприятия среди крестьян и членов профсоюзов, а также

массовые собрания, съезды, конференции и сессии, в сентябре 1925 года Ойротский облисполком рассмотрел вопрос о постройке Народного дома имени Владимира Ильича Ленина. Окончательная постройка дома Ленина по проекту Н.И. Чевалкова была закончена в 1927 году.

Дом Ленина. Фото конца 30-х годов XX века.

Дом Ленина представлял собой бревенчатое двухэтажное здание, а на его крыше была сооружена модель первого мавзолея Ленина в Москве. Чевалкову удалось естественно вписать сооружение в окружающий пейзаж. Силуэт мавзолея на ступенчатом постаменте как бы вторил очертания окружающих горных вершин. Национальное своеобразие архитектурного решения проявлялось во всем облике здания. Стены Дома были выкрашены в зеленый цвет. Оконные наличники, спускавшиеся со второго этажа на первый, а также углы и карнизы имели шоколадный оттенок. Крыша сверкала суриком, а на ее гребне была поставлена модель шестигранной алтайской юр-

ты. Кроме того, боковые стены украшали резные декоративные плоскости, на которых из реек был сколочен рисунок, напоминающий на скальные петроглифы. Слово «Ленин» было выведено красными буквами. Внутри здания на первом этаже располагалось большое кафе, а на втором – библиотека, рабочие комнаты кружков художественной самодеятельности. Основным помещением был просторный зрительный зал, где ставились различные постановки. По выходным дням агитбригада давала концерты. Здание было выстроено на улице Социалистической (бывшей Советской) на месте каменной часовенки. Справа от него находился школьный интернат, слева – прокуратура. С 1927 года народный дом имени Ленина был центром культурной и общественной жизни Улалы.

В 1930 году в Улале была введена обязательная прописка всех проживающих и прибывающих в город граждан. Все владельцы, арендаторы и представители администрации домов, общежитий и гостиниц должны были иметь для прописки граждан книги установленного образца. Прописке подлежали все граждане, достигшие 16-летнего возраста.

В условиях социалистического преобразования и развития сельского хозяйства области требовались профессиональные кадры. Именно в связи с этим в конце 1930 года в Улале был открыт зооветтехникум. Это было первое в Горном Алтае среднее специальное учебное заведение, готовившее специалистов для сельского хозяйства!

Для обучения заведующих магазинов, председателей сельских потребительских обществ, счетоводов, продавцов и других работников торговли для области в Улале в 1930 году был открыт трехгодичный учебный комбинат кооперативного образования. Позже в 1933 году он был преобразован в кооперативное училище.

*Слёт-семинар кооператоров в Улале.
Фото 30-х годов XX века.*

А в середине мая 1930 года было построено первое каменное двухэтажное здание сберкассы, парадный вход которого украшали фигуры каменных львов.

*Центральная Государственная трудовая сберегательная
касса № 520. Фото конца 30-х годов XX века.*

В настоящее время в этом районе находится здание Госсовета-Эл Курултай.

*Здание Госсовета-Эл Курултай.
Фото начала XXI века.*

С 1930 по 1941 год в Ойрот-Туре работала Ойротская художественная школа, которая вошла в историю как первая художественная школа в Западной Сибири. Ее основателями и педагогами были алтайские художники Григорий Иванович Чорос-Гуркин и Николай Иванович Чевалков.

1 июня 1932 года образована национальная театральная студия, а 27 июля по постановлению бюро обкома ВКП(б) начал свою деятельность рабочий факультет (рабфак) - краткосрочное общеобразовательное учебное заведение для взрослых (рабочих и крестьян) с целью их подготовки к поступлению в вузы. Сразу началось строительство учебного корпуса и общежития рабфака. Здание учебного корпуса рабфака сохранилось по улице Чорос Гуркина, № 34.

Сам рабфак был размещен на втором этаже, а на первом располагались магазины, часовая мастерская и библиотека.

*Учащиеся рабфака.
Фото 30-х годов XX века.*

В 1933 году создана Станция горного садоводства под руководством Михаила Афанасьевича Лисавенко - ученика Мичурина. В этом же году в городе Ойрот-Тура была организована школа леспромхозного ученичества. Она готовила кадры по специальностям: лесозэксплуатация, лесотранспорт, лесосплав. В 1934 году открылся первый специализированный книжный магазин.

*Первый специализированный книжный магазин.
Фото конца 90-х годов XX века.*

Этот год знаменателен еще и тем, что в Ойрот-Туру во главе агитпоезда «Октябрьская революция» приезжает с инспекцией М.И. Калинин.

В 1935 году закладывается городской парк и был построен Дом Советов, а также здание педучилища.

*Городской парк. В конце аллеи виден памятник С.М. Кирову.
Фото середины 30-х годов XX века.*

*Памятник Кирову после установления на площади памятника
В.И. Ленину перенесен на проспект Коммунистический № 14.
Фото конца 50-х годов XX века.*

Дом Советов. Фото конца 50-х годов XX века.

1935 год примечателен еще и тем, что на окраине Горно-Алтайска был построен кирпичный завод, что способствовало дальнейшему развитию строительства в городе жилых и административно-хозяйственных зданий.

В 1936 году был сдан в эксплуатацию первый трехэтажный благоустроенный жилой дом, так называемый «Дом специалистов» (современный адрес – улица Социалистическая, № 18), на первом этаже дома открылся магазин Сибторга.

«Дом специалистов». На первом этаже магазин «Колос». Фото середины 60-х годов XX века.

29 июля этого же года образовано автогужевое спецавто-хозяйство. По ходатайству руководства области перед СНК РСФСР ему было выделено 20 автомобилей (12 грузовых и 8 автобусов).

Спецавтохозяйство.

Фото середины 70-х годов XX века.

В 1938 году было построено здание «Алтайторга», в котором позже располагался магазин «Детский мир», а сегодня находится «Эл-Банк».

В 1938 году построены здания школ № 6,12,13. Годом позже в городе был проведен водопровод.

Национальный банк. Фото 1998 года.

В 1939 году строятся здания типографии, госбанка (ныне Национальный банк Республики Алтай), а также школы № 8 (по улице Карагужинской).

В это же время рядом с центральной площадью города строится пожарное депо (где в настоящее время располагается станция скорой помощи).

Пожарное депо. Фото середины 50-х годов XX века.

Станция скорой помощи. Фото середины 60-х годов XX века.

29 ноября 1939 года на площади имени В.И. Ленина был открыт кинотеатр имени Максима Горького.

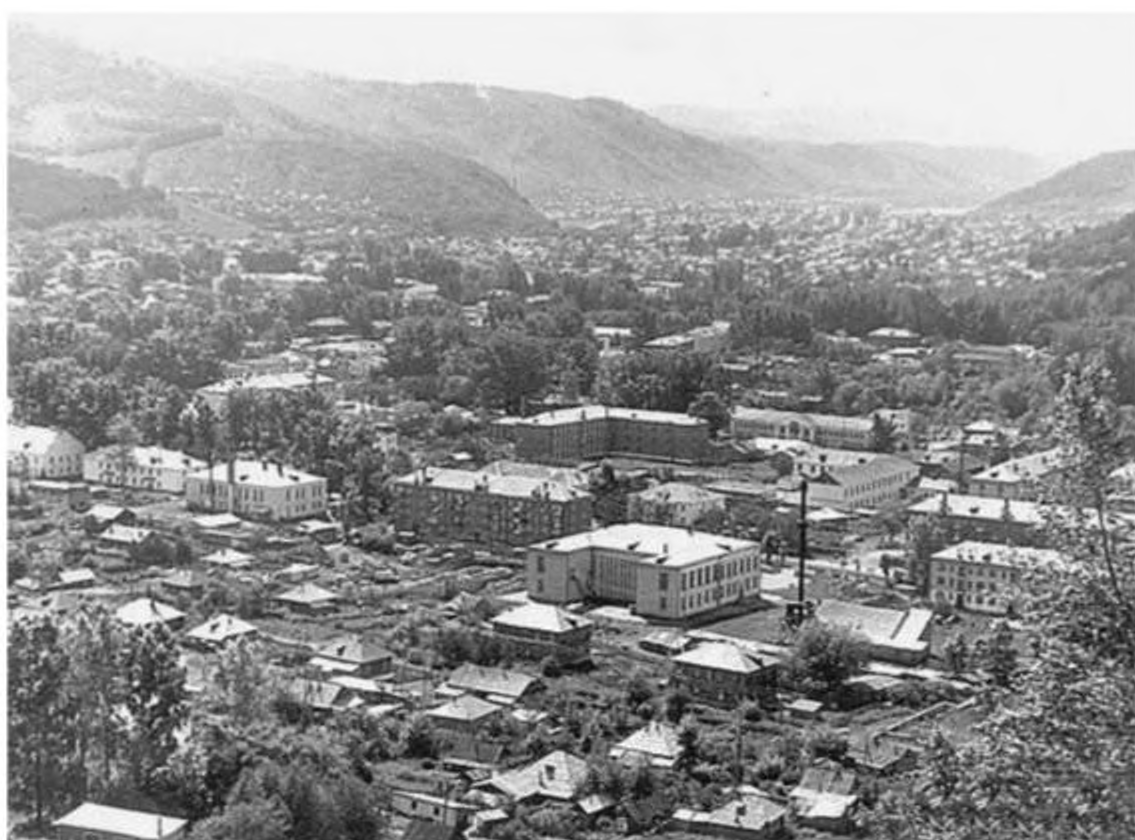
*Кинотеатр имени Максима Горького.
Фото 50-х годов XX века.*

К большому сожалению жителей города, он сгорел в 1994 году.

*Пожар в здании кинотеатра им. М. Горького.
Фото 90-х годов XX века.*

Таким образом, практически за два десятилетия было построено большое количество квадратных метров жилого фонда, государственных, ведомственных учреждений, учреждений социально-культурного и бытового назначения.

Горно-Алтайск. Фото 60-х годов XX века.

Кроме жилищных проблем в городе активно решалась проблема коммунального хозяйства. В это время были построены общественная баня и мельница.

Банно-прачечный комбинат. Фото 60-х годов XX века.

Электрификация города началась в 1924 году. Именно тогда в Улале была оборудована небольшая электростанция мощностью 30 кВт. Электроэнергию тогда получали некоторые учреждения, часть центральной улицы Советской (ныне Социалистической), и кинотеатр. В домах же горожан горели керосиновые лампы.

В 1934 году к линии электропередач были подключены мелкие предприятия и часть многоквартирных домов на центральных улицах города.

В 1937 году началось строительство новой электростанции, которая значительно расширила электрические сети города.

В этот период на базе управления электростанции и бани был образован коммунальный трест, в который вошли электростанция, баня, мельница, автотранспорт, слесарно-кузнечная и столярная мастерские, дезкамера. За период с 1927 по 1941 годы количество городских бань увеличилось с одной до пяти.

Баня № 1. Фото 90-х годов XX века.

В рассматриваемое время в городе работали две гостиницы и функционировал Дом колхозника.

Митинг у Дома колхозника. Фото 30-х годов XX века.

Тогда же центральные улицы города (Ойротская, Проходная и Базарный переулок) начинают посыпать гравием и строить деревянные тротуары, но большая часть улиц остается по-прежнему грязной и труднопроходимой.

Улица Карагужинская. Фото 1939 года.

Уже в 1935 году был образован штаб по озеленению города, возглавляемый М. Лисавенко. Зеленым строительством были охвачены многие объекты: сквер на площади обкома, бульвар на Ойротской улице, братская могила героев Гражданской войны, территория областной больницы, а также берега реки Улалушки.

С целью поддержания чистоты, порядка и санитарно-хозяйственного обслуживания домовладений, как и по всем городам Сибири, 20 октября 1926 года в городе Ойрот-Тура был введен институт дворников, которые должны были обслуживать следующие улицы: Ойротскую, Советскую, Социалистическую, Алферовскую, Ленинскую.

Большое внимание в данный период уделяется здравоохранению.

С 1920 года в Улале начинает работать городская амбулатория, больница на 40 коек (здание больницы сохранилось до сих пор – это здание кожно-венерологического диспансера).

Здание, в котором располагалась первая больница.

Фото 90-х годов XX века.

В 1925 году открывается городская детская больница, а в 1928 году в Улале уже семь стационарных лечебных учреждения.

Городская больница. Фото 50-х годов XX века.

Городская детская больница. Фото 90-х годов XX века.

Открывается областная больница с тремя отделениями, амбулатория, туберкулезный диспансер, больница при доме заключенных.

Строительство областной больницы.

Фото 30-х годов XX века.

Проблема обеспечения кадрами медицинских учреждений решалась различными методами. Так, в 1930 году в Улале были открыты областные годичные курсы младших медицинских сестер, а в мае 1936 года заработал медицинский техникум, что было весьма необходимо из-за огромной нужды области в кадрах медработников.

Медицинский техникум, в дальнейшем медицинское училище, фото конца 70-х годов XX века (в настоящее время в этом здании располагается Министерство здравоохранения Республики).

Таким образом, в период с 1920 по 1940 годы в городе активно ведется строительство жилищно-коммунальных учреждений и учреждений культурного назначения, а также наблюдается рост сети учебных заведений и учреждений системы здравоохранения.

Суровые реалии Великой Отечественной войны внесли существенные изменения в жизнь города.

Наибольшую остроту в условиях войны приобрела проблема снабжения населения города одеждой, обувью, мылом и другими предметами первой необходимости. Корни проблемы уходили в довоенное состояние легкой и местной промышленности. Переориентация оставшихся производств на выпуск вещевого довольствия для действующей армии обусловили дальнейшее сокращение объемов товарной продукции. Ритм жизни в этот период во многом определялся новым режимом труда, обусловленным военным временем. Уже 26 июня 1941

года на предприятиях были установлены обязательные сверхурочные работы, часто достигающие трех часов в день. Отменялись отпуска. Женщины и подростки стали основной частью трудовых ресурсов.

Не менее важной проблемой явилось состояние и развитие коммунально-бытовой сферы города. В годы войны жилищный фонд резко сократился за счет расселения эвакуированных и переселенцев. Снизилось также и его качество, так как под жилье приспособлялись амбары, склады, другие хозяйственные и вспомогательные помещения. В конце 1941 года было принято решение горисполкома об увеличении темпов строительства временного жилья и жилых помещений упрощенного типа: общежитий, бараков, землянок. Жилой фонд города из-за дефицита рабочей силы не обеспечивался нормальным ремонтом, детские дома и культурно-бытовые учреждения накануне зимы не имели стекол в рамах окон. Для отопления домов использовались деревянные тротуары, изгороди, а также вырубался лес на горе Комсомольской. В связи с этим внешний облик города и его окрестностей представлял собой довольно неприглядную картину.

Бытовые условия населения города крайне обострились из-за отсутствия элементарных средств дезинфекции и борьбы с вредителями. Также ощущалась острая нехватка санитарных учреждений. Из двух имеющихся в то время в городе бань одна не работала, а вторая работала с большими перебоями из-за отсутствия дров. Да и моющих средств, таких элементарных, как мыло, для обеспечения нужд населения не хватало.

В довольно сложных санитарно-бытовых условиях находилось эвакуированное население. В Горно-Алтайск с начала

войны было эвакуировано около пяти тысяч человек из различных уголков СССР.

Следует заметить, что если коренная часть населения кормилась, в основном, за счет личного хозяйства, то переселенцы и эвакуированные могли рассчитывать лишь на доброту местных жителей, которым тоже жилось несладко, да на небольшие пайки, получаемые за работу.

Война оказала большое влияние на состояние народного образования, затормозив процесс развития образования населения.

Осенью 1941 года в город прибыл Московский педагогический институт имени Карла Либкнехта. Городские партийные организации с большим вниманием и заботой отнеслись к размещению института. Для учебных занятий было предоставлено одно из лучших зданий города, которое принадлежало педучилищу.

Профессорско-преподавательский состав и студенты были обеспечены жилплощадью. Большая помощь оказывалась в обеспечении ученых продовольствием и всем необходимым. Все это создавало благоприятные условия для развертывания работы института. Прибытие в город высококвалифицированного профессорско-преподавательского коллектива из столицы имело большое значение для культурной жизни города.

Наряду с развертыванием учебной работы в институте был организован лекторий для жителей города. При институте для учителей города и области были также открыты курсы усовершенствования.

Важное значение для города и области имело открытие при институте в феврале 1942 года алтайского отделения на факультете языка и литературы.

Ученые института совместно со студентами алтайского отделения провели большую работу по сбору архивных материалов по истории Горного Алтая, алтайского фольклора, привив многим из студентов любовь к научно-исследовательской работе.

Во второй половине 1943 года институт был возвращен в Москву. Те студенты-алтайцы, которые закончили институт уже в Москве, стали впоследствии учеными и ответственными работниками народного просвещения.

20 октября 1941 года в город было эвакуировано еще одно высшее учебное заведение из Тамбовской области – плодово-овощной институт имени И.В. Мичурина. Он был размещен в здании зооветеринарного техникума. Весь профессорско-преподавательский состав и студенты также были обеспечены жильем и всем необходимым.

При институте был организован лекторий, в котором ученые читали лекции по вопросам текущей политики, по дарвинизму, на сельскохозяйственные и другие темы.

Также при институте были организованы курсы для председателей колхозов области. Профессорско-преподавательский состав оказывал большую помощь колхозам и совхозам области по вопросам организации труда, севооборотов, ухода за животными и т.д. Студенты института активно помогали в проведении сельскохозяйственных работ.

Зооветеринарный техникум.

Фото 70-х годов XX века.

По постановлению правительства в 1944 году институт возвратился вновь в Тамбовскую область, в город Мичуринск.

В феврале 1943 года в Ойрот-Туру по «Дороге жизни» из Ленинграда была эвакуирована 2-я Ленинградская спецшкола Военно-Воздушных сил. Она располагалась в здании, где сегодня размещается министерство здравоохранения региона.

В рядах курсантов школы ВВС в то время учился впоследствии известный актер и режиссер Леонид Быков. Вероятно, именно здесь он навсегда полюбил авиацию.

Всего спецшкола в Ойрот-Туре подготовила четыре выпуска своих учащихся, многие из которых впоследствии стали известными авиаторами. Многие курсанты погибли в сражениях Великой Отечественной войны.

В первые годы войны из-за нехватки бумаги временно перестали функционировать областные газеты «Красная Ойротия» и «Кызыл Ойрот». Однако уже в конце 1941 года они вновь стали выходить с периодичностью 8 раз в месяц.

С началом войны было приостановлено развитие культурной жизни населения города. Но постепенно, с началом побед Красной Армии, данная сфера восстанавливалась. В городе в годы войны работало два кинотеатра на 609 посадочных мест. Продолжал работу национальный театр, репертуар которого постоянно обновлялся. Спектакли театра были в основном на военно-патриотическую тему. С 1942 года в театре проходили дни алтайской культуры, организатором которых был П.В. Кучияк.

Продолжал функционировать и музей, сотрудники которого создавали стационарные и выездные выставки, читали лекции, проводили беседы, в которых рассказывали о героических страницах прошлого России и о победах Красной Армии на фронте.

Несмотря на острую нехватку медикаментов и самого необходимого, в городе продолжали функционировать учреждения здравоохранения.

Таким образом, в городе в годы войны наблюдались те же тенденции и проблемы, которые были характерны для всей нашей страны.

Победа в войне, достигнутая ценой огромных усилий и жертв являлась для советских людей ярким доказательством правильности курса страны на сверхиндустриализацию и первоочередное развитие тяжелой промышленности и сельского хозяйства.

Жизнь города в эти годы, как и жизнь всей страны, проходила под знаком восстановления народного хозяйства. Основную нагрузку вновь взяли на себя женщины. Мужчины-фронтовики вернулись с войны на пределе физических и душевных сил. Если во время войны многие недуги под угрозой

смерти отступали, то в послевоенное время запас человеческой прочности иссяк, открывались старые раны. Люди оказались неспособными противостоять «мирным» заболеваниям.

*Земляные работы в пригороде Ойрот-Туры.
Фото 40-х годов XX века.*

В связи с этим важнейшей проблемой для города являлась проблема социального обеспечения и помощи инвалидам войны, семьям, потерявшим кормильцев, пенсионерам и многодетным семьям.

К этому необходимо добавить, что в первые послевоенные годы коммунальный жилой фонд города совершенно не увеличивался. В связи с этим многим семьям приходилось жить в кухнях, коридорах, комнатах, находящихся в аварийном состоянии, и даже в банях! Ситуация усугублялась обветшанием жилых домов.

Недостаток топлива также неблагоприятно отражался на состоянии жилья. Часть зданий в зимний период промерзала и становилась малопригодной для жилья.

Осложняло обстановку и то, что к середине 1945 года бытовое положение города Ойрот-Тура находилось в очень запущенном состоянии: тротуары не ремонтировались, скверы были заросшими, ограды поломаны. Недавно высаженные деревья в силу отсутствия надзора и ограждений наполовину погибли. Изгороди в коммунальных домах были сожжены в годы войны. Даже городское кладбище не было огорожено.

Чтобы как-то изменить существующее положение в коммунально-бытовой сфере города, в июле 1946 года при отделе горисполкома было образовано жилищное управление, в результате чего ситуация с благоустройством города постепенно изменилась к лучшему. Кроме устранения вышеозначенных проблем начались работы по озеленению города, восстанавливались деревянные тротуары, ремонтировались мостовые и гравийные дороги.

К сожалению, долгое время в городе остро стояла проблема обеспечения электроэнергией. Имевшаяся тепловая электростанция в силу отсутствия топлива была законсервирована. Для исправления ситуации в 1949 году была спешно построена (с отступлением от проекта) и введена в строй ГЭС.

Ситуацию с электроснабжением осложняло и то, что электросети, сооруженные еще в 1938 году, вследствие износа и отсутствия капитального ремонта пришли в ветхое состояние. В результате на бытовые нужды населения электроэнергия практически не отпускалась. Как и в военное время, в первые послевоенные годы большая часть населения города обходилась керосиновыми лампами.

Следует отметить, что сразу же после войны в городе, как и во всей стране, был восстановлен восьмичасовой рабочий день, вновь вводилась система отпусков, стало реализовываться право трудящихся на отдых в воскресенье.

В результате этого были созданы благоприятные условия для улучшения быта и отдыха населения.

Для культурного отдыха горожан 17 мая 1946 года был создан городской парк культуры и отдыха, а также открыт городской тир.

Городской парк культуры и отдыха.

Фото конца 40-х годов XX века.

18 августа 1950 года был открыт городской Дом культуры, который стал центром общественно-политической и культурной жизни города.

Дом культуры. Фото 50-х годов XX века.

В послевоенный период отмечается повышенный интерес населения города к театральному искусству. В связи с этим в работающем национальном драматическом театре большое внимание уделяется постановке спектаклей, посвященных советской тематике. В 1950 году в Горно-Алтайске побывал с гастролями Украинский музыкально-драматический ансамбль. В 1952 году в городе работала передвижная выставка произведений советских художников, организованная дирекцией художественных выставок Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР.

После войны оживилась работа областного музея. Сотрудники музея проводили большую воспитательную работу среди населения. В стенах музея читались лекции о красоте и богатстве природы Алтая, оформлялись передвижные выставки. В местах, связанных с историческими событиями, устанавливались мемориальные доски.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в послевоенный период значительно повысился уровень развития культурной сферы обслуживания населения города.

С образованием на территории юга Западной Сибири Алтайского края и введением в состав края Ойротской автономной области город Ойрот-Тура в послевоенный период теряет свои губернские права. В 1948 году город Ойрот-Тура переименовывается в город Горно-Алтайск, а Ойротская автономная область – в Горно-Алтайскую автономную область.

Народное образование во все времена является важнейшим компонентом социального развития и повышения культурного уровня населения. После окончания войны первоочередной задачей городских властей стало восстановление базы народного образования. Активно начинают работать школы № 1,3,4,5,8. По Сталинскому проспекту в двухэтажном здании постройки 1938 года открывается школа № 6. В двухэтажном каменном здании постройки 1937 года работает школа № 13, а по улице Социалистической № 27 в каменном здании постройки 1936 года – школа № 12.

*Здание школы № 12, рядом остановка автобуса.
Фото 50-х годов XX века.*

Более того, в Горно-Алтайске в целях углубления знаний учащихся, разумного использования их досуга были организованы и успешно функционировали станция юных натуралистов, Дом пионеров, детская спортивная школа.

Дом пионеров (в настоящее время здесь находится «Сквер камней»). Фото 60-х годов XX века.

«Сквер камней». Фото конца XX века.

В сентябре 1952 года была открыта первая музыкальная школа области. Именно с ее открытием началось развитие сети музыкальных школ в Горном Алтае.

В 1949 году Горно-Алтайский национальный рабфак был преобразован в Горно-Алтайскую областную национальную школу. Создание национальной школы было обусловлено необходимостью подготовки квалифицированных кадров из коренного алтайского населения. В школу принимались дети сельских тружеников. Первым директором школы был В.И. Ильичев, а затем известный педагог В.К. Плакас.

В работе городских школ, несмотря на их увеличение, имели место такие проблемы, как уменьшение фонда школьных зданий, нехватка учебников, учебно-наглядных пособий, школьно-письменных принадлежностей, не хватало детской одежды и обуви. Бедным было оборудование кабинетов физики, химии, биологии, а в некоторых школах оборудование практически отсутствовало.

Сократился и качественно ухудшился состав учительства. Особую остроту приобрела проблема обеспечения школ квалифицированными кадрами. В связи с этим в июле 1949 года в Горно-Алтайске начинает функционировать учительский институт.

*Здание учительского института.
Фото 50-х годов XX века.*

*Студенты первого набора учительского института.
Фото 1949 года.*

*Студенты учительского института на перемене.
Фото 1952 года.*

Первоначально он состоял из двух отделений: языка и литературы и физико-математического. Позднее было открыто естественно-географическое отделение.

*Естественно-географическое отделение учительского
института. Фото конца 70-х годов XX века.*

С 1952 года в здании, где во время гражданской войны находился штаб партизанского отряда Усольцева, располагается научно-исследовательский институт языка и литературы. У истоков его образования стоял выдающийся русский ученый-историк Л.П. Потапов, занимавшийся изучением истории алтайцев.

Годом позже учительский институт получает статус Горно-Алтайского государственного педагогического института. Это было первое высшее учебное заведение области.

*Торжественная линейка у входа в Горно-Алтайский
государственный педагогический институт.*

Фото начала 50-х годов XX века.

*Здание историко-филологического факультета.
Фото середины 60-х годов XX века.*

*Современное здание Горно-Алтайского государственного
педагогического института (университета)
по улице Социалистической.*

Каково же было послевоенное состояние здравоохранения в городе Горно-Алтайске? К сожалению, следует констатировать тот факт, что последствия войны для городского здравоохранения оказались негативными.

Здоровье населения города было подорвано трудностями военного времени, возвращались раненые с фронтов. При этом медперсонала не хватало, лечебных учреждений было недостаточно, а те, которые были, нуждались в ремонте. В связи с этим первоочередной заботой городских властей было восстановление и обеспечение нормального функционирования учреждений здравоохранения города.

Подготовка высококвалифицированных кадров здравоохранения осуществлялась путем направления на учебу в высшие учебные заведения Алтайского края и прилегающих территорий.

Таким образом, в первые послевоенные годы были сделаны крупные шаги по преодолению и восстановлению тяжелых последствий войны. Так, в послевоенное десятилетие значительно расширилась сеть учебных заведений, увеличилось количество учреждений культурно-бытового назначения, расширилось, хотя и в недостаточных размерах, жилищное строительство, улучшились материально-бытовые условия населения города, постепенно восстанавливалось местное здравоохранение.

Активно начинает развиваться город в последующие годы. В 1958 году на центральной площади города открывается памятник В.И. Ленину, который был изготовлен в Ленинграде по модели скульптора Мамедова (5 метров 65 см.).

*Памятник В.И. Ленину.
Фото 50-годов XX века.*

В 1955 году завершено строительство первой в Сибири гардинно-тюлевой фабрики. В 1957 году на базе артели «Заря Алтая» создана обувная фабрика.

28 сентября 1958 года на Тугае был установлен теле-ретранслятор.

*Телеретранслятор на горе Тугая.
Фото 60-х годов XX века.*

В 1961 году открыт новый обувной магазин на площади имени Ленина.

*Обувной магазин на площади имени Ленина.
Фото 60-годов XX века.*

В год двадцатилетия победы советского народа в Великой Отечественной войне, в апреле 1965 года в Горно-Алтайске за-
ложен Парк Победы.

*Парк Победы.
Фото 70-х годов XX века.*

Первая жилая пятиэтажка в городе сдана к 50-летию Великой Октябрьской революции в 1967 году (в настоящее время это магазин «Юбилейный» в районе современного автовокзала. Ред.).

*Магазин «Юбилейный» в районе современного автовокзала.
Фото 90-годов XX века.*

17 августа 1971 года открыт областной Национальный драматический театр.

Национальный драматический театр.

Фото 90-х годов XX века.

В 1975 году сдано в эксплуатацию здание автовокзала.

Автовокзал. Фото 80-годов XX века.

Сейчас здесь регулярно совершаются рейсы в различные города: Томск, Новосибирск, Барнаул, а также в сёла респуб-

лики. Следует вспомнить, что первый показательный автопробег Улала-Бийск состоялся в 1929 году, а через несколько дней было установлено регулярное пассажирское движение. Плата составляла 7 руб. 88 коп. с человека и 80 коп за одно место багажа. Посадка происходила от «Дома Крестьянина» (современная гостиница «Горный-Алтай». Ред.) рано утром.

*Гостиница «Горный-Алтай».
Фото конца 70-х годов XX века.*

1 сентября 1987 года открылась городская школа № 3, а в 1988 году на проспекте Коммунистическом рядом с ветхим стареньким двухэтажным зданием выросло новое пятиэтажное здание зооветтехникума с большими окнами и светлыми аудиториями.

*Здание зооветтехникума.
Фото конца 80-х годов XX века.*

25 октября 1990 года была принята декларация о государственном суверенитете Горно-Алтайской Автономной Советской Социалистической Республики со столицей в Горно-Алтайске.

18 декабря 1992 года принят закон «О статусе столицы Республики Алтай».

С мая 1993 года утверждается новое название – Республика Горный Алтай, с декабря 1993 года – Республика Алтай.

28 июня 1996 года городской Совет депутатов утвердил герб Горно-Алтайска (автор В. П. Чукуев).

Герб города представляет собой изображение щита французской формы, то есть прямоугольник с заострением снизу в середине. Подобная форма щитов традиционна для российских городов. Поле щита бело-синее, повторяющее флаг Республики Алтай, что указывает на статус города как столицы республики. В верхнем белом поле слева помещён элемент

национального орнамента тёмно-красного цвета. Он ведёт начало с глубокой древности и является наиболее распространённым элементом русского (славянского) орнамента. В нижнем синем поле справа помещён элемент орнамента белого цвета. Он наиболее распространён среди алтайцев (тюркоязыческих народов). В центре щита по диагонали изображены древнейшие орудия труда и охоты: каменный топор на деревянной рукоятке, копьё с каменным наконечником и лук с тетивой. Эти атрибуты выполнены в бело-голубых цветах с оттенками серебряного цвета.

Герб города Горно-Алтайска.

3 июля 1997 года в рамках празднования Дня города прошла презентация первого номера городской газеты «Горный вестник». В 1998 году численность населения Горно-Алтайска составила 50,6 тысячи человек. 19 декабря 1999 года первым всенародно избранным главой города стал Виктор Облогин. В 2003 и 2008 годах Виктор Облогин дважды переизбирался главой администрации Горно-Алтайска.

Виктор Александрович Облогин.

В начале XXI века в городе интенсивно начинается строительство газовых котельных, что значительно улучшило бытовые условия горожан и сделало город чистым и красивым.

*Газовая котельная в районе торгового центра «Ткацкий».
Фото 2009 года.*

В 2010 году, согласно данным Всероссийской переписи населения, в Горно-Алтайске проживало 57,2 тыс. человек.

Знаменательным событием в жизни города и области явился пуск в эксплуатацию аэропорта в 2011 году.

Аэропорт города Горно-Алтайска.

В настоящее время регулярно совершаются рейсы в Москву, Красноярск и другие города России.

Год от года растёт и хорошеет город Горно-Алтайск, который когда-то был отсталой окраиной России.

Используемые источники:

1. Алтай в послевоенный период. – Барнаул, 1974. – 224 с.
2. Гордиенко, П.Я. Ойротия/П.Я. Гордиенко. – Горно-Алтайск, 1994. – 144 с.
3. Город любимый. Сборник документов. Горно-Алтайск, 1998. – 368 с.
4. Социальная история Горного Алтая в первой половине XX века: учебник для вузов. Часть 1. / отв. Ред. О.В. Гончарова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – 305 с.
5. Улала – Ойрот-Тура - Горно-Алтайск. Страницы истории / Под ред. А.В. Эдокова. – Горно-Алтайск, 1997. – 187с.

Из истории православия в Горном Алтае

Расова Надежда Васильевна –

кандидат исторических наук, учитель лицея №3

Царским указом от 2 мая 1756 года алтайцы были приняты в подданство России. К этому времени значительная часть Сибири уже входила в российские территории. Господствующей религией в России являлось православие, и поэтому, так или иначе, территория Горного Алтая становится объектом воздействия со стороны этой религии, определявшей духовные основы развития общества. В 1767 году Синодом в тех епархиях, где проживало много «иноверцев», для их обращения в христианство были назначены специальные проповедники. На всю громадную Тобольскую епархию, куда и входил Горный Алтай, приходилось всего два проповедника. Но в 1789 году и их деятельность была приостановлена из-за низкой эффективности работы.

В 1822 году был принят «Устав об управлении инородцев», предоставивший широкие возможности, для общения коренных народов с русскими с целью восприятия первыми русской культуры, быта, способов ведения хозяйства, что проводило их к переходу на оседлый образ жизни.

Несмотря на предполагаемую «Уставом...» веротерпимость и свободу вероисповедания, принятие господствующей в России православной религии нехристианами рассматривалось в нем как положительное явление, способствующее «скреплению» малочисленных народов страны в единое целое.

Деятельность миссионеров велась по нескольким направлениям:

1. Собственно крещение «инородцев» и дальнейшее их «приобщение» к религии.

2. Создание для новокрещенных атмосферы христианского бытия – организация миссионерских селений и помощь в налаживании оседлого образа жизни.

3. Воспитательная была проникнута идеей благотворительности.

Вследствие этого и появился 18 декабря 1828 года «Высочайший указ», на основании которого Святейший Синод отдал 24 декабря того же года распоряжение Тобольскому архиепископу Евгению об организации в Сибири миссионерской работы и об «устройстве» для этой цели Алтайской Духовной Миссии. Именно с этой даты начинается новая страница в истории Горного-Алтая, связанная с появлением в регионе Макария Глухарева-основателя Алтайской Духовной Миссии.

М. Глухарев родился 30 октября 1792 года в городе Вязьма Смоленской губернии в семье священника. Он рос в благочестивой обстановке, с раннего детства проявляя необычайную одаренность в овладении науками. Уже в семилетнем возрасте Михаил делал переводы с русского на латинский язык. Он получил богословское образование, окончив Санкт-Петербургскую духовную академию.

В сентябре 1830 года Макарий прибывает в Улалу. 7 сентября здесь он совершает важное действие, с которого и начался отсчет деятельности Алтайской Миссии: им был крещен семнадцатилетний юноша-иноходец Елеска и наречен именем Иоанн.

*Крест на слиянии рек Улалушки и Маймы.
Здесь происходило крещение Елески. Фото 2016 года.*

В мае 1831 года Макарий поселился в купленной им у русского пчеловода Ащаулова избе. Однако архимандрит столкнулся с неприязненным отношением к себе проживавших здесь телеутов, которые даже решили из-за его приезда «откочевать». Тогда он переселился в Майму, находившуюся в 8 верстах от Улалы, которая и стала первым опорным пунктом в деятельности Миссии. Свой магистерский оклад в 350 рублей он отдавал на пособия бедным из новокрещённых и устройство их оседлого образа жизни. Пища архимандрита была самой простой, он имел только одну рясу, которую носил несколько лет. Иногда не имея ни копейки денег, был вынужден брать их в долг. В отношениях с инородцами и «научении их вере» отец Макарий был прост, ласков и доступен. Однажды он зашел в юрту «для проповеди», в которой была татарка, занятая стряпней. Она внимательно слушала священника, но тут в ко-

лыбели заплакал ребёнок. Макарий сел к колыбели, и, убаюкивая ребёнка, продолжал «учить» его мать. Иногда и сам архимандрит уподоблялся детям: играл с ними, попутно разучивая церковные песнопения и молитвы, дарил гостинцы. Таким и Киприан Чевалков одиннадцатилетним мальчиком впервые увидел архимандрита, а в 16 лет был окрещен Макарием и «наречен» Михаилом.

Деятельность Макария Глухарева была просветительской по своему характеру. Он в совершенстве овладел языком коренных жителей и создал алтайский алфавит. За основу алтайской письменности была взята русская графика. На основе алфавита он составил «Азбуку» и «Алфавит Библии».

Первые школы для мальчиков и девочек были открыты священником в Улале в 30-е годы XIX века. В них преподавались славянская и церковная грамота, Закон Божий, церковное пение и элементарные правила арифметики. Девочек обучали ещё и ведению домашнего хозяйства. В 1840 году в Улале появился приют для девочек-сирот.

Макарий Глухарев был и архитектором, и строителем первых храмов в Горном Алтае. Когда в 1834 году Макарий Глухарев переселился в Улалу и основал здесь миссионерский стан, он занялся строительством специального здания для походной церкви. Оно было построено на средства бийских мещан Михаила Ащаулова и Афанасия Жирова. Но в ночь с 5 на 6 января 1838 года церковь сгорела «от попортившейся печи». Однако уже 4 августа того же года православные христиане Улалы вновь построили здание церкви.

Макарий Глухарев с целью внедрения земледелия в регионе выписывал из Санкт-Петербурга земледельческие журналы, семена овощей, лекарственных трав и цветов, книги об овцеводстве и земледелии. Он оказался одним из первых, кто оказывал медицинскую помощь инородцам Сибири: собственноручно прививал оспу, лекарства из аптечки отпускал бесплатно и «сам во всякое время в качестве врача неотложно являлся к тем, которые его приглашали». Как лечебное средство Макарий использовал целебные травы Горного Алтая. В 1838 году им была «заведена» больница.

Макарий Глухарев окрестил за годы своего 14-летнего служения в Миссии 675 человек. Он видел в этом христианском таинстве освобождения «чад своих» от «скверны прежних своих грехов». Иначе говоря, своей главной задачей Макарий и его сподвижники считали претворение в жизнь идеи христианского спасения инородцев.

На первых порах Макарий столкнулся с немалыми трудностями: незнанием языка местных инородцев, с их «рассеян-

ностью по ущельям и дебрям Алтайских гор»; с враждебным отношением к себе проживающих здесь раскольников, которые сразу же повели пропаганду среди коренного населения против самого архимандрита, которого они называли не иначе как антихристом.

Но и после крещения «новообращенные в веру» не оставались без опеки своего духовного отца. Макарий систематически посещал их юрты, вникал во все стороны их жизни, помогал им, чем мог. По воспоминаниям очевидцев, миссионер в годы служения в Улале знал всех её жителей в лицо и добивался, чтобы в праздничные дни они обязательно были на церковных службах. Проявляя требовательность и упорство, архимандрит одновременно был «добрым и смиренным», что оказывало «благодетельное влияние на народ».

Без преувеличения можно сказать, что деятельность этого человека - святого оставила заметный след в нашем регионе. Так, письменность, созданная Макарием, лежит в основе современной алтайской письменности. Несмотря на неоднозначность оценок деятельности Макария Глухарева в регионе, историками и философами Горного Алтая признается его гуманная, просветительская роль. Макарий Глухарев, безусловно, является выдающейся личностью.

Его заслуги перед Русской Православной Церковью оценены в сегодняшние дни. На юбилейном Архиерейском Соборе, проходившем в Москве с 13 по 16 августа 2000 года, он был причислен к лику святых за «праведное житие, равноапостольные труды по переводу Священного Писания на алтайский язык и распространение на Алтае «веры Христовой».

Пример подвижничества миссионерства М.Глухарева нашел свое продолжение в деятельности его ученика, протои-

ерея Стефана Ландышева, возглавлявшего Миссию с 1844 по 1865 год.

24 ноября 1865 года Указом Святейшего Синода начальником Алтайской Миссии был назначен архимандрит Владимир (Петров) – ректор Санкт-Петербургской духовной академии, один из организаторов Православного Миссионерского Общества. Его с полным основанием можно назвать её «строителем». При нем значительно активизировалось возведение культовых зданий.

В начале 80-х годов XIX века центр Миссии был перенесен в город Бийск. Эти годы стали для нее временем стабильного и динамичного развития. С 1884 по 1891 годы её возглавлял епископ Бийский Макарий (Невский), находящийся на службе в Миссии с 1855 года.

Благодаря его усилиям, она выросла структурно до 12 станов, в которых функционировали 34 церкви, 2 монастыря и 27 школ.

Необходимо отметить, что записки и дневники миссионеров дают нам многое для понимания того как их авторы осмысливали цель и назначение своего труда. Так, один из ветеранов Миссии В. Постников, приехавший на Алтай в 1860 году и прослуживший здесь 44 года, писал потом в своих записках: «Видя перед собой всё чужое, думается: зачем я здесь? А для того, чтобы этих еще не испорченных людей простых с добрым сердцем, не знающих истинного Бога, ты должен, во-первых, просветить светом истинного богопознания, а, во-вторых, воспитать, переродить и слить в одно с народом русским».

По воспоминаниям очевидцев, архимандрит В.Петров (начальник Миссии с 1865 по 1883 годы) был умелым и не-

утомимым наездником. Но однажды в верховой поездке по узкой горной тропинке он получил серьезную травму берцовой кости, от которой он «страдал» потом почти год.

Итак, поездки были составной частью жизни миссионера. Пищей в таких путешествиях часто были только сухари, а «пристанищем» палатка или «дымная и полная всяких насекомых юрта «инородца».

Живую картину встречи с некрещёнными в их юрте описал в своих заметках первый алтаец-миссионер Михаил Чевалков. При входе в юрту, где находились три женщины, он, прекрасно знавший обычаи этого народа, сел у двери на место для «непочетных гостей» и начал беседу с приветствиями. Однако ответом на его слова было угрюмое молчание. Миссионеру стоило большого труда чтобы «разговорить» хозяйку юрты, которая уже в ходе завязавшейся беседы предложила гостю пищу и выразила удовлетворение от услышанных благопожеланий.

Но не всегда миссионеру удавалось найти общий язык с некрещеными инородцами и достигнуть желаемого результата от евангельской проповеди. В их записках и отчетах Миссии нередко встречаются горькие слова о том, как тяжело бывает миссионеру после «усиленных трудов благовестия возвращаться, не условив словом Божиим ни одной единицы».

Во время поездок к новокрещенным миссионеры совершали богослужения, обучали молитвам, раздавали крестики. К священнику, как видно из документов, обращались с самыми разными просьбами. Завершив службу, миссионеры посещали жилища своих подопечных и смотрели, насколько они опрятны и есть ли в них иконы; вникали также и в нужды их обитателей. Особенно много забот было у миссионера во время Ве-

ликого поста, перед Пасхой и престольными праздниками.

Основными формами работы миссионеров по отношению к язычникам были поездки в алтайские кочевья для проповеди христианства и приготовления алтайцев к крещению. Обязанностью священнослужителей Миссии было произнесение проповедей во время богослужений о том, «чему христианин непременно должен верить». Наиболее опытные миссионеры записывали их для того, чтобы ими пользовались другие священники.

Благодаря самоотверженности миссионеров, грамотному подходу к своим обязанностям Алтайская Миссия стала первой «правильно организованной» в Западной Сибири. Уже к 60-м годам XIX века она приобрела большую известность в России. Накопленный ею опыт миссионерской работы, по мнению церкви, был достоин подражания.

Важной заслугой Алтайской Миссии явилось создание ею системы школьного образования в регионе. Первые школы, как указывалось выше, появились при Макарии Глухаре в 1830 году. Спустя восемь десятилетий - в 1911 году, - их число возросло до 90. Гордостью Алтайской Миссии являлись мужская и женская школы, функционировавшие в Улале.

Целенаправленная образовательно-просветительская работа Миссии дала плоды. В 1915 году в 24 отделениях проживало 86,7 тыс. человек, из которых 13,8 тысяч были грамотными. Что касается коренного населения, то, по данным С.П.Швецова в 1897 году, среди оседлых инородцев грамотность составляла 8 %, а среди кочевых - 1,3%.

Осуществляя свою миссионерско-просветительскую деятельность, Миссия исходила из того, что наилучшим миссионером является священник из самой инородческой среды.

Этой «кадровой политики» она и придерживалась. Если в середине 60-х годов в составе миссионеров не было ни одного «из числа инородцев», то в 1892 году их было 5 (или 36%), а в 1902 году - 9 (или 50% от общего числа миссионеров).

Подытоживая всё вышесказанное, можно констатировать, что несмотря на свою специфичность Миссия являлась структурным подразделением Русской Православной Церкви и решала задачу «христианизации инородцев». Она внесла существенный вклад в развитие производительных сил Уалы, а также в преобразование социально-экономической и культурной жизни населения всей Ойротии.

Последний звон колоколов Нагорной церкви*1

И. Шлапаков – с. Майма

Вспоминая не такое уж и далекое время, свое детство, хочу рассказать о Нагорной церкви: где была расположена, как проходили в ней службы, какие имела преимущества по отношению к другим храмам, как ее разрушили и как к этому отнеслись люди.

Жили мы тогда у подножия холма, на котором стояла церковь, поэтому часто бывали там. В настоящее время в городе несколько церквей, нет необходимости перечислять все. Возводятся новые, восстанавливаются старые. Это говорит о том, что христианская религия, вера людей в Бога устойчивы, и никакие репрессивные меры не могут это изменить.

Нагорная церковь очень выгодно отличалась от других храмов прежде всего тем, что находилась на холме, западная часть которого круто обрывается к реке Улалушке. Она была

видна со всех точек города! Да и колокольный звон плыл до самых дальних домов.

В архивных документах время ее постройки не сохранилось, а вот дата сноса известна. Вот как написано об этом в постановлении Президиума Ойрот-Туринского городского Совета № 20 от 10 июля 1936 года: «Принимая во внимание, что здание церкви, согласно осмотру технической комиссии, по своей ветхости признано негодным для дальнейшей эксплуатации, грозит обвалом, угрожающим жизни людей, здание церкви временно закрыть».

Редкий снимок начала XX века.

На холме видна Нагорная церковь.

Летом того же года храм снесли. Тяжело восприняли горожане это решение городских властей. Они не остались безучастными и принимали все возможные меры, чтобы сохранить храм Господний. Актив прихожан Совета религиозной общины посещал многих руководителей города и области, где люди настоятельно просили отменить решение и доказывали необходимость сохранения церкви. Но все было тщетно. Им везде

отказывали, ссылаясь на распоряжение вышестоящих начальников.

А прихожан в Нагорной церкви всегда было много. Иногда мы, ребяташки, уловив момент, проникали внутрь храма. Сбившись в кучку, прижавшись к стене, с замиранием сердца смотрели на все, что там происходило. Но больше всего нас интересовал священник – его огромный (как нам казалось) рост, яркая одежда, мощный голос. Когда после слов «Господу помолимся» вступали певчие, такое звучание было в храме – дух захватывало.

И все-таки церковь снесли... Непередаваемое чувство горести, жалости, печали возникло у верующих, присутствовавших при этом событии. Колокола, падая с большой высоты, издавали своеобразные звуки. Это был их последний, прощальный звон. А верующих, пришедших на снос церкви, близко не подпускали, отгоняли, и они, собравшись в кучки, молились и плакали, плакали и молились. Вот так власти пытались лишить людей веры в Бога. Не получилось. Верующие продолжали молиться, но уже в частных домах.

По традиции некоторые горожане в религиозные праздники вспоминают своих усопших близких, похороненных на кладбище возле того места, где была Нагорная церковь. Несут цветы туда, где был храм, но по незнанию кладут их на другое место. Хочу рассказать людям, где стоял храм. Мне в этом помогает огромный, в несколько обхватов, тополь, который рос близко от церкви. Правда, после разрушения, как будто потеряв связь с божественным, он постепенно сохнет. Сейчас листья распускаются лишь на отдельных его ветках.

Этот тополь стоит на краю дороги, проходящей через все старое кладбище. А дорога соединяет два района города: се-

верную часть с выходом на улицу Депутатскую и юго-западную с выходом на Октябрьскую улицу. Так вот, буквально в нескольких метрах к западу от тополя и стояла церковь.

*Остаток некогда могучего тополя у кладбищенской дороги.
На месте православной беседки и стояла Нагорная церковь.
Фото 2018 года.*

На этом, казалось бы, можно и закончить свои воспоминания. Но нет! Хочу сказать, что властями города была совершена вопиющая несправедливость к верующим. Они обманым путем лишили христиан возможности молиться, тем бо-

лее в таком, выгодно отличающемся от других, храме, который обладал огромной притягательной силой, где происходили многие значимые для населения события.

Свой рассказ о Нагорной церкви мне хочется закончить так: пройдет какое-то время, и на этом месте будет построена новая церковь, но уже по современному архитектурному проекту. И снова люди услышат колокольный звон, извещающий, что справедливость восторжествовала. Хочется в это верить!

Здесь современность соседствует с вечностью*2

*Казагачева Зоя Сергеевна – доктор филологических наук,
доцент Горно-Алтайского госуниверситета*

За исторически короткий период у города сменилось несколько названий, что как в капле воды отразило характерные черты недавнего прошлого. Начало ему было положено в первой четверти XIX века. В обширной, местами заболоченной долине двух рек, куда стекали с горных ложбин родниковые воды, находились четыре юрты семейства Кёчёя. Потомки его, носители фамилии «Кочеев», и поныне живут в Горно-Алтайске (заметим, Кёчёй явился прообразом литературного героя в незаконченном историческом романе С.С. Суразакова «Улалу»).

По свидетельству алтайского писателя М.В. Чевалкова (1817 – 1901), первая русская семья – мещанина Коньшина – приехала из Бийска в Улалу в 1824 году. Первый миссионер Макарий Глухарев прибыл на Алтай в 1830-м.

Так в XIX веке селение Улала стало своеобразным культурным центром на Алтае. Здесь обосновалась Алтайская ду-

ховная миссия и ее службы, действовали две церкви, школы, работала первая переводческая комиссия, разрабатывалась миссионерами письменность, учебники и первая грамматика алтайского языка, кстати, на сто лет опередившая грамматики других тюркских народов и ставшая для них образцом. Именно отсюда начинался путь по изучению народонаселения Алтая, а потому Улала постоянно упоминается не только в научных публикациях. Например, исследователь Н.М. Ядринцев (1842 – 1894), путешествуя по Европе, вспоминает милый его сердцу край: «Мелькнула горная речка. Не Улала ли или Найма-речка (Майма. – З.К.) шумит, прыгая по камням? Эти сиенюющие горы напоминали мне Улалу и первые виды предгорий близ Чергачака (селение в районе современного села Майма. – З.К.). На меня пахнуло старым знакомым горным воздухом. Неужели я опять там?». Топониму Улала в публикациях дано несколько вариантов пояснений. В одном из них он представлен как слитное произношение двух слов: ула (от улу – великий, большой) и дьул (јул – ложок с водой, урочище), в другом варианте – от улу дьол (великая дорога). Но мы склонны придерживаться устного пояснения профессора С.С. Суразакова: Улала (русская огласовка от Улалу) образовано от слова улаалу. Оно обычно употребляется в сочетании улаалу јер и может обозначать: а) место выпаса коней в многодневном пути; б) одно из звеньев большой дороги, нечто вроде большой станции. По сообщению лингвиста Н.Д. Алмадаковой, улаа јер – укромное, потайное или защищенное от ветра место.

Исторична была и вторая часть нового названия города – Тура. В ней зафиксирован переход сибирских кочевников к оседлому образу жизни (ср.: тур – стоять, тургун – стоянка,

стойбище, тура – поселение для оседлого образа жизни, дом, город). Тура – так называется поселение городского типа. И хотя для истории возраст города ближе к колыбельному, он стремительно обрывает широкий спектр признаков столицы. Уютно расположенный в окружении лесистых гор и прозрачных родников, насыщенный свежим воздухом, он привлекает чистотой и ухоженностью улиц, дворов, обилием цветов. Город становится культурно-историческим достоянием не только республики, но и страны. Например, сегодня всему миру известна Улалинка – одно из древнейших поселений человека в Евразии, открытое в черте города академиком А.П. Окладниковым.

Каждый город имеет свои особенности, свою собирательную память. Многие здания города должны подлежать охране государства как памятники истории, культуры и науки. Назову лишь некоторые. Это здание бывшего педагогического института по улице Социалистической. В годы Великой Отечественной войны распоряжением Совета по эвакуации от 17 ноября 1941 года за подписью Алексея Косыгина наш город был обозначен местом эвакуации Московского государственного педагогического института им. Карла Либкнехта. В конце ноября 1941 года столичный институт со всем профессорско-преподавательским составом, с аспирантами и студентами прибыл в Ойрот-Туру. Особую тревогу вызывает состояние другого здания как памятника истории и культуры. Это дом № 9 на улице Типографской ждет своего мемориального обозначения.

Дом, где жили Улагашев и Кучияк. Современная фотография (на фотографии видно, что дом находится в аварийном состоянии. Ред.).

В этом двухквартирном доме жили два человека, являющиеся символами Алтая: сказитель Николай Улагашев и писатель Павел Кучияк. Жили в самые плодотворные годы своего творчества.

Памятник Улагашеву на проспекте Коммунистическом.

Этот дом памятен еще и тем, что в нем побывали ученые и писатели Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других городов – Л.П. Потапов, Н.А. Баскаков, А. Гарф, А. Коптелов, А. Смердов, Е. Стюарт, И. Мухачев и др. Благодаря их творческому содружеству появились первые научные статьи об Улагашеве и Кучияке. Я не знаю, что тогда ученикам сельских школ, гостям из других городов сможем показать. Ну, покажем музей, театр, бассейн, сквер. А как связана история города с лучшими людьми, с тем, где они жили, работали?

Несомненно, достопримечательностью города является здание НИИ алтаистики имени С.С. Суразакова.

НИИ алтаистики имени С.С. Суразакова.

Фото начала XXI века.

Это уникальный научный центр, в архивных фондах которого сосредоточены материалы генофонда культуры этносов Алтая, добротный задел для исследований по многим научным направлениям. Ибо язык, фольклор и религия – основные показатели в прогнозировании долголетия малых коренных на-

родов мира. А потому Горно-Алтайск – город, в котором каждодневно сосуществуют и современность, и голос вечности.

Из села в город*3

Основным содержанием общественной жизни Улалы, а вместе с тем и всей Ойротии, стало строительство новой жизни. Надо было формировать и реорганизовывать различные службы, призванные пустить в действие сложнейший механизм городского хозяйства. 27 февраля 1928 года принято Постановление ВЦИК о преобразовании села в город. Улала стремительно строилась, открывались новые учреждения, больница, педагогический техникум, появились первые двухэтажные каменные благоустроенные дома.

В 1929 году в городе была организована сельскохозяйственная артель, в которую вошли 20 единоличных хозяйств. Заработали в полную силу местные кустари – промысловики, открылись первые промартели, как, например, "Металлист" *(бывший обозостроительный завод.Ред.)*.

В 1938 году начала вести передачи Ойрот-Туринская широкоэмиттерная станция РВ-83. Радиостудия разместилась в центре, возле областного краеведческого музея в специально оборудованном здании. Между тем город и далее развивался и благоустраивался. Мостились улицы, прокладывались деревянные тротуары. Началось строительство универмага, аптеки, сельскохозяйственной школы, завершались отделочные работы в Доме специалистов, новой гостинице. Однако, несмотря на высокие темпы строек, новые здания были далеки от совершенства. Интересно об этом писала в то время газета «Советская Сибирь»: «то, что уже построено здесь, огорчает своей

безвкусицей. На каменных коробках не сыщешь и следа забот о красивом архитектурном оформлении столицы области. Жители Ойротии, избалованные богатой игрой линий горного рельефа, воспитанные на изумительных пейзажах Алтая, несомненно, с тоской смотрят на новые здания. И даже строители Ойрот-Туры почувствовали свои ошибки, они начали думать над украшением своих сооружений. Новые здания, заложенные в последующие годы, несли в себе зачатки местных особенностей архитектуры».

Здание обкома КПСС. Фото 70-х годов XX века.

В этом же году рядом с городом, в Титанаковском логу, молодой ученый-садовод Михаил Лисавенко вместе с первыми сотрудниками организованного им филиала Мичуринского института северного плодоводства посадил первую тысячу яблонь. Ученик Ивана Владимировича Мичурина, Михаил Лисавенко стал впоследствии академиком, Героем Социалистического труда, а основанный им питомник до сих пор является достопримечательностью Горно-Алтайска. Бег времени

неуловим, и к 1938 году внешний облик столицы Ойротии сильно изменился. Один за другим вошли в эксплуатацию новые здания: Дом Советов, кинотеатр им. Максима Горького, школа №8, родильный дом, пожарная каланча и ряд многоэтажных домов. В то время в газете «Красная Ойротия» появился очерк «Столица Ойротии в расцвете», где говорилось: «... Ленинская улица служила для всех памятью. Теперь там, где были непроходимые болота и трущобы, жители живут на новой зеленой улице. Ленинская улица стала совсем другой - теперь на ней выстроены четыре магазина и ряд двухэтажных зданий... Выросла городская сеть различных учебных и культурно-просветительных учреждений. В городе пять начальных и две неполных средних школы, четыре средних с общим числом учащихся 4724. Открыты: зооветеринарный техникум, рабфак, медицинская школа, педагогический техникум, в которых обучаются более тысячи студентов. О большом росте культурного строительства свидетельствует расходная часть городского бюджета. Если в 1935 году она составляла 1 млн. 190 тысяч рублей, то в 1939 году уже освоено 5 млн. 300 тысяч рублей».

22 июня 1941 года мирная созидательная жизнь Ойрот-Туры и Ойротии обрушилась. Враг напал на нашу страну. По городу шли стихийные собрания и митинги жителей. Прямо на митингах проводилась запись добровольцев на фронт. День и ночь машины и подводы уезжали в сторону Бийска. В одном из выступлений тех дней горожанин Василий Тартыков говорил: «Мне как гражданину Советского Союза, выпала честь защищать свою Родину. Уезжая на фронт, я даю клятву всему советскому народу, что не пожалею ни своей крови, ни жизни за счастье, свободу и честь нашей страны». К концу августа

1941 года для отъезжающих на фронт от населения города поступило денег и других ценностей на сумму 325 865 рублей. Всего за годы войны из города Ойрот-Тура было призвано в ряды Красной Армии 8154 человека, не вернулись с полей сражений тысячи наших земляков. Навсегда останутся в нашей памяти имена горно-алтайцев - Героев Советского Союза: Ильи Захаровича Шуклина, Александра Николаевича Ленкина, трижды кавалера ордена Славы Вениамина Владимировича Чевалкова и других. В тылу наши земляки отдавали все для победы над врагом. За годы войны на фронт было отправлено 3 млн. пудов зерна, 2 млн. пудов мяса, более 70 пудов шерсти. Перевыполняли планы и по поставке лошадей. 20 февраля 1943 года Иосиф Виссарионович Сталин объявил благодарность комсомольской организации Ойротской области, собравшей 2 млн. 683 тысячи 803 рубля на строительство танковой колонны «Комсомолец Алтая». Маленький областной центр Ойрот-Тура с населением в 1940 году 27 628 человек за 1941-1942 годы принял, разместил и обогрел 2 315 человек, эвакуированных с оккупированных территорий. Сюда были эвакуированы детские дома, учебные и другие заведения. И эта черта была характерна в эти тревожные дни для всех сибирских городов.

Дела давно минувших дней*4

События, описанные в данном очерке, охватывают период становления Горно-Алтайской автономной области с 1905 по 1941 годы. Ред.

В 1905-1916 годы в Горном Алтае практически отсутствовала промышленность. Так, на кустарных предприятиях по

переработке молочной продукции, кожсырья и шерсти в селе Улале на временных работах по заготовке леса и сбора кедрового ореха было занято незначительное число рабочих, в основном сезонных.

Крайне отсталым было сельское хозяйство. Вся земля и леса Горного Алтая, как и всего Алтайского округа, являлись собственностью царской семьи и назывались «кабинетными», то есть находящимися в ведении «Кабинета его Величества». Жители Улалы, как и все инородцы Горного Алтая, занимались кочевым и полукочевым скотоводством, охотой на пушных зверей и сбором кедрового ореха. Земледелие играло вспомогательную роль. Местное население разводило лошадей, крупный рогатый скот, овец и коз.

Коренное население старой Ойротии.

Фото начала XX века.

К 1917 году Улала превратилась в селение со смешанным национальным составом, в котором проживали в основном алтайцы, русские и частично казахи.

Как в алтайских, так и в русских и смешанных семьях имела место имущественная и классовая дифференциация, шел процесс разорения трудящихся.

Большинство коренного населения Горного Алтая и Ула-лы было политически бесправным и отсталым. Так, алтайцы подвергались двойному гнету - социальному и национально-му. Из каждых 100 алтайцев 97 были неграмотными. Церковная литература, издававшаяся на базе русского алфавита на алтайском языке православными миссионерами, была достоянием лишь небольшой группы людей.

Победа Февральской революции всколыхнула сельское население Алтая. Так, участники собрания Улалинского инородческого общества, состоявшегося в начале марта 1917 года, потребовали передать в пользование населению Горного Алтая земли Кабинета и монастырей.

Улалинцы специально оговорили, что в волостной и сельские комитеты не должны выбираться люди, которые служили царскому правительству. Участники улалинского собрания решили ходатайствовать перед Временным правительством о возвращении с тыловых работ алтайцев, мобилизованных в 1916 году.

9 мая 1917 года купец и маслозаводчик алтаец Данил Тобоков в телеграмме, направленной из Улалы в город Томск известному сибирскому областнику Г.Н. Потанину и художнику-алтайцу Г.И. Гуркину, выразил пожелание созвать 1 июня съезд инородцев Бийского уезда для обсуждения их интересов.

«Центральным решением съезда было создание «Алтайской горной думы» - центрального органа по местному самоуправлению с местонахождением в городе Бийске. Председа-

телем Думы был избран Г.И. Гуркин, а почетным членом Думы стал Г.Н. Потанин.» (*Вопросы истории Сибири, выпуск 2. Издательство Томского университета, Томск. 1965, стр. 152*).

В декабре 1917 года Алтайская горная дума направила через ряд сибирских газет «горячую и сердечную благодарность» баям и купцам за помощь Думе денежными средствами. По сообщению Думы, Аргымай Кульджин внес 60 тысяч рублей, Манджи Кульджин - 50 тысяч рублей, Данил Тобоков - 10 тысяч рублей, И. Чепкин - 10 тысяч рублей, А. Ситников - 5 тысяч рублей, Максим Зятков - 1000 рублей. (*Л.П. Потанов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 447-448.*).

К сожалению, вся работа съезда и Думы говорит о том, что их вдохновители предлагали народным массам путь приспособления старых патриархальных порядков к новым условиям буржуазного общества, обеспечивая при этом господствующее положение баев и торговцев, беспощадную эксплуатацию ими трудящихся.

Политический смысл выделения в самостоятельную административную единицу, как это выяснилось после Октябрьской революции, руководящая верхушка Горной думы усматривала также и в том, чтобы изолировать трудящихся алтайцев от большевистского влияния, повести соплеменников за собой, сохранить господство эксплуататоров. (*С.Я. Пахеев. Контрреволюционная роль Каракорум-Алтайской окружной управы в годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Сб. Вопросы истории Сибири, Томск, 1965, стр. 128*).

В течение весны, лета и осени 1917 года в Горном Алтае не прекращались так называемые «Лесные волнения», явившиеся следствием недовольства крестьян земельно-лесными отношениями. Так, в Улалинском лесничестве алтайское население отказывалось от уплаты аренды за пользование кабинетными землями и лесами.

К осени 1917 года усилилось создание крестьянских Советов в Горном Алтае. Организатором Улалинской партийной группы стал начальник местного почтового отделения И.М. Попов.

На первой Алтайской губернской большевистской конференции, проходившей в начале октября 1917 года, подчеркивалось, что влияние Советов возросло, усилился приток новых членов в партию, в ряде сел уезда были созданы партийные группы. Первые из них начали работать в селах Алтайском и Улале.

25 октября (7 ноября) 1917 года в результате вооруженного восстания рабочих, солдат и матросов Петрограда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Временное буржуазное правительство было свергнуто, и государственная власть в столице перешла в руки Военно-революционного комитета.

Для упрочения Советской власти на местах нужно было разрушить старый, буржуазный и создать новый, советский государственный аппарат.

В конце февраля 1918 года был избран Совет крестьянских и солдатских депутатов в селе Улала. Незадолго до выборов на квартиру к И.И. Некорякову, матросу-балтийцу, большевику, участнику октябрьских событий в Петрограде, собрались крестьяне-фронтовики В.П. Прохоров, Е.С. Глазычев,

Т.Ф. Звягин, И.М. Суриков, заведующий местным почтовым отделением, руководитель большевистской партийной ячейки И.М. Попов для обсуждения вопроса, каким образом провести собрание для избрания местного Совета. Решено было провести разъяснительную работу среди всех слоев местного трудового населения, а потом собрать взрослых жителей села на общий сход. *(Библиотека Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории языка и литературы (ГАНИИИЯЛ), фонд воспоминаний. Е.С. Глазычев, папка 18.).*

Во вновь избранный Совет вошли представители от русского и алтайского населения села. Председателем Совета был избран Иван Иванович Некоряков. *(ГАНИИИЯЛ, фонд воспоминаний. Папка № 18).*

В январе 1918 года Горная дума перенесла свое место пребывания из Бийска в село Улалу, подальше от городских рабочих. С 4 по 12 марта 1918 года она в Улале провела учредительный Горно-Алтайский краевой съезд, на котором присутствовало свыше ста человек.

В числе делегатов съезда оказались крупнейшие баи и кулаки Алтая: Аргымай Кульджин, Тожулей Карманов, Данил Тобоков, Чендеков, Чепкин и другие. Среди делегатов находились будущие руководители белых банд Кайгородов, Товар Чекураков, Темдек, Штанаков и русские кулаки Параев, Щетинин и другие. Председательствовал на съезде эсер В.И. Анучин. Поэтому не удивительно, что все решения съезда были приняты в контрреволюционном духе.

Съезд решил выделить горную часть Алтая в особую административную единицу – Каракорум-Алтайский округ и избрал исполнительный орган – Каракорум-Алтайскую окружную управу под председательством Г.И. Гуркина. *(Назва-*

ние было дано управе в честь древней столицы Чингисхана – Каракорума, находившейся в Монголии на реке Орхон. См. Л.П. Потапов. *Очерки по истории алтайцев*, стр. 386).

Таким образом, в результате этого съезда в Горном Алтае Советам – органам власти трудящихся был создан противовес в виде буржуазно-националистического органа – Каракорум-Алтайской окружной управы.

Съезд принял решение об организации каракорумской народной гвардии во главе с «атаманом», ставшей несколько позднее вооруженной бандой под предводительством военных авантюристов, палачей вроде Сатунина, Кайгородова и им подобных. Съезд высказался за образование республики Ойрот в составе Русского Алтая.

Г.И. Гуркин позднее писал: «Мы обсуждали, как нам назвать наше выделение: уездом, округом или республикой? И пришли к такому заключению: если назвать уездом, то нами будут распоряжаться все те же Советы. Если назвать республикой, то большевики нас разгромят... А потому мы и выделились в особый округ в надежде, что против нас не пойдут отдаленные от нас губернские Советы, а от Бийского мы постараемся избавиться и уклониться. (*Вопросы истории Сибири*», выпуск 2, Томск, 1965, стр. 128).

В связи с этим Алтайский губернский Совет 22 апреля 1918 года выделил комиссию в составе трех членов исполкома для изучения существа дела на месте. После переговоров с делегацией Каракорума комиссия пришла к выводу, что «выделение Горного Алтая в самостоятельную единицу в составе Алтайской губернии с подчинением Алтайскому губернскому Совдепу очень желательно и необходимо».

27 апреля 1918 года исполком Алтайского губернского

Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов своим постановлением утвердил выводы комиссии и решил командировать в село Улалу представителя губернского Совдепа М.А. Казакова.

Это постановление было принято в полном соответствии с ленинскими указаниями по национальному вопросу.

Засевшие в Каракоруме белогвардейцы – бывшие офицеры царской армии, кадеты, бежавшие из центра страны, эсеры, буржуазные националисты делали все, чтобы поссорить русскую и алтайскую часть населения.

Вся деятельность Каракорумской управы была контрреволюционной. Так, в середине мая 1918 года, когда в деревню Тарханы прибыл отряд красноармейцев в 20 человек для проведения учета хлеба, туда из Улалы были направлены вооруженные каракорумцы, которые учинили кровавую расправу над красноармейцами. Бийский Совет вынужден был срочно направить в район Березовка-Тарханы около 100 красногвардейцев для наведения революционного порядка.

Однако героическое сопротивление немногочисленных красногвардейских отрядов не в состоянии было остановить контрреволюцию. В Горном Алтае Советская власть потерпела временное поражение. Белогвардейцы-каракорумцы и кулаки жестоко расправлялись с активными участниками установления Советской власти. Первым подвергся разгрому Улалинский сельский Совет.

С первых дней временной победы контрреволюции неограниченную власть в Горном Алтае захватили военные.

Так, 14 июля 1918 года штабс-капитан Сатунин, прибыв с отрядом карателей в Улалу, учинил кровавую расправу над мирным населением, сочувствовавшим Советской власти.

В национальном вопросе колчаковское правительство выступало против малейшего проявления национальной самостоятельности. Однако это не смущало Каракорумскую управу. Ее антинародная сущность проявилась в вовлечении трудящихся алтайцев в военную авантюру. Управа предлагала провести принудительный призыв «инородцев Алтая» в белую армию.

В Улале, где находилась Каракорумская управа, истязания и порки происходили чуть ли не ежедневно. Каратели ввели истязания в систему и превратили управление каракорумской милиции в застенок.

Повсеместно была запрещена продажа пороха и дроби, у населения изымалось все огнестрельное оружие. Это резко ухудшило экономическое положение многих семей, основным источником существования которых был охотничий промысел. Такое положение многих обрекло на голод!

Суровые лишения переносили не только охотники, но и скотоводы. От бескормицы и вспыхнувших эпидемий погибли десятки тысяч голов скота. В это трудное для населения время Каракорумская управа вместо оказания помощи провела дополнительное обложение населения налогом. (*Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 5, оп. 2. 1160, лл. 8-9*).

Грабеж населения под видом сбора налогов, мобилизация молодежи в белую армию, посылка карательных отрядов, массовая порка и другие репрессии, – все это послужило толчком для крестьянских восстаний осенью 1918 года, происходивших под руководством местных большевиков. Активно начинают действовать партизанские отряды. Из них формировались национальные подразделения.

В сентябре 1919 года начался новый период в партизанском движении Горного Алтая. Разрозненные и малочисленные отряды повстанцев по инициативе большевистски настроенных фронтовиков были объединены в крупные части.

8 октября 1919 года партизаны перешли к активным наступательным действиям. В начале декабря этого же года началось отступление колчаковцев по Чуйскому тракту в Монголию.

18 декабря 1919 года отряд Ф.И. Усольцева освободил село Улалу. Началось строительство мирной жизни.

Группа борцов за власть Советов.

Средний ряд, слева направо: партизан 2-го полка П.К. Шадрин, командир 6-го партизанского полка В.М. Лыжин, командир отряда Красной гвардии, первый председатель уездного ревкома В.И. Плетнёв, партизан И.П. Константинов, разведчик партизанского отряда Ф.И. Усольцева М.А. Чернцев.

Фото 1932 года.

В Улале и других селах Горного Алтая возникают партийные ячейки. Почти одновременно с ними создаются и комсомольские. 3 марта 1920 года в Улале начала действовать первая в Горном Алтае комсомольская ячейка. Ее организатором был П.Я. Гордиенко.

Восстановление народного хозяйства в Улале и других селах Горного Алтая начиналось в сложных и трудных условиях. Из-за контрреволюционной интервенции резко сократились посевные площади. Упали пчеловодство, охотничий промысел, сбор кедрового ореха, ремесло и кустарное производство. (*Бюллетень Алтгубстатбюро, № 4, 4 февраля 1921 года, стр. 8-9*).

Еще одно грозное бедствие, обрушившееся на Горный Алтай, – массовые эпидемии. «В Горно-Алтайском районе, особенно среди алтайцев, – докладывал заведующий отделом здравоохранения, – развивается оспа, сыпной и возвратный тиф. В некоторых местах наблюдается заболевание населения до 80 процентов».

22 января 1921 года при Горно-Алтайском ревкоме создается национальный отдел с целью снабжения сел Горного Алтая хлебом и другими продуктами, оказания помощи семьям разоренных карателями сел, налаживания правильных отношений между русскими и алтайцами.

Для борьбы с эпидемиями создается чрезвычайная комиссия. В районы массовых заболеваний направляются медицинские отряды.

Трудностями, с которыми столкнулась Советская власть, поспешили воспользоваться ее внешние и внутренние враги. В ряде районов страны вспыхнули кулацкие мятежи и восстания.

В этих сложных условиях Коммунистическая партия работала и осуществила переход к новой экономической политике (НЭПу). Первым шагом был переход от продразверстки к натуральному налогу.

Горно-Алтайская уездная партийная организация развернула кампанию по разъяснению сущности новой экономической политики государства.

В июле 1921 года Алтгубисполком издал указ о введении мясного налога, в августе – о натуральном налоге на продукты огородничества и бахчеводства, а в начале сентября – о зерновом налоге.

Раскладка продналога осуществлялась по классовому принципу. Основную его часть выполняли кулаки, зажиточные хозяева и баи. **Бедняки и крестьянские хозяйства, пострадавшие от военных действий, от продналога освобождались.** *(Выделено нами. Ред.).*

В 1926 году Советский Союз вступил в новый период своего развития – период социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Курс на индустриализацию стал генеральной линией Советского государства.

XV съезд партии, состоявшийся в декабре 1927 года, в резолюции «О работе в деревне» указал, что «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве *основной задачи* партии в деревне». *(КПСС в резолюциях и решениях..., ч. II, стр. 475).*

В начале июля 1928 года в Ойрот-Туре начал работу первый съезд колхозников. Его участники обсуждали вопросы организации труда и дальнейшего развития колхозного производства.

Новый подъем колхозного движения в области начался весной 1931 года. Ойрот-Туринский обком партии сформировал специальные бригады, которые помогали колхозам в налаживании учета и правильного распределения доходов.

Ойротки за работой.

Фото 30-х годов XX века.

Однако серьезной проблемой все еще являлось воспитание новой дисциплины труда, правильного отношения к социалистической собственности. Многие колхозы того времени не были рентабельными. Более того, в области на 315 колхозов была лишь одна Ойрот-Туринская МТС.

Активные действия по ликвидации этих проблем со стороны обкома привели к значительному улучшению ситуации. Уже к декабрю 1934 года появились заметные результаты работы по укреплению и росту колхозов.

В предвоенные годы колхозы области выращивали картофель, овощи, корнеплоды для распределения на трудодни колхозникам и на корм для общественного скота. Вскоре в облас-

ти зародилось хмелеводство. Так, в Ойрот-Туре имелись хмелевые плантации, которые давали неплохой урожай и доход.

Рекомендованная в 1940 году партией и правительством дополнительная оплата труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства имела важное значение. Переход к этой системе оплаты создавал материальный стимул, усиливал заинтересованность колхозников в быстром росте сельскохозяйственного производства.

Несмотря на то, что наша область по профилю народного хозяйства оставалась сельскохозяйственной, в третьей пятилетке большое внимание было уделено развитию промышленности.

Так, в течение 1938 года вступила в строй Ойрот-Туринская ремонтно-механическая мастерская и семь предприятий местной промышленности, которые дали увеличение валовой продукции в два раза по сравнению с 1938 годом.

В эти годы исполком Ойрот-Туры также занимался вопросами капитального строительства. Широкий размах получило дорожное строительство методом народной стройки. 7 февраля 1940 года обком ВЛКСМ выступил инициатором дорожного строительства этим методом. В феврале 1940 года бюро обкома ВКП(б) в целях стимулирования успешного строительства дорог и поощрения передовых работников на дорожном строительстве установило при облдоротделе денежный премиальный фонд. Было учреждено переходящее Красное знамя облисполкома для передового дорожно-строительного участка.

Советское правительство обращало особое внимание на подготовку кадров в национальных республиках и областях.

1 января 1930 года в городе Улала был открыт трехгодичный учебно-курсовой комбинат кооперативного образования. В октябре 1932 года на средства Наркомпроса РСФСР для подготовки учителей начальной школы в городе Ойрот-Тура был открыт областной национальный педагогический рабфак. В 1933 году в городе Ойрот-Тура была организована школа леспромхозного ученичества, которая готовила кадры по специальностям: лесоэксплуатация, лесотранспорт, лесосплав.

Особенно большое значение для построения новой жизни и повышения культуры имело развитие здравоохранения. На основе открытой в городе Ойрот-Тура акушерско-фельдшерской школы в области работали отряды по борьбе с трахомой и другими социальными болезнями.

С первых лет Советской власти уделялось значительное внимание развитию клубной работы. Так, в 1929 году в Улалинском клубе работали кружки: драматический, музыкальный, хоровой, шахматный, кооперативный и сельскохозяйственный. Члены драмкружка, например, подготовили и поставили 11 спектаклей, выпустили 4 номера «Живой газеты» и продемонстрировали 13 фильмов. Более того, работники клуба обслуживали не только окрестные села, но и выезжали в отдаленные аймаки.

Перед Великой Отечественной войной в городе Ойрот-Тура работала специальная художественная студия, в которой обучалась талантливая молодежь.

Дальнейшее развитие области и города прервала Великая Отечественная война.

**Экономическое развитие г. Ойрот-Тура
в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)**

*Анкудинова Татьяна Валерьевна –
кандидат исторических наук,
доцент Горно-Алтайского
государственного университета.*

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в экономическое развитие города. С одной стороны, она ускорила развитие ряда отраслей промышленности, связанных, прежде всего, с обороной страны, с другой стороны, она затормозила развитие многих отраслей экономики, как индустриального, так и особенно сельскохозяйственного сектора.

С началом войны значительно изменилась работа предприятий города. Этому способствовала мобилизация рабочей силы и материальных и финансовых средств на фронт. Практически по всем предприятиям сократилась численность рабочих. Например, кирпично-известковый завод имел в 1940 году 80 человек, а в 1945 году – только 30. Снилось не только число рабочих, но и их квалификация: опытные рабочие уходили на фронт, а на их места приходили женщины и дети, не имевшие опыта работы. Мобилизация мужского населения и средств проходила добровольно. Наряду с этим, помощь фронту осуществлялась другими методами: через денежно-вещевые лотереи, военные займы и т.д.

В связи с переводом всех промышленных предприятий города на военный лад промышленность Ойрот-Туры увеличила за 11 месяцев 1941 года выпуск продукции на 2,3

млн.руб., больше, чем в 1940 году, а производительность труда по местной промышленности, по сравнению с 1940 годом, выросла на 4 %, по промкооперации - на 3 %. Производственную программу перевыполнили тогда швейная фабрика на 136,6 %, гормолзавод на 109,4%; промартели: «Память Крупской» - на 144,8 %, «Ойротка» – на 131 % и др. Но, несмотря на перевыполнение производственных программ, были и «недоработки» в работе городской промышленности, нетерпимые в условиях военного времени. Так, некоторые промышленные предприятия города не сразу перестроились на военный лад. В их числе были кирпичный завод, швейная фабрика, мебельная фабрика, промартели «Новый путь», деревообделка, «Единение», «им. Буденного», «Красный транспортник». Они медленно осваивали производство новых видов изделий, допускали большой брак и несвоевременно выполняли спецзадания. В 1941 году предприятия местной промышленности города добились резкого снижения себестоимости выпускаемой продукции путем увеличения производительности труда, путем устранения брака, для чего проводилась техническая учеба. Основной формой обучения и подготовки кадров было индивидуально-практическое обучение непосредственно на рабочем месте.

В 1941 году кирпично-известковый завод был передан в систему облместпрома и приобрел подчинение областного значения.

Кирпичный завод. Фото 40-х годов XX века.

Несмотря на трудности военного времени, он продолжал свою деятельность и ежегодно выполнял план валовой продукции за год. Накануне войны кирпично-известковый завод включал в себя: а) кирпичный завод, действующий; б) бывший кирпичный завод, частично ликвидированный, а частично законсервированный; в) известковый завод, к нему также примыкала гончарная мастерская облместпрома. Слияние трёх, существовавших ранее отдельных предприятий, дало положительные результаты:

- увеличило производство кирпича и извести;
- дало экономию в зарплате;
- из трёх самостоятельных административно-управленческих аппаратов был образован только один аппарат.

В связи с потребностями военного времени возникло и новое швейное производство. В 1941 году в Ойрот-Туре была открыта швейная фабрика № 6 Наркомата легкой промышленности, а 15 мая 1941 года она дала первую продукцию (этот день принято считать датой основания Горно-Алтайской швейной фабрики. Ред.).

Цех швейной фабрики.

Фото 1986 года.

Для нее было выделено одноэтажное здание с печным отоплением. Работа выполнялась на личных швейных машинках с ручным приводом. Первые ее работницы – швеи переводились с разных городских предприятий швейного профиля.

С начала открытия фабрики в производстве было занято 8 швей, 2 закройщика, директор, бухгалтер, техничка. Со временем фабрика заметно расширилась. За годы войны она дала стране около 12 тысяч штук изделий: пальто из шерсти, костюмы из вельвета, платья женские, сорочки мужские и др.

В 1941 году была образована мастерская по индивидуальному пошиву одежды системы Наркомлегпрома. В январе 1942 года на базе швейной фабрики Народного Комиссариата легкой промышленности РСФСР было образовано самостоятельное хозрасчетное предприятие – швейная фабрика № 10. В марте был открыт кожевенно-овчинный завод. В июне 1941 года при Ойротской мебельной фабрике облместпрома образовался обозостроительный цех.

29 декабря того же года промартель «Электрометалл» получила статус государственного предприятия, а из весоремонтной мастерской родился в 1942 году металлический завод с литейным, токарным и другими металлообрабатывающими цехами. Впервые в истории Ойротии был пробит литок вагранки и белая струя чугуновой жидкости стремительно заполнила опоки.

В том же 1942 году в Ойрот-Туре открылись 52 новые мастерские по индивидуальному пошиву одежды и обуви. Тогда же валяльно-войлочная фабрика увеличила выпуск продукции почти в 3 раза против 1940 года. В декабре 1942 года был создан трест «Ойротзолоторедмет» (с резиденцией в городе Ойрот-Тура) для развития добычи золота и редких металлов в Алтайском крае и Ойротской автономной области. Ему были подчинены все приисковые управления и рудники, находившиеся на территории области и Алтайского края, в т.ч. и ртутное предприятие. Создание треста имело большое хозяйственное значение, так как способствовало перспективам развития существующих и вновь строящихся горных предприятий по добыче цветных и редких металлов. Вся их деятельность была направлена на выполнение государственного плана добычи металла.

Война внесла немало специфических изменений в работу местной и кооперативной промышленности Ойрот-Туры. Под понятием «местная промышленность» объединялись предприятия разных отраслей, использовавшие местное сырье и отходы крупных производств для выработки товаров культурно-бытового назначения, стройматериалов, отчасти продуктов питания. В своей деятельности, они подчинялись созданным в 1934 году республиканским народным комитетам местной

промышленности. Тогда же произошло массовое перераспределение рабочих рук. Несмотря на попытки сохранить кадры, пополнить их за счет пенсионеров, домохозяек и подростков, эвакуированных, кадровую проблему решить не удалось. Однако, с заказами для фронта более или менее справлялись. В июле 1941 года промышленности города было доведено спецзадание: пошив гимнастерок, шаровар, белья, шапок-ушанок, пилоток, патронташей, телогреек, ватных шаровар, поделка пароконных брочек, лыж, пирамид для винтовок и изготовление валенок. Это требовало перестройки работы промышленных предприятий, перестройки руководства ими.

Коллективы промышленных предприятий и промартелей, отвечая на призыв партии, мобилизовывали все силы и средства. В ходе этой перестройки было немало трудностей. Ряду предприятий пришлось осваивать производство новых видов продукции. Так, например, до войны ни одно предприятие города и области не занималось производством лыж, креплений к ним. Теперь приходилось осваивать технологию производства этой продукции. Острый недостаток ощущался в обеспечении предприятий сырьем, электроэнергией, квалифицированными рабочими. Достаточно сказать, что только в первые шесть месяцев войны с предприятий и промартелей области было призвано в действующую армию около 30% квалифицированных рабочих.

Но, несмотря на все трудности, промышленные предприятия Ойрот-Туры продолжали свою работу, выполняли и перевыполняли государственные планы, установленные им «спецзаданием», внося тем самым свой трудовой вклад в победу над врагом.

Используемые источники:

1. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 238. Оп. 1. Д. 4. Л.53.
2. КПДА РА. Ф.36. Оп.1. Д.373. Л.22.
3. Там же. – Л.33.
4. Там же. Ф. 238. Оп. 1. Д. 4. Л.55.
5. Горно-Алтайский хронограф. Годы, события, факты. - Горно-Алтайск, 2003. – С.86.
6. КПДА РА. Ф. 33. Оп. 6. Д.68. Л.49.
7. Там же. – Л.102.
8. Там же.– Л.212.
9. КПДА РА. Ф. 33. Оп. 6. Д.68. Л.93.
10. Там же. Ф. 33. Оп. 6. Д.69. Л.66,67.
11. Там же. Ф. 33. Оп. 6. Д.70. Л.164.
12. Бражников, Я.И. Горный Алтай в Великой Отечественной войне / Я.И. Бражников. – Горно-Алтайск, 1966. – С. 135.
13. Там же. – С.140.
14. Казанцева, В. П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946-1959 гг.) / В.П. Казанцева. – Горно-Алтайск, 1992. – С.34.

АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ ПОДЛАЯ СДЕЛАЛА...

В то далекое время

*Таушканов Фридрих Леонидович –
Заслуженный работник культуры
РСФСР, председатель городского
совета ветеранов
Великой Отечественной войны.*

Помню Ойрот-Туру довоенную, она больше походила на большое село. В основном одноэтажная, с кривыми улицами и переулками, деревянными домами, маленькими избушками. Центральными были улицы Советская, Ленинская и проспект им. Сталина. По их названиям можно было судить, где размещены главные производственные здания и каковы профессии живущих на них: Заводская, Пимокатная, Ремесленная, Строителей, Рабочая, Колхозная, Медицинская. Переулки: Хирургический, Кузнечный, Мастеровой и др. На крупных улицах стояли столбы с телеграфными и электрическими проводами. Для пешеходов были прокинуты деревянные тротуары, которые периодически ремонтировались, так как с окрестных гор дожди и ливни смывали землю. Даже центральные улицы были грязными и трудно проходимыми. Поэтому быстро сгнивали доски и бруски. В районе Старого центра, как принято сейчас называть его, были добротные кирпичные дома, магазины, хозяйственные постройки: здание старого музея, бывшая усадьба купца Тобокова, школа № 12, педучилище, общежи-

тие для специалистов, кинотеатр им. М. Горького с многогранными окнами и гипсовыми скульптурами и гордость городка – четырехэтажное здание Дома Советов. Наш маленький городок значительно отличался от больших городов, мегаполисов, от так называемого Сибирского Чикаго – Новосибирска, Кемерово, Барнаула и даже города Бийска тем, что строился он без генерального плана и продуманной инфраструктуры.

Порой читаешь мемуары больших и малых государственных деятелей, писателей, к примеру, «короля репортеров» Владимира Гиляровского «Москва и москвичи», и поражаешься маститости и глубине показа жизни народа, города и оценке исторических событий. Невольно сравниваешь судьбу нашего города, не современного красивого обихоженного Горно-Алтайска, а Ойрот-Туры, и в памяти всплывает старая пословица: «Дома пониже и асфальт пожиже». В жизни отдаленного областного центра, отрезанного от морских и жизненно важных магистралей, авторейсов, отсутствие гидроэнергетики, градообразующих заводов и фабрик, рабочего класса, – патриархальная царит тишина и покой. Крайне редко здесь происходят из ряда вон выходящие события: убийства, кражи, драки, буйные свадьбы. По алтайским обычаям, сибирским законам, библейским заповедям и традициям народ радушен и всегда помогает погорельцу, человеку, попавшему в беду. Дружбой связаны большие и малые нации. Ни днем, ни ночью двери домов не закрываются на амбарные замки. В большие праздники гурьбой ходят по всей родне и друзьям, пьют и веселятся вволю и досыта. Утрами охмелевшие от действия самогона, браги и домашнего пива, которое в народе называли «стенолаз», идут каждый на свою работу. Старших уважают, на тротуаре уступают место. Парни ведут себя в обществен-

ных местах благородно, к девушкам относятся вежливо. На улице, в коллективе, на работе, в общественных местах не услышишь бранного слова. Жизнь провинциалов малого городка патриархальна. Тишина и покой. Очень редко случаются выходящие из ряда вон события: кровавые драки и преступления.

Улала практически делилась на несколько микрорайонов, центром которых были средние школы, которые опирались в работе с населением на авторитет членов родительских комитетов. Жизнь протекала спокойно и равномерно. Старожилы отличались большим гостеприимством, взаимопомощью и поддержкой друг друга, всем обществом в силу своих возможностей помогали соседям, вдовам, погорельцам. На весь городок были известны, как их называли между собой три «дурачка» - больные люди, пережившие трагические события, тяжелые болезни, помутившие их разум. Марфа Николаевна – краснощекая, физически крепкая, закаленная, даже в лютые зимние морозы ходила без пимов, только в шерстяных чулках. Все ей сочувствовали, привечали, кормили и предоставляли ночлег. Изредка она уходила из города, побиралась по селам и деревням. Необычная, она вдруг ни с того, ни с сего начинала чревоушачать с полужакрытым ртом. Избитой ее фразой было: «Захотела Акулина десять метров ситца, помогите добрые люди», – говорила она, протягивая руку. Ее одаривали, чем могли.

Митя-дурачок – громадный, упитанный мужчина лет сорока, весь грязный, в рванье. По городу ходили байки различного толка, как он стал помешанным, все боялись его сглазу. Говаривали старшие, что он может напустить на человека порчу. В основном пасся он у бабушек и молоденьких вдов. Девушки и дети боялись его прищуренного дурного взгляда и

крепких рук и обычно разбегались и прятались. Еще был угрюмый смурной Гавря...

Старожилы знали родословную каждой фамилии, друг друга и, если появлялись молодой незнакомец или девица, основательно и долго выспрашивали, из чьих они будут. И только после расспросов успокаивались и замечали, что они «нашенские» – из Табакаевых, Параевых или Чевалковых. И уважительно говоря: «Этот Петра Степаныча правнук, а эта ерыхальская». Почему-то в народе Верх-Карагуж называли Ерыхалкой. А из Маймы – найминский.

Вскоре, как на снег на голову, грянула война. Большинство мужчин трудовых коллективов добровольцами ушли на фронт, защищать Отечество. Тракторы и автомобили в основном были реквизированы. Заботы и труд легли на плечи старшего поколения, женщин и подростков.

Шла война. В первые два года произошел демографический взрыв в небольшом городе за счет приезда эвакуированных институтов - из Москвы им. Карла Либкнехта, имени Мичурина из Воронежа, второй спецшколы военных летчиков из Ленинграда, воспитанников детских домов. Население Ойрот-Туры тогда увеличилось на одну десятую. Было расселено и пригрето более 568 семей, в основном в центре и в добротных двухэтажных домах. В суровые и тяжелые годы войны наш город, в котором до 1941 года проживали 27 628 человек, принял, разместил и обогрел 2 315 беженцев и эвакуированных жителей из временно оккупированных врагом территорий. Многие из них перенесли блокаду, бомбежки, голод и холод. В соответствии с задачами военного времени шло изъятие жилой площади у частных лиц и в домах общественного назначения, доходило до 3-х квадратных метров на человека. Жилье

не строилось, только по окраинам города сооружались землянки, в основном силами приехавших на постоянное жительство граждан из районов области. Коренные жители делились и хлебом, и одеждой.

Влилась свежая сила людей из крупнейших городов нашей страны: ученых с мировым именем, педагогов, в том числе и легендарных – литературных героев, врачей, профессоров, слушателей рабфаков и детей, так непохожих на местных. Они резко отличались от нас внешне – одеждой, умением ловко повязывать галстуки, шарфы, а также необычной формой женских шляпок, муфтами, дорогими меховыми шубками, манерами, высокой культурой поведения и обхождения, обширным кругозором знаний, начитанностью, даже речью с московским говором, растянутым «а» и оканьем.

Эти подростки – мои одноклассники, дети войны, воспитанные в двух – российской и советской столицах, в окружении музеев, театров, библиотек, метро, пережившие блокаду, бомбардировки, холод и голод, были намного взрослее нас.

Обучаясь вместе с ними в классах и общаясь во внеклассное время, мы удивлялись их правильному русскому языку, которому нас обучали учителя и преподаватели. Особенно Наталья Федоровна Петрова, выпускница Петербургского института благородных девиц, в свое время она проходила педагогическую практику в Германии. А они усваивали наречия и слова сибирских народов, особенно в Ойротии, помимо местных слов, входили в их речь алтаизмы и говор, ударения тюркских языков и Усть-Коксинских старообрядцев: **махан, сорпо, гребёлка, чё** вместо утвердительного «да», **белки, рясно, ковда, товда, прясло, вошкать** и другие. Часто требовался перевод этих слов на рус-

ский язык для наших временных «пришельцев из другого мира и времени».

Профессорско-преподавательский состав вузов постоянно занимался просветительской деятельностью, для народа читались лекции в доме культуры, в школах и на предприятиях, а также проводились вечера национальных культур – русской и алтайской. Летом 1942 года при институте было создано алтайское отделение. В районах области отбирались самые способные алтайские юноши и девушки. Оканчивали институт ребята уже в Москве. Вернувшись на родину, они значительно пополнили отряд алтайской интеллигенции. Многие из них стояли у истоков развития высшей школы на Алтае: С.С. Суразаков, С.С. Каташ, П.Е. Тадыев, Н.А. Кучегашева и др. В это тяжелое время формировались будущие политические и общественные деятели, крупные ученые, писатели, художники, военные, артисты и спортсмены. Среди них вырос известный в стране и за рубежом ученый – педагог, доктор наук, профессор, автор лучшего учебника по педагогике современной России Виталий Александрович Сластенин.

В нашей учительской семье нередко звучали имена и фамилии знаменитых ученых, так как наш дед Макарий Михайлович Абышкин был ведущим составителем алтайско-русского и русско-алтайского словарей. С великим почтением вспоминаю Николая Александровича Баскакова, тюрколога с мировым именем. По его инициативе в институте было создано отделение алтайского языка и литературы. Он был назначен первым заведующим этой кафедрой.

О преподавателе русского языка и литературы Викторе Николаевиче Сорока-Росинском хочется сказать отдельно. Благодаря книге его ученика Леонида Пантелеева «Республика

ШКИД», которую мы читали, мы гордились тем, что учимся у этого замечательного человека и педагога.

Виктор Николаевич появлялся в классе в очках с темно-синими линзами. О нем в городе ходили разные легенды и слухи. Утверждали, что во время блокады Ленинграда от вечного недоедания у него атрофировался вкус. Пацаны, проникая в столовую, где он питался, божились, утверждая, что он носил с собой большую гончарную миску, смешивал в ней первое и второе, суп и котлеты и выхлебывал все большой принесенной ложкой. Выпивал чай или компот, раскрывал записную книжку и подсчитывал калорийность съеденного обеда.

Но больше всех мне запомнился Иван Иванович Маляревский. Это был высокий, крупный с седыми висками мужчина. Ноги его не входили под крышку учительского стола, и он садился вполоборота на стуле. Одет он был в свободно пошитый пиджак. Зимой ходил в громадных светло-коричневых ботфортах с отворотами. Запомнились на всю жизнь его уроки географии. Он часто иронизировал по поводу содержания статей нашего учебника. Его рассказы о странах Европы носили характер глубокого анализа истории, климата и экологии этих стран. Яркая, образная речь, фантастическая память. Нередко проскальзывали слова «когда я служил в этой стране». Он был работником дипломатического корпуса, достойным представителем нашей великой страны.

Нередко эти знаменитости подменяли заболевших или ушедших в декретный отпуск учителей. На этих уроках мы сидели, как мухи, затаив дыхание и ловя каждое сказанное слово.

Многие яркие личности внесли свой вклад в формирование духовного и нравственного стержня граждан нашего города и молодежи в военные и послевоенные годы. Такие, как выпускник Ленинградской академии художеств Алексей Алексеевич Луппов, работавший когда-то по оформлению Мавзолея. По призыву он поехал в Сибирь и работал преподавателем в Ойротской художественной школе. Прекрасный педагог, он выучил и воспитал многих талантливых художников и деятелей культуры и искусства Горного Алтая. Назову лишь двоих – Владимира Запрудаева и Владимира Эдокова, известного по сибирским масштабам искусствоведа.

Немногим известна судьба художника Сергея Алексеевича Астры-Гречухи, который был командирован в 1939 году на должность оформителя в редакцию газеты «Красная Ойротия». Портретист, мастер в жанре шаржа и карикатуры, он оформлял «Окна ТАСС» в годы войны. Большие стенды, исполненные клеевыми красками, стояли возле Дома культуры. Это были тематические плакаты от автора Ираклия Моисеевича Тоидзе «Родина-мать зовет», «Все для фронта, все для Победы», карикатуры на взбесившегося фюрера – Адольфа Гитлера. До сих пор стоит в глазах прямоугольный плакат: «Папа, убей немца!». Убитая мать на первом плане, лицо ребенка с открытыми от ужаса глазами, полными слез, и громадные сапоги уходящего немецкого солдата – убийцы. Рядом иллюстрированный плакат с надписью: «Днем фашист сказал крестьянам: «Шапки с головы долой!», ночью отдал партизанам шапку вместе с головой». Это была мобилизующая народ на борьбу живопись. Сергей Астра добровольцем ушел на фронт. Под городом Холм был ранен в руку. Вернулся в Горный Алтай после войны, мне посчастливилось вместе с ним работать

в выпуске «Боевых листков» на комсомольских конференциях, перенимать опыт большого мастера. Все это пригодилось – в 1947 году по окончании седьмого класса меня пригласил в горисполком Александр Георгиевич Жданов и предложил быть редактором «Боевого листка». В созданную в городе агитбригаду по обслуживанию работников сельского хозяйства на уборке урожая в колхозах Майминского района входили: Марк Степанович Гусев из радиокомитета, медицинская сестра, парикмахер, демобилизованный фронтовик Федор и я. С сентября по октябрь месяц мы объехали все колхозы района от пригородных до Верх-Карагужа и колхоза имени Сталина. По заданию секретарей партийных организаций я рисовал передовиков, отличившихся на уборке хлебов, на токах по переработке зерна, а также на прогульщиков, лодырей и пьяниц шаржи и карикатуры. Один лист посвятил я молодому парню, который неделю не выходил на работу, уехал шишковать, заготавливать кедровые орехи. На рисунке были удачно схвачены черты лица, большое портретное сходство и подпись – обращение к бригадиру: «Перестаньте меня ругать, я уехал шишковать». И констатация факта: «На рубле шишки бьет, да рубли в карман кладет». Дитина с крепкими кулаками предупредил меня тогда: «Этого парня ежели где встречу – долго будет помнить мою обиду». От колхоза до колхоза, от тока до тока мы ездили на перекладных телегах и бричках, запряженных лошадьми, а порой ночевали на току в мякине.

В военные годы для города потребовались дополнительно сотни кубометров дров. Городскими властями было принято единственно правильное и суровое решение – окружающие лесные массивы на горах Ойрот-Туры разрешить трудовым коллективам вырубать на дрова в ходе субботников и вос-

кресников. Работники горкома партии и горисполкома вели информационно-разъяснительную работу среди населения с заверением, что после разгрома фашистской Германии горожане своими силами посадят новые зеленые массивы, а наш городок будет вновь зеленым садом. В школах учителя тоже проводили беседы среди учащихся. Нас учили, что надо беречь природу, улучшать экологию города на классических произведениях наших поэтов и писателей, художников, выражавших свое отношение к природе. Были и строки Н.А. Некрасова: «Плакала Саша, как лес вырубали, ей и теперь его жалко до слез: сколько там было красивых берез...».

Комсомольская гора быстро превратилась в лысую, израненную, лежащую лошадь, выпирали ребра и черные дороги по логам, потому что деревья валили и стаскивали волоком вниз, выбивая черную землю. Внизу срубали сучья и распиливали крупные стволы берез, перевозили на санях, а небольшие – на санках, с которыми приходили учащиеся школ. Свою долю мы свезли и в нашу родную школу №12.

В морозы в большинстве школ и учреждений замерзли системы водяного отопления. Дров не хватало. На сессии городского Совета депутатов отмечалось: «У одного из лучших зданий города – педучилища уничтожена вся изгородь. Оставшиеся столбы по указанию завхоза были срезаны на топливо».

Тяжелым и памятным был конец 1941 года. Морозы доходили до 40°. В родной школе №12 срочно возводили печи – котромарки. Полукруглые отопительные каналы обивались толстой жостью, не хватало кирпича. По решению дирекции школы разобрали стены тобоковской конюшни. Родители и старшеклассники ломали и кирками разбивали кирпичную

кладку. Это был темно-красный кирпич с клеймами Бийского кирпичного завода. Кладка по старинке производилась на растворе из извести, песка и яичного белка. Крепость стен была необычайной. Летели искры, отскакивали кувалды. В ход были пущены молотки, отбойники, зубила. Фактически это были керамические плитки. Расплавленный в горниле печи песок превращался в стекло. Ученики младших классов перетаскивали кирпичи со двора в здание школы. Вскоре весь город перешел на печное отопление.

Коллективы города заготавливали дрова в отведенных лесосеках и верховьях рек Маймы и Улалушки. Весной по большой воде дрова сплавлялись в город. Это были метровые поленья. Было построено две гавани. Натягивались толстые металлические тросы, вбивались железные трубы, строились переходные, деревянные мостки. Накапливались горы дров, они выдавались по списку организациям и коллективам города.

Моя мама, Зоя Макаровна, работала воспитательницей в школе для глухонемых детей. Когда ушел на фронт завхоз Василий Федорович Попов, её приказом назначили на его место.

Дрова для школы и работников коллектива заготавливались на реке Улалушка.

Мать на школьной лошади съездила в небольшое село, там познакомилась с Антонидой Щетининой и наняла ее сторожем заготовленных дров. Семья Щетининых жила в добротном пятистенном доме. Ее муж был призван в армию, воевал на фронтах Великой Отечественной войны. У тети Тони было два сына – старший Виктор, крепкий, кряжистый подросток, но инвалид с детства (у него была недоразвита левая рука). Младший сын – Степка. Они учились в сельской школе

и подрабатывали на заготовке дров и подвозке их к берегам реки, чтобы весной штабели полениц свалить в бурные воды весенней реки.

Весной 1942 года вместе с коллективом учителей, воспитателей и работников школы за три дня заготовленные на деляне дрова были перевезены на берег Улалушки. В основном это были березовые, осиновые и сосновые поленья. Но этих дров было явно недостаточно для отопления всего города.

Когда ветераны Великой Отечественной войны чествовали известного в Горном Алтае художественного и общественного деятеля, фронтовика Эмиля Курдеевича Кыдыева с 90-летием со дня рождения, этот известный в республике старейший партийный и советский работник, участник Великой Отечественной войны на вопрос, как он сохранил свое здоровье, став долгожителем, ответил, что благодаря высшему божеству Алтая - Кудая и постоянному занятию физическими упражнениями и движению, особенно прогулкам по горам. «Я через день поднимаюсь на Комсомольскую гору, нагрузка разгоняет кровь и укрепляет сердце. В 1947 году я демобилизовался в Горный Алтай...и не узнал довоенной горы, которая была кудрявой от развесистых берез, осинников и сосен. Голая, черная...».

В тридцатые годы он учился в педучилище, помнит Комсомольскую гору иной. В зимнее время на восточном склоне был построен трамплин и его ровесники в проводимых соревнованиях стремились стать победителями в этом зрелищном виде спорта.

А летом это было любимое место отдыха молодежи. Загорали на открытых полянах, купались в холодных водах реки Маймы, встречались, знакомились, как тогда было прилично

назвать – дружили, для многих юношеских пар эти свидания заканчивались свадьбами. Недаром в народе эту гору называли Алиментной. Демобилизовавшись из армии, Эмиль Кудреевич пришел на свидание к любимице горожан и не узнал кудрявой, благоухающей горы Комсомолки, перед его взором лежала покромсанная, обезображенная черными пнями развалина.

Однажды, за праздничным столом, посвященным празднованию Дня Победы, ветераны обменивались воспоминаниями о днях прошедших. Иван Павлович Бармашов, бывший секретарь горкома комсомола, председатель городского штаба народного контроля, говоря об испытаниях, голоде, холоде, выпавших на долю подростков в годы войны, заметил, что помимо общих субботников и воскресников на горе Комсомольской жители на прилегающих склонах гор от Тугай до Мотыкиного пихтача ночами вырубали березы, сосны, осинник и таскали на санках волоком их на дрова. Обнаружить, кто «заготавливал» эти дрова, было пустячным делом – следы по зимней дороге вели прямо к домам. Но милиционеры и работники лесничеств, зная о том, что нужда и морозы толкают людей на отчаянные шаги, не предпринимали строгих мер к нарушителям. В основном это были подростки, отцы и деды которых воевали на фронте.

Новые поколения возродили зеленый пояс вокруг Горно-Алтайска. Одна беда – сегодня жители окраин захламляют «легкие» города мусором и отходами, лес зарастает диким кустарником.

До войны столица автономной области – Ойрот-Тура была районным центром Ойрот-Туринского аймака, в состав которого входили три колхоза. Население города в годы войны

состояло в основном из женщин и подростков. Они обслуживали и помогали трем колхозам: «Трудовик», «им. Алферова» и «им. Чкалова», плодоягодному опорному пункту (*сейчас им. Лисавенко. Ред.*), 36 подсобным хозяйствам и несколькими сельскохозяйственным опытными станциями в городе и Кызыл-Озеке. Каждая семья имела и обрабатывала личные участки для выращивания картофеля, овощей и зерна.

Ежегодно жители города в период уборки урожая отрабатывали трудовую повинность не в ущерб своему производству, выполняли задания горкома партии и горисполкома по оказанию помощи колхозам и подсобным хозяйствам.

Яков Иванович Бражников, заведующий кафедрой истории педагогического института, писал: «Большую помощь колхозам в заготовке кормов и уборке урожая оказывали рабочие и служащие. Не отставали от взрослых и дети. Так, ученики городской школы № 12 под руководством своих учителей только летом и осенью 1941 года выработали около 20 тысяч трудодней».

Организованные группы весной привлекали к вскопке земли. Только в 1943 году наш классный руководитель Нина Александровна Новикова отобрала ребят, и мы работали вместе с другими. Я попал в колхоз «Трудовик», где по норме каждому полагалось вскопать не менее одной сотки. Копали коллективно рядами на разных участках: одни выравнивали вспаханную на лошадях площадь, другие мягкую землю под посадку картофеля. Осенью собирали колоски, агроном наставляла в беседе, что нужно подбирать каждый колос, что колос в сноп превращается, лопатили зерно, кружили барабаны веялок, окашивали вкруговую края полей, чтобы зернокосилки сложили валки по всей площади посевов, счастливики

подвозили на лошадях снопы к скирдам на лошадях. Летом, в основном подростки, работали на питомнике, так в народе называли плодово-ягодный опорный пункт, главным образом потому, что там узаконили приварок для рабочих, то есть кормили в обеденный перерыв **бесплатно** (*выделено нами. Ред*).

В военные годы в городе по разным причинам были постоянно перебои с поставками хлеба, очереди занимали ночью и несколько раз пересчитывали очередность. Месяцами не выдавались по карточкам соль, спички, керосин. Наши жители и эвакуированные жили впроголодь. Ходили в довоенных обносках. Чтобы обеспечить рабочих и служащих дополнительной овощной провизией, обком партии и облисполком приняли постановление о развитии в городе коллективного и индивидуального огородничества, главным образом по созданию подсобных хозяйств и индивидуальных огородов не менее 15 соток земли. В 1942 году были созданы 36 коллективных подсобных хозяйств с закреплением земельных площадей от 10 до 100 гектаров. Так, в первые месяцы войны возникло подсобное хозяйство школы для глухонемых детей. Был построен из теса засыпной дом и овощехранилище в далеком логу в Каясе на участке земли, отведенном школе глухонемых детей.

Законы военного времени были суровыми. Как-то зимой я простудился, катаясь на лыжах. У пацанов лыжи были в основном самодельные из березовых брусков, которые сами строгали, просверливали отверстия для ремней, парили вручную в кипятке, старшие загибали их носки, желоба строгали полукруглым рубанком.

Через двое суток я метался в жару. Лекарств не было. Мама ушла на полчаса пораньше с работы, приготовила отвар из трав, которые мы летом собирали на склонах гор: душицу,

зверобой, серебряную полынку и др. На завтра по приказу директора школы факт самовольного ухода Таушкановой с работы был передан в суд. Судья вынес постановление: три месяца удерживать из зарплаты 20%.

Строго соблюдали трудовое законодательство военного времени. Но главное – было стремление и самих работников помочь фронту, отдавать все силы для победы. Люди творили чудеса самоотверженного труда, ответственности и самопожертвования. Был жесточайший государственный контроль. Четко работала система осведомителей, или как в народе говорят - стукачей. Каждый случай опоздания на работу, прогулов, воровства государственного имущества фиксировался и принимались оперативные меры от штрафов до судебных дел. В школу для глухонемых детей на весь учебный год родители привозили своих детей из всех районов автономной области и края. На лето оставались круглые сироты – человек восемь-десять. Из них организовывалась бригада учащихся, которая работала на подсобном хозяйстве с личного разрешения директора Клавдии Григорьевны Киршиной. Я был записан в состав этой бригады. Нормы выработки были посильны детскому труду. Организовано было детское питание. Картофель, овощи, просо, кукурузу, бахчевые, выращивали и убирали в хранилище. Одна из воспитательниц должна была следить за качеством работы подопечных. Дети были в основном из сел, знали особенности и владели навыками работы с косой, тяпкой, лопатой, вязкой снопов. При обработке, молотье зерновых применялся цеп. Длинная рукоятка, небольшая цепь, к которой прибивался биток из листовенницы. Нужно было не махать цепом, а бить с вывертом. Таким образом, сохранялись силы. Обычно норму выполняли до обеда. И после сна друзья уходили пешком в город, в школу.

Общались мы между собой жестами. Я овладел азбукой, дактилологией. Жест требует эмоционального настроения, энергетики и точности повествования. Каждый человек: друг, учитель, герой, вождь характеризуется для глухонемых одним верным мазком, подчеркивается только характерная черта для данного персонажа. Так у директора школы Клавдии Григорьевны Киршиной были круглые щеки, жест для нее – круглая щека, у моей мамы были металлические коронки – три пальца к губам – Зоя Макаровна. Ленин – борода, Сталин – жест курящего трубку. Гитлер – маленькие усы под носом, иногда кривая прическа, революция – два борющихся кулака и т.д. Такое точное и глубокое общение позволило мне, когда я учился в педучилище, преподавать в школе для глухонемых детей рисование, а после окончания учительского института – русский язык в 5-7 классах.

Завучем была Анна Владимировна Бельская – педагог старой классической русской школы. Учителя и воспитатели вставали рано утром, приходили к восьми часам на работу в отдаленный от Каяса лог. Возвращались домой поздно, у каждой были дети, свои заботы и тяготы. Мне пришлось практически быть политинформатором: прочитанное в газетах, услышанное по радио, особенно сообщения от политинформбюро я доводил до сведения глухонемых детей. Все эти годы мы ждали часа Победы, когда наступит крах фашистской Германии и мы облегченно скажем с друзьями без переводчиков: «Гитлер – капут, Сталин – гут», «Победа!».

Среди школьников выделялся силой и сметкой Петя Дымов. Это был настоящий лидер и организатор. Он слегка заикался и на вопрос, глухонемые обычно считывают с губ слова, как тебя зовут, отвечал – Петя Д-д-дым. Это был первый по-

мощник воспитателей. Я обычно оставался ночевать на каясинской заимке. Познакомился и подружился с Колькой – сторожем с соседнего участка, который был старше меня на год. У него был сделан добротный шалаш, с дверями и жестяной буржуйкой, построенный на участке с бахчевыми культурами – арбузами, дынями и тыквами. Он был вооружен «берданой» с патронами, заряженными крупной солью. По отношению ко мне он вел себя как взрослый, поживший на этом свете человек. На многочисленные вопросы у него были сложившиеся и продуманные ответы. На вопрос: «Не боишься один, особенно ночами?». Ответ: «У каждого человека своя судьба. А от судьбы не уйдешь». У него, как у большинства сверстников – подростков военного времени, отец был на фронте, а мать работала техничкой. Детей трое. Вынужден подрабатывать. Вечерами долго жгли костер, подбрасывая сухие ветки. Засыпали на топчанах, слушая соловьев. Лучше тех трелей, переливов, рулад и тихих окончаний мелодий я в жизни не слышал. Всезнающий Николай утверждал, что соловьи прилетают на Алтай из Китая, а осенью возвращаются в желтые родные края. Как сложилась его судьба – не знаю. После войны наши пути не пересекались.

Поваром в школе работала тетя Физа Соколова. Мудрая и немногословная женщина. Хлеб она пекла в русской печи. Хозяйку снабжали дровами и немного приплачивали. Хлеб пекли в металлических формах булками. Привозили на лошади в подсобное хозяйство. Обрезали перелившиеся через край формы потеки. Этими обрезками матери кормили своих голодных детей. Взвешивали на контаре и составляли акт прихода. Часть выпечки оставляли на хозяйстве, остальную увозили в город, в школу. Вероятно, кто-то заметил обрезанные

края. Хозяйка предупредила тетю Физу, что приходила городская женщина и долго расспрашивала и интересовалась технологией выпечки булок. Через несколько дней городская дама появилась в Каясе к концу последней выпечки хлеба и был составлен акт. Все было в норме, определены вес сырого теста и припек хлеба, выпеченного в формах. Он был похож на кирпич со слегка поднявшейся шапкой. После этого случая контролеры не появлялись.

Снимок времен Великой Отечественной войны, сделанный фотографом-любителем. Слева-направо: Антонина Щетина, вторая – техничка школы, третья – повар Анфиса Соколова и моя мама – Зоя Макаровна.

За годы работы в подсобном хозяйстве мать прошла обучение на различных курсах. Стали внедрять в Ойротии новую культуру – махорку. Раздавали строго по накладной семена районированного и американского сортов. Наш табак давал мощные темно-зеленые листья, а американец – светло-

зеленые. Убирали и складывали отдельно в попуши, где лист набирал крепость. Затем шнуровали и сушили. Для наступающей Красной Армии, десантных войск и красных партизан готовили сухат – сушеные овощи. Был организован специальный семинар – как готовить сушеный картофель и другие овощи. В фонд обороны государству сдавали бесплатно, за остальное шла дополнительная оплата.

Табак сдавали приемпунктам Бийской фабрики по производству махорки. Подсобные хозяйства из года в год расширяли посевы, выращивали свиней, содержали коров, пропахивали целик, расширяли сенокосы. И за все тяжелые военные годы я не слышал о том, что где-то ограбили хранилище, выкопали картофель.

Читаю в архиве приказ директора школы К.Г. Киршиной: «С 26 июня на охрану посевов подсобного хозяйства выделить в ночное время Ачековскую А. Е., на дневное – Казанцеву. Прием и передачу дежурств производить в присутствии заведующей подсобным хозяйством Таушкановой З.М. Дежурные несут полную ответственность за целостность посевов. О всех замеченных хищениях немедленно доводить до сведения зав. хозяйством Таушкановой. Завхозу Таушкановой вменяется в обязанность проверка ночного сторожа и дневного. Пропуск на посевы коллектива разрешается завхозу Таушкановой. Без письменного разрешения вход на участки не разрешается».

В связи с этим следует заметить, что в 2000-е годы городской Совет ветеранов по многочисленным жалобам и просьбам горожан обратился с письмом на имя начальника МВД А.В. Бердникова с просьбой усилить охрану садов и огородов города в связи с многочисленными хищениями. Садоводы объединились в дружины, несли охрану собственных участ-

ков. Городской отдел милиции проводил рейды. Однако хищения продолжались.

Сегодня никто не охраняет сады, поэтому многие садоводы забросили свои участки, они зарастают травами и сорняками. Безнравственность и наглость молодых нарушителей поражает. Приезжают крепкие ребята на иномарках и на глазах собственников участков собирают урожай ягод, яблок, груш, капусты. Выкапывают и увозят картофель в мешках. В основном от этого страдают престарелые пенсионеры с невысокой пенсией. И, чего никогда не было в традициях нашего народа, даже соседи по саду «помогают» собирать отборные сорта яблок, винограда, картофеля, ягод, огурцов и тыкв.

У Н.А. Некрасова есть удивительно точное определение голода: «В мире есть царь, этот царь беспощаден – голод название ему...». Я в юные годы познал чувство голода, когда заказывал стакан чая в столовой, закрывался газетой и ел бесплатно досыта хлеб. Голод парализует человека. Двести граммов непеченного черного хлеба, выкупаемого по карточкам на едока, не растянешь на сутки, не выручает прием приготовления тюри, когда одну треть кусочка размачиваешь в крутом кипятке и хлебаешь жижу. Мозг подростка постоянно решает одну и ту же проблему: где можно поесть, где заработать деньги, чтобы купить на базаре пирожок или съесть в столовой котлету. Часто в такие минуты выручал меня старший брат Юрий. Он учился в Майме в ремесленном училище. Ему выдавали черную форму, ремень с пряжкой «Р.У», кормили, поили и давали стипендию. Летом он жил дома. С малых лет он увлекался техникой, разбирал и ремонтировал часы, у него были золотые руки мастера. На чердаке дома по переулку Кузнечному, дом № 3 хранился большой сундук, око-

ванный железом – наследство от нашего деда – священника Макария Михайловича Абышкина. А в нем диковинные вещи: книги с кожаными переплетами, чудо-фонарь с цветными рамками и линзами, журналы «Нива» с картинками экзотических стран южного и северного полушария земли, французская малокалиберная винтовка «Граф Монте-Кристо» с пластмассовым ложем и прикладом и инструменты в основном с эмблемой английской короны. Лежал там и большой медный паяльник, а также жестяная банка, полная олова. Я у брата был подручным и «мальчиком на побегушках» – «подай», «отнеси», «принеси», «подержи» и т.п. Мы ремонтировали часы, будильники. Паяли и лудили миски, эмалированные тарелки. В столовой № 5 нас бесплатно кормили повара. Иногда вставали часа в четыре утра, прятали разобранную винтовку под телогрейки и уходили на охоту в урочище Сарат. Стреляли рябчиков, дроздов. Ощипывали перья, варили и ели. Вечерами собирались вместе с сестренками на чердаке. Зажигали 10-линейную керосиновую лампу, заливали чистой водой линзы чудо-фонаря и смотрели заморские страны на растянутой простыне, служившей экраном. Перед нами открывался фантастически красивый мир, полный неземных красок, от лазурного моря до желтого песка пустынь: пальмы, слоны, обезьяны, черные африканские негры и индусы, завораживающие дику кобру, корабли с розовыми парусами. Мы, подростки, мечтали, чтобы скорее закончилась война, и мы своими глазами увидели этот сказочный рай на нашей планете Земля.

Однажды Юрий смастерил мне тачку с большим чугунным колесом, на зависть всем пацанам нашей окраины. С весны до поздней осени крутилось колесо по горным хребтам в поисках слизи, саранок, корней кандыка, пучек, сочной кол-

бы, ягод клубники, дикой малины, кислицы, грибов, шишек и ореха. Помогала она и на перевозке картофеля, моркови и свеклы, уборке кукурузы, которую в войну называли «конским зубом».

Беззаботная жизнь моя закончилась, когда ремесленное училище перевели в город Барнаул. Я остался один. Мать в основном была занята то как заведующая подсобным хозяйством школы для глухонемых детей в Каясе, то на курсах у Лисавенко.

В 1943 году мне исполнилось уже 11 лет, а в войну подростки моего возраста уже считались самостоятельными взрослыми людьми.

Спасли друзья. В школе сдружился с Сергеем Мининым и Юрием Кречетовым. Юрий жил с отцом и матерью на Водопойном переулке, а Сережка – около питомника. У реки Маймы в низине стоял их добротный крестовый дом. Его отец был сапожником. Утром рано мы собирались у Сергея и к 8 часам подходили к конторе опорного пункта, где проходили планерки и оформлялись бригады на основные виды работ: на прополку и окучивание овощных культур, картофеля, посевов зерновых, ягодников, на ремонт и строительство домов. Пацанов брали на работу только в том случае, если за него поручится старший. Бывали случаи, когда подростки работали только до обеда, а пообедав, разбегались по домам. Друзья выбирали меня за старшего, потому что я прошел в селе Верх-Карагуж школу сельхозтруда: умел косить, отбивать литовку, тяпать, запрягать и распрягать лошадь, тесать тес топором, вязать снопы и т.д. Ходили на работу на питомник мы с холщовыми сумками, в которых были гончарные большие миски, деревянные ложки и перочинные ножички (сегодня дивишься

выдержке и силе воли друзей-подростков, они молча встречали и переживали непосильный и порой тяжкий труд на земле, в солнечные дни удушающий зной, холодные дожди и грозы). Не всякие дни удавалось попасть в трудовые бригады. Жили в условиях постоянного недоедания, простуды, эпидемий гриппа и вирусных заболеваний. Лекарств в аптеках не было, так как все медикаменты шли для фронта, бойцов действующей армии, для победы над силами врага, над Германией и её сателлитами, над фашизмом. Тяжелый труд в основном лег на плечи инвалидов, женщин и подростков. Четыре долгих военных года народ отдавал все силы: и физические, и духовные победе. В классах висели карты Европы и Советского Союза, на которых учителя систематически флажками отмечали каждый день линию фронта сначала на территории нашего государства, а с 1944 года – Европы. Это были города и области, сданные ненавистному врагу. Когда же наступил перелом, то флажки отмечали деревни, села, районы – Дубосеково, Горловка, Краснодон. Когда наши войска перешли границу СССР флажки уже шагали по территориям освобождённых государств - Прибалтики, Польши, Венгрии, Румынии, а конечная точка – штурм Берлина.

На окружающих горах отводили участки для посадки картофеля, сеяли просо, выращивали бахчевые. Верхние слои земли ливневые дожди смывали в город. Тогда даже около Дома Советов лошадиные повозки и телеги, нагруженные кладью, застревали в грязи.

В тяжелые годы войны школьники учились, трудились, сдавали нормы БГТО, ГТО, много читали, расхватывали книги в школьных и городских библиотеках. Кумирами были Павка Корчагин, Зоя Космодемьянская, Гаврош, Алексей Маресьев,

Александр Матросов, Ваня Солнцев, Данко и другие литературные герои. Мой друг Витька Шанин два раза добирался до фронтовой полосы, чтобы стать сыном полка. Ему не везло – беженцев-пацанов отлавливали и возвращали по месту жительства родителей. В свободное от учебы время у нас были свои забавы и игры: в бабки, чижу с монетами, лапту со скатанным из шерсти мячиком, соревновались, кто больше подбросит ногой зоску – клочок кожи с шерстью и свинцовым грузом. Но главной игрой был футбол. Стадион «Спартак» ломился от пацанов: мы перелезали через заборы, пролазили в подкопы на платные матчи. Были свои любимцы и кумиры. Девчонки влюблялись в игроков городской футбольной команды. Ученики школы №12 гордились Александром Витальевичем Афанасьевым, фронтовиком, преподавателем физкультуры – центральным нападающим. И красивым парнем – Венькой Чевалковым – так звали запанибратски все пацаны города кавалера трех орденов Славы, разведчика Вениамина Владимировича Чевалкова, приемного сына участника Октябрьской революции, который в 1946 году был избран председателем Ойрот-Туринского горкома – Василия Ивановича Галкина. Это был один из лучших вратарей города. Созданная им футбольная команда была одной из лучших среди городов и районов Алтайского края. В футбол играли представители всех возрастов. Педагог Виктор Казанцев вспоминает, что в послевоенные годы играл в футбол в команде вместе с Александром Бессмертных, будущим министром иностранных дел Российской Федерации.

А жизнь шла своим чередом. Все мы испытали в годы Великой Отечественной горечь поражения, голод, холод, donaшивали залатанную и перешитую одежду, обувь, ходили в бо-

тинках на деревянном ходу. Счастьем было для нас получить по ордеру зеленый хлопчатобумажный костюм, телогрейку, рубаху. Очень тяжело было, когда приходили похоронки, известия о гибели родных и сердцу близких – отца, деда, дяди, брата. Но все мы, преодолевая эти лишения и боль утрат, помогали колхозам и совхозам кормить и одевать народ и армию, а патриотизм для нас был таким же естественным и обыденным чувством, как и чувство ответственности и жертвенности во имя победы и будущего нашего Отечества. И все эти качества в крови наших людей, старшего поколения.

Я горжусь людьми этого поколения, благородными, готовыми в любую минуту прийти на помощь любому человеку, попавшему в беду, поделиться последним куском хлеба, снять с себя теплую одежду, чтобы обогреть странника. Читаешь сегодня документы военных лет и гордишься своими земляками, которые только 10 января 1942 года собрали в области теплые вещи для Красной Армии: 2002 полушубка, 1027 пар валенок, 259 меховых жилеток, 1570 теплых курток, более 220 центнеров шерсти и т.д.

Отдавая все лучшее, они думали о своих отцах, дедах, братьях, дерущихся с лютым врагом. Сами недоедали, ходили в старых рваных куртках и полушалках. Оставляли по одной-две пары валенок для многочисленных детей своей семьи. Вот наглядный пример, взятый из сборника «Была война» (из жалобы машинистки облисполкома М.М. Прасоль): «В данное время я одна..., в апреле месяце 1942 года у меня дочь ушла добровольцем на фронт и была убита под Воронежем. В августе месяце сына тоже взяли в армию, и сейчас он находится на фронте. Сведений о нем тоже никаких давно не имею... Мой возраст уже не молодой, здоровье неважное, и мне пришлось

всю зиму ходить в коротенькой кофточке на работу в самые сильные морозы. Теплого ничего не имею. Обуви с наступлением зимы абсолютно никакой нет, кроме пимов. Теперь не имею абсолютно смены как нательного белья, так и верхнего. Достать ничего не могу, купить их я тоже не в состоянии на полученную зарплату... Прошу Вас не отказать в содействии и помощи приобрести чего-нибудь». Такая обстановка была типичной для многих семей города. Многие школьники в апреле месяце уже ходили в школу босыми. Многие колхозники, несмотря на выработанный минимум трудодней, оставались в долгу перед государством. Так как за отсутствием содержания скота и птицы в личном хозяйстве не выполнялась норма обязательной сдачи государству молока, яиц, шерсти, мяса и т.п.

Труженики тыла сознательно и терпеливо переносили тяготы и лишения военного времени, отдавая последние силы и здоровье, а зачастую и жизни Победе. Ни один народ Западной Европы и процветающей Америки не смог бы пожертвовать всем богатством и зажиточностью во имя независимости и свободного будущего своей державы, новых поколений внуков и правнуков Родного Отечества.

Мы – дети войны

*Теплякова Валентина Сергеевна –
«Отличник народного образования СССР»,
«Заслуженный учитель РСФСР»,
ветеран педагогического труда,
руководитель музея школы №8.*

В 1938 году семья переехала в Ойрот-Туру (Горно-Алтайск). Вначале жили у родственников. Родители устраи-

лись работать в промартель «Ойротка», которая располагалась в районе нынешней администрации города. Отец работал кладовщиком, мама в шапочном цехе. За нами присматривал дедушка Тимофей Петрович Филипцев. Это был удивительно работоспособный и внимательный человек.

Трудно было большой семье закрепиться в городе. Когда родители подкопили немного денег, удалось купить избушку из одной комнаты на улице Чапаева. Разместиться всей семьёй в маленькой избушке было не просто. Единственную кровать родители отдали деду и нам, детям, но все на ней поместиться не могли, а поэтому кому-то из детей или деду постоянно приходилось укладываться спать на глинобитной печке. Родителям место оставалось только на полу.

Улица Чапаева в то время была сплошным болотом, которое не пересыхало даже в самую жару. Весной, когда стаивал снег, нашу избушку непременно затапливало водой. Ходили по настеленным доскам, приподнятым от пола на чурках. После того, как вода уходила, на стенах и печке оставались коричневые полосы. Летом в ненастную погоду затапливало огород, даже на навозных грядках росло всё очень плохо. Проезжая часть улицы была сплошной лужей, и пройти по ней можно было только в сапогах. Но в нашей семье такой роскоши не было, поэтому ходили босиком.

Тяжело было и с питанием, заработка родителей не хватало, выручала корова, которую привезли с собой из села Шульгин Лог, да картошка.

Не успели мы толком обжиться на новом месте – началась война. Отец ушел на фронт во вторую ночь войны. Поцеловал он нас сонных, попрощался с мамой и ушёл с надеждой вернуться быстро и с победой.

Остались мы с мамой да больным и старым, но добрым дедушкой. Трое нас, детей, было. Я самая старшая – семь лет исполнилось. А 11 августа 1941 года мама родила ещё двойню, мальчика и девочку – детей стало пятеро. Отец 18 августа, не успев получить весть о рождении сына с дочерью, погиб.

Мама постоянно плакала, она не верила, что одна сможет поднять пятерых. И только дедушка, который, как видно, на время передумал болеть, помогал нам выжить. Его золотые руки умели выделывать кожи, катать валенки, шить сапоги. Круглый год он что-то мастерил, точил, замачивал коноплю, трепал и вил из неё верёвки. Когда начинались полевые работы: вскапывание пашни, сенокос, уборка урожая, он жил в поле. Смастерит шалашик и живёт в нём, пока не закончится страда. Ходил он босиком, и мне хорошо запомнились его опухшие красные ноги.

Выжить первые годы с совсем маленькими детьми было сложно. Мама обменивала свои вещи на продукты. Потом мы стали больше сажать картошки и кукурузы, сеять в поле просо и гречиху. Участки для таких посадок горожанам выделяли на целиках. Выползали мы на него всей семьёй, вернее, дед и все ребяташки – мама-то на работе. Больной дедушка нарезал кирпичи земли и переворачивал дёрном вниз, а мы, как могли, помогали разбивать огромные комья земли. Дед раскидывал горстями семена и заборанивал большими граблями. Чтобы грабли влезали в землю, он привязывал на них сверху большой камень. Сил у него было мало, он часто останавливался на одну-две минуты, а, отдышавшись, вновь принимался таскать тяжёлые грабли. Жалко было дедушку, но помочь толком ему мы не могли. А вот когда наступала пора полоть огород да окучивать посадки, тут уж мы помогали. Радовались, что уxo-

женная земля становится рыхлой и мягкой. Урожай на свежей земле удавался славный. Мы с радостью переносили и перевозили его в дом. Но на следующий год «злые дяди» отводили нам место под посадку вновь на целике. И всё приходилось начинать сначала. Такие поступки дяди объясняли одним словом – война. А то, что нас в семье пятеро – мал мала меньше, никто понять не мог и не хотел.

Хорошо ещё, что удалось нашей семье сохранить корову – Бурёнку. Она нам не только молоко давала, но и дрова из леса привозила, и сено, и картошку с пашни. Да и зерно на мельницу на ней возили. А мельница была на реке Маймушке, выше горы Боданницы. Очередь там была всегда длинная, но вода исправно молола и рушила зерно.

Как-то мама поехала на Бурёнке за сеном. Далеко лежал путь, аж в Верхний Карагуж. Вернулась поздно, уже по темноте. Вошла в дом, а одна нога босая. Мы испугались, не можем понять, что случилось. А мама отогрела у печки ногу, да и принялась смеяться. Вот удивительно! Тяжело ведь было, но в доме нашем много смеялись. Плакали, конечно, больше, но и смеяться не стеснялись. И рассказала мама, как подъехала она к стогу, как огребла его кругом от снега, а забраться наверх не может. Вилы короткие, а тупоносые валенки скользят по слежавшейся траве. Она уж и Бурёнку подводи́ла, но не получилось забраться на стог даже с коровьей спины. Вот и додумалась мама забросить валенок на стог. Босая-то нога крепче за сено цепляется, подумала она. Да только и эта уловка не прошла – не смогла мама подняться на стог. И ничего не оставалось делать, как завернуть босую ногу в сено, да разворачивать корову к дому.

Другой раз и того интересней вышло. Стельная Бурёнка

была, да разве до дня рассчитаешь, когда она отелится, а в избушке дрова стали подходить к концу. Снарядилась мама в лес, билет порубочный выписала, как положено. В лесосеке бросила Бурёнке клочок сена, а сама принялась готовить дрова. Свалила, да раскряжила две берёзки, а когда вернулась к корове – та уже телёнка облизывает. Не до дров стало, развернула сани, уложила телёнка на свой пиджачишко, прикрыла немножко остатками сена, да и двинулись домой. Бурёнка, хоть и после родов, шла спокойно, не подгоняла её мама, а сама, чтобы не замёрзнуть, припрыгивала возле саней, то взад побежит, то перегонит корову. До дому добрались потемну, телёнка в доме отогрели да напоили жирным молоком-молозивом. Мама радовалась, что всё обошлось – и корова здорова, и телёнок. Долго нам потом рассказывала, как по темноте ей всё волки мерещились.

Теперь вот, когда прошло много много лет, я до сих пор удивляюсь маминой выносливости и терпению. Откуда силы-то брались?! Всё отдавала нам, детям, сама всегда худущая. Запомнилось мне с той поры, как какой-то сборщик налогов сказал ей с горечью: «Что с тебя взять – режь, кровь не пойдёт». О таких, как мама, наверное, и была сложена в ту трудную пору песня:

*Бабья доля, бабья доля,
Нас она не обошла.
В сорок третьем бабья доля
Смертью храбрых полегла.
Полегла. Да снова встала,
Всё по-бабьи поняла.
Мир из непла поднимала,
Ребятишек подняла.*

Но недолго радовала нас Бурёнка. В сорок третьем, наверное, отвели нам сенокос всё у того же Верх-Карагужа. Дедушка там постоянно жил, а мы с сестрой прибегали к нему, продуктов приносили, да помогали, чем могли. Условия в ту пору для владельцев коров были непростые. Сена нужно было заготовить сто копён – семьдесят колхозу, который выделил сенокос, а уж тридцать для своей коровы. Почти всё лето прожил дедушка в поле. Нужно ведь скосить траву, высушить, а это значит не раз переверорщить прокосы граблями, сгрести, скопнить, да в стога сметать. Но – справился. Радовались мы всей семьёй. С молоком всё же зиму коротать проще. Да недолго длилась наша радость. Вновь на нашем пути появились «злые дяди» и объявили, что за сеном приезжать не нужно, колхоз его просто забирает себе. Заготовить сено в другом месте уже было поздно, да и негде – даже самые крутяки на склонах гор под самые скалы были выкошены. Купить сено денег не было. И пришлось нам осенью расстаться с Бурёнкой. Дед забить корову не смог, он её очень любил – ушёл в тот день из дома и не появлялся до самой ночи.

В первый класс я пошла в 1942 году, как и все дети с нашей улицы, босиком. Сентябрь – месяц тёплый, и земля тёплая – мы с подружками иногда рисовали себе на ногах глиной или просто грязью босоножки, туфли, сапожки и щеголяли друг перед другом. Осенью стало сложнее. Сидишь иногда на уроке, а за окном снег идёт. Домой возвращаться нужно – добегу до подружкиного дома, отогрею босые ноги, и дальше уж до своей избы. Зимой, конечно, справляли и обувку, и одежду. Но такую, что сейчас о ней вспоминаю с содроганием, а тогда выхода другого не было, да и не одни мы так ходили.

В соседях у нас семьи были тоже в основном без мужиков, многие бабы уже овдовели. Почтальона боялись больше всего, потому что не только радостные письма с фронта приносила угрюмая женщина в телогрейке с множеством заплат, но и похоронки. Часто слышался в округе дикий бабий вой. Семьи у всех были большие, да только дети отчего-то всё больше малые. Те, которые повзрослей, уже учились, а большинство работало. Одна у всех была забота – уцелеть. Жили дружно, помогали друг другу, чем могли.

Мне с ранних пор выпала доля присматривать за младшими, кормить их, одевать да обихаживать. В редкие минуты, когда дети успокаивались, а мама была на работе, я брала единственную сохранившуюся в доме фотографию отца и по бабьи причитала над ней. Наговаривала, чтобы ошибкой оказалась его похоронка, в которой казённая запись гласила: «Гражданке Дерябиной Александре Тимофеевне, прож-ей г.Ойрот-Тура, Чапаева 43 в том, что Ваш муж, старший сержант Дерябин Сергей Иванович в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 18 августа 1941 года, похоронен г.Днепропетровск».

Не соглашалось детское сердце с казёнными словами, и моя любимая песня в то время была:

*Злится выюга всю ночь не смолкая,
Замело, занесло все пути.
Ты в кроватке лежишь, дорогая,
Нежно мишку прижавши к груди.
Любимая, далёкая
Дочурка синеокая,
Нежно мишку укрой,*

*Вот уж кончится бой
И отец твой вернётся домой.
Сон глаза твои смыкает,
И метель гудит в трубе
Сколько радости мне доставляет
В этот вечер мечтать о тебе.*

Напевая эту песенку, я представляла отца живым. Я и после войны ждала отца, помнила о нём. Верила, что он просто задержался, что попал в плен и обязательно вернётся. Даже в юношеские годы, когда приходилось смотреть кино в кинотеатре им. Горького и вдруг звучало слово «папа», я не могла сдержать слёз и окольными путями добиралась домой.

Много можно рассказывать про наше военное детство. Чтобы получить хлеб в магазине №10 по карточкам, приходилось отстаивать в очередях с вечера. По несколько раз пересчитывались, записывали номера очереди на руках.

Заготовленных с осени продуктов не хватало, и когда на первых проталинах появлялась зелень, – было наше спасение. Ели всякую травку: кандык, вшивик, саранки, колбу, пучки, медунки, лебеду, а уж как подрастёт лист свёклы - тут спасение.

Учились мы в школе № 13, рядом с магазином № 10. На улицах была такая грязюка, что иногда и на лошади проехать было невозможно. Даже деревянные тротуары были не везде. Мы по улице пробирались вдоль заборов, держась за штакетник. Отопление в школе было печное. Большие, круглые печи, отделанные железом, одним боком выходили в класс, а топкой и второй половиной - в коридор. Задача учеников была наносить большие поленицы дров к каждой печи в школе. Топили печи истопники. А вот дрова на большом школьном дворе ученики готовили самостоятельно. Устраивались козлы, на

которые укладывали брёвна, и ручными пилами мы их распиливали. Мальчишки постарше кололи дрова и носили в поленницы. Приятный запах свежей древесины, азарт физической работы, желание не отстать от других придавали работе праздничный оттенок. На уроках потом было интересно заниматься.

В школу мы ходили с тряпочными сумками с карманом для чернильницы. Учебников и тетрадей не хватало, приходилось иногда писать на газетах и старых книгах между строк. Чернила приспособлялись готовить из свёклы или сажи. Постоянно хотелось есть. Те несколько картофелин, которые давала мама, я съедала сразу. Осенью было легче – была кукуруза, ранетки, да и картошки вволю.

Моей первой учительницей была Нина Алексеевна Бородулина, внимательный и отзывчивый человек. Директором школы был фронтовик Степан Демьянович Алексеенко. Первым классным руководителем – Михаил Гаврилович Хорошевский. Он преподавал немецкий язык. Больших трудов ему стоило убедить нас, что вражеский язык нужно изучать обязательно. И мы добросовестно заучивали грубые и неприятные для нас слова. Наглядных пособий в школе почти не было, оформление классов примитивное, но это не мешало нам слушать учителей и хорошо учиться. Кроме школьной программы мы находили время заниматься в кружках по разным профилям. Многие дети занимались пением, в школе был большой хор, и пели мы в основном военные песни: про Катюшу, про синий платочек, про огонёк в печурке. Многие из нас остались без отцов, мы были детьми войны и рано познали настоящее горе.

После победы жизнь наша изменилась ненамного. Мы стали побольше и быстрее управлялись с прополкой огорода и

окучиванием картошки. Иногда удавалось пойти на сбор ягод, на питомник и заработать немного денег. Но самое удивительное, что при полной занятости мы успевали купаться в реке, играть в детские игры, собираться по вечерам на берегу речки и устраивать танцы.

Школу-семилетку я окончила в 1949 году и поступила в педучилище. О большем в то время просто и мечтать не могла. Нужно было помогать маме поднимать младших. Очень повезло с учителями. Они просто завораживали меня на своих занятиях. Училась я с удовольствием, и знания, полученные в то время, пригодились на всю жизнь. Кроме основных предметов, я с удовольствием занималась музыкой, пением, гимнастикой. С однокурсниками мы готовили изумительные концерты, да и учителя были с нами с утра до ночи (*выделено нами. Ред.*). Не жалели наши наставники для нас сил и времени. Считаю, в том, что я стала «Заслуженным учителем» и «Отличником народного образования» РСФСР и СССР, есть и их большая заслуга. В те мои молодые годы усилиями замечательных педагогов ковался мой характер.

Педагогический институт мне пришлось заканчивать заочно. В школе № 8 работаю вот уже 52-й год. Последний свой выпуск из десятого класса я сделала в 1990 году. С этими детьми и, конечно, со всем коллективом школы мы подготовили и провели её 50-летний юбилей. Собрали обширный материал по истории школы, а это было очень не просто. Особенно трудно было узнать судьбу тех учителей-мужчин и учеников старших классов, которые через год и девять месяцев после открытия школы ушли на фронт. По крупицам собирали воспоминания очевидцев, письма учеников и учителей того периода, запрашивали архивы, отыскивали адреса бывших

учеников. Работа по созданию школьного музея меня увлекла. Мне нравится патриотическая тема, она мне близка и дорога. Как-то в один из праздников Дня Победы ходила я со своим классом к Вечному огню и, подойдя к гранитным стеллам с фамилиями погибших, отыскала знакомую фамилию. Сил сдержать слёзы не хватило. Дети спрашивают: «Отчего вы плачете, Валентина Сергеевна?». Я ответила: «Потому что слишком долго ждала отца с фронта».

Однажды 22 июня, в день Памяти и Скорби, в Доме Ветеранов собрались участники войны. Низкий им поклон за Победу. Пригласили и нас, переживших войну. Вспоминали о том страшном времени, рассказывали о боевых походах, о фронтовой жизни. А вот о вдовах-матерях говорили мало, о детях, отцы которых погибли на фронте, вообще не говорили. Я не удержалась и сказала: «Для Вас, кто остался жив, война закончилась 9 мая 1945 года, а для нас, чьи отцы сложили головы, она продолжается и сегодня. Вам вспомнить бы товарища погибшего, на могиле которого Вы, может быть, клялись не забыть его семью. Но в этом зале почему-то и вдовам не предложили слова, и детям погибших солдат. Я хочу прочесть Вам стихи:

*Я не знаю, где ты похоронен
От родимого дома вдали.
Наши ивы ветвей не наклонят,
Как мать, наклонясь до земли.
В том победном году сорок пятом
Все мы ждали его на крыльце.
Если вы с ним служили, солдаты,
О моём расскажите отце.*

И ещё хотелось бы сказать об одной печали, что гложет сердца детей, потерявших отцов на войне. Вернувшимся живыми фронтовикам, а в случае смерти, их жёнам, государство оказывало и оказывает всяческую поддержку. Сейчас вот и машины всем выделили, и квартиры. Кому это всё достанется? Понятно, детям. И как сказал писатель Д.Гранин, что и воевали за добрую жизнь для детей и внуков. Да, это правильно. Не поспоришь. А каково нам, детям войны, чьи отцы, защищая Родину, погибли? Ведь нас много!».

Мы, безотцовщина, никогда и никому не были нужны – будто отцы наши не участники войны. И не в машинах и квартирах дело. Жизнь заставила нас быть самостоятельными, но ведь бороться-то за своё место под солнцем нам пришлось гораздо труднее, чем детям живых фронтовиков. Отчего руководители наши, вожди, этого не понимают?

Мы жили по принципам социализма

*Фоменко Мария Максимовна –
медик, пенсионер.*

Моё первое знакомство с Ойрот-Турой (Горно-Алтайском) пришлось на военное время. Жили мы в селе Карагуж Старо-Бардинского (Красногорского) района крепкой крестьянской семьёй. Отец работал. Особой нужды мы не испытывали. Была простая крестьянская семья, в которой много работали.

Так бы мы, наверное, и жили, не начнись война. Осенью 1941 года папу забрали на фронт. Через пару месяцев он погиб под Ленинградом. Мама была беременной. В мае 42-го родился мой младший брат. Летом ему понадобился медицинский

осмотр, и мы с мамой отправились в Ойрот-Туру пешком, а это от села Карагуж 25 километров. Шли по пыльной полевой дороге, выющейся между полями и лесами. Мама несла на руках сына, а я налегке забегала вперёд и подолгу любовалась открывающимися видами гор, цветами и ясным голубым небом. В селе Верх-Карагуж (в народе его называли Ерыхалка) перекусили и немного отдохнули. Село мне не понравилось, грязное, с покосившимися старыми домами.

Ойрот-Тура встретила приветливо. Город поразил размахом, от центра, где громоздились многоэтажные кирпичные дома, по всем оврагам расползались понастроенные очень близко друг к другу деревянные избушки. Для моего детского воображения это было очень удивительно, в нашей-то деревне дома стояли широко, вольготно.

Основная наша задача была сделать моему брату врачебный осмотр. Отыскали детскую консультацию, - старое деревянное здание, примостившееся на берегу реки Улалушки, сейчас на этом месте казначейство. Врачи внимательно осмотрели брата и удивились его здоровью и крепкому сложению. Весом он был почти пять килограммов.

В тот же день мы вернулись домой. Самое интересное, пройдя больше пятидесяти километров в день, я, девятилетняя девчонка, усталости не чувствовала. А впечатления от первого знакомства с городом и дорогой к нему остались на всю жизнь.

В 1948 году я закончила семь классов Карагужинской школы, и так как семья у нас была многодетная, кроме меня на маминых руках было ещё трое, решила поступить в Горно-Алтайское медицинское училище и перейти на самостоятельный образ жизни.

После школы я поступила в медицинское училище на фельдшерское отделение. Училище в то время находилось в старом деревянном здании в два этажа напротив Дома Культуры по улице Социалистической. Теперь там маленькая церквушка. В первый год учёбы общежития мне не досталось, но зато посчастливилось устроиться жить на улице Карагужинской у родителей героя Советского Союза Александра Николаевича Ленкина. Очень милые и добрые люди оказались. Да и вообще хочется отметить, что в те военные и послевоенные годы были в людях особенная доброта и отзывчивость. Все практически жили неважно, в маленьких домишках в одну-две комнаты, питались скромно, приютить могли любого нуждающегося, накормить тем же, что и сами ели, напоить чаем, уложить спать.

Практику я проходила в областной больнице, в здании этом теперь отделение психиатрии и наркологии. Мне оно нравилось своей архитектурой и размахом. Оно и сейчас выглядит намного красивей, чем все построенные позже здания.

Горно-Алтайск к тому времени стал быстро менять свой облик. Зашумели по улицам посадки тополей, появились новые красивые здания. Мне очень нравился кинотеатр им.М.Горького. Мы, девчонки, любили назначать свидания у кинотеатра или под часами, которые висели высоко на столбе с противоположной стороны дороги.

Однако улицы города ещё утопали в грязи, а на основных улицах: Горно-Алтайской, Социалистической, Карагужинской и проспекте Сталина - пешеходов спасали только дощатые тротуары, проложенные по краям. В центре города, где сейчас здание администрации, протекала река Черемшанка, доставляя большое неудобство горожанам. В зимние морозы на ней об-

разовывались огромные наледи, укротить которые было невозможно. Вода заливала площадь перед кинотеатром им. Максима Горького и устремлялась дальше, к тому месту, где сейчас находится Эл-Курултай. В то время в этом районе стояло одноэтажное здание сберкассы с двумя каменными львами у входа. Подтапливалось и здание туберкулёзного диспансера, которое стояло на месте современного Дворца правосудия. Разливалась Черемшанка и в весенний паводок, и от сильных проливных дождей. И только когда всё её русло, начиная от бывшего пивзавода и до Улалушки, было упрятано под землю, наледи и паводки перестали мешать горожанам.

В то время мы с девчонками много гуляли по улицам города и мечтали увидеть их чистыми и опрятными. Рядом с кинотеатром им.Максима Горького стоял деревянный магазин. Его почему-то называли «Сыролапка», продавали в нём продовольственные товары и очень вкусные ливерные пирожки, сдобные булочки и ватрушки. Здесь же продавался вкусный морс, хоть мы и понимали, что это подкрашенная водичка, но с аппетитом запивали пирожки и булочки сладкой водой. Стояли в магазине и бочки с пивом. Разливали его по тяжёлым поллитровым кружкам. Мужики пили и гордились, что в Сибири такого замечательного пива, сделанного по особому рецепту на местном заводе и на благодатной горно-алтайской воде, больше нет нигде.

Любили мы в то время ходить на танцы в городской парк. Танцевали под баян, а в выходные дни играл духовой оркестр.

После училища меня направили работать в Горно-Алтайский роддом акушеркой.

Роддом. Фото 90-х годов XX века.

Здание это стоит и поныне рядом со зданием Эл-Банка, в котором раньше был Алтайторг - самый первый в городе большой и красивый магазин с колоннами внутри. Изобилие товаров и простор внутри торгового зала поражали. Верхние этажи занимали служащие Алтайторга. Отопление в роддоме было печное, воду привозили на лошадях, под канализацию была оборудована большая выгребная яма, которая чистилась в ночное время. С электричеством были частые перебои, иногда приходилось пользоваться керосиновыми лампами.

Вообще хочется вспомнить о состоянии медицинских учреждений в то время. Городское поликлиническое отделение размещалось в двухэтажном деревянном здании по улице Социалистической. Теперь в нём находится колледж культуры.

В 50-60 годы в этом здании вели приём врачи всех профилей. Было тесно и скученно, но чистота и порядок соблюдались. Поликлинику много лет возглавлял Павел Васильевич Ларкин, основным правилом которого было внимательное, душевное отношение к больному человеку. Этого же он требовал от всех врачей и медперсонала. Новое здание поликлиники построено в центре города, за домом правительства.

Областная больница находилась в двухэтажном здании в районе речки Каяс. В нём размещались все отделения. С годами было построено здание детской больницы в четыре этажа, трёхэтажное здание туберкулёзного диспансера, большое здание терапевтического корпуса и в конце 80-х было введено девятиэтажное здание хирургического корпуса. Образовавшийся больничный городок стал иметь возможность лечить всех граждан республики.

Но развивалась не только медицина. Все мы стали свидетелями образования и быстрого роста промышленных пред-

приятый. В 1955 году открывается гардинно-тюлевая фабрика, число работающих на ней в скором времени достигло 600 человек. На базе промартели «Текстильщик» в 1956 году открывается ткацкая фабрика. К 1972 году число работающих достигает 700 человек. Фабрика работала в три смены. Вместо деревянного здания по ул. Комсомольской строится просторное трёхэтажное здание швейной фабрики с числом работающих более шестисот человек. В 1957 году на базе промартели «Заря Алтая» создана обувная фабрика.

Кроме того, в городе работали обозостроительный завод, мебельная фабрика, кирпичный завод и завод железобетонных изделий. В городе выпускались электросамовары и производились телевизоры. На территории Майминского взвоза работал большой ремонтный завод. Совхоз-завод «Подгорный» освоил производство консервированных продуктов, вин и бальзамов. **Рабочих рук в городе не хватало** *(выделено нами. Ред.)*.

Каждое крупное предприятие имело здравпункт с высококлассными специалистами и необходимым оборудованием *(выделено нами. Ред.)*. Все работники предприятий имели возможность получать **санаторное лечение бесплатно** *(выделено нами. Ред.)* или по тридцатипроцентной стоимости. На многих предприятиях по инициативе профсоюзов было организовано бесплатное питание. Быстрыми темпами строилось **жильё и выделялось по очереди предприятиям бесплатно** *(выделено нами. Ред.)*.

Большой радостью для жителей Горно-Алтайска стала установка в 1958 году на горе Тугая телеретранслятора. С той поры телевидение медленно, но верно стало входить в каждый дом. Редко кто сейчас помнит маленький чёрно-белый телевизор «Рекорд». Эта модель в городе появилась одной из первых.

Все соседи собирались в нашем доме и до полуночи не могли оторваться от маленького экрана.

За последние годы мы стали забывать, что жили до этого с самого семнадцатого года по принципам социализма. Жильё, какое имелось в государстве, было практически бесплатное. **Медицина, обучение в школах и ВУЗах, – бесплатно** (выделено нами. Ред.).

О времени и о себе

Редкова Нина Михайловна – ветеран педагогического труда, награждена значком «Отличник народного образования РСФСР», занесена в книгу «Люди XXI века».

Родилась я в Горно-Алтайске, в семье рабочих. Нас было шестеро детей. До войны это была счастливая многодетная семья, безмятежность которой закончилась с началом нашествия врагов. Помню, как забирали отца на фронт в декабре 41 года, как мы его провожали... В нашей семье оставалось пятеро детей, а мама была на седьмом месяце беременности. Ей было 35 лет. Самая младшая, Галя, родилась уже без отца, в 1942 году.

Вот такой большой семьей мы и переживали тяжелые годы войны. Рано повзрослели остальные дети, но... детство есть детство, голодное, холодное, босое, но детство!

Скоро старшему брату исполнилось 14 лет, он пошел работать в артель «Красный транспортник», где шили обувь и делали колодки.

Жили мы тогда по улице Торфяной (нынешняя улица Космонавтов), а детская консультация находилась далеко, в районе родильного дома. Несмотря на то, что мне еще только исполнилось восемь лет, я регулярно носила туда младшую сестренку. Она была с ослабленным здоровьем и из многодетной семьи, поэтому ей полагалось сливочное масло. А чтобы его выписать, нужно было обязательно показать сестренку! А кому нести? Старшие на работе или на пашне.

На всю жизнь сохранилось в памяти суровое военное детство. По улицам, да и в школу тоже, ходили босиком, и не стеснялись этого. В холодную погоду – в каких-то обмотках, которые снимали в школе и раскладывали на батарее. На двоих с братом мы носили один лыжный костюм, который нам выделили по ордеру на одежду: он с утра, а я – с обеда шли в школу в одном и том же костюме. В классе зимой всегда было холодно: в углу висела и не таяла большая сосулька. Хорошо помню, как наша учительница Конинина Алевтина Александровна вдруг посреди урока говорит: «Играем в догоняшки!». И мы бегаем по классу вслед за ней, греемся. А потом занимаемся дальше. И постоянно ждем, когда постучат в дверь и принесут хлеб. Тоненькие, маленькие кусочки ржаного хлеба величиной с середину детской ладошки. Но как ни голодна была, разве я могла его съесть в школе!? Ведь дома были маленькие сестры. Позднее стали давать сахар, по несколько ложек каждому в бумажку заворачивали... Бывало так, что по три дня ничего не ели. До сих пор не могу понять – как выжили?

Особенно тяжелым, в военные и послевоенные годы, бы-

ло время конца зимы и начала весны. Но как только в апреле появлялись первые побеги хвоща, так все выходили на выпасы его собирать. Это в 47 году как-то больше хлеба стало, а тогда... Лопух срезали, чистили и ели, похлебку из него варили.

На уроках писали в старых книжках между строчек – тетрадей не было, а чернила делали из сока свеклы. Но тяга к учению была огромная! И что особенно вспоминается – люди жили одной семьей, не закрывались друг от друга ни в прямом, ни в переносном смысле. Ни дома, ни души не запирали, друг другу доверяли, сочувствовали, последнюю картофелину пополам делили. Если кто просился ночевать – пускали. Это была норма.

Особенно тяжело вспоминать весну 1944 года, когда в мае в нашу семью пришла похоронка на отца – Михаила Гордеевича Карпова. Он пал смертью храбрых на западе Белоруссии, а старший брат Иван Михайлович, который ушел на войну в 1943 году, сложил голову в самом конце войны – в феврале 1945 года в Западной Польше в звании старшего сержанта. Уже после войны в Горно-Алтайск приезжал его друг, рассказывал, как он погиб, где похоронен...

День Победы остался в памяти как день всеобщего ликования. Все просто прыгали от радости, а мы, дети, ринулись в городской парк, там был митинг. Женщины и дети – все босиком, вот это почему-то запомнилось. Мужчины тоже босиком, но их совсем мало – раз-два и обчёлся... Тепло уже было, день солнечный, яркий. А мама не пошла на митинг – плакала дома. Окончилась война. Жизнь стала входить в свою колею.

Я очень любила петь, танцевать, выступала почти на всех праздниках в школе и смотрах художественной самодеятельности. Учителя говорили: «Вот закончишь школу и поступай в

консерваторию», но это была детская мечта. Следующей мечтой было – стать учителем и походить на своих первых и любимых учителей школы №8 – Надежду Станиславовну Пашкову, Анну Васильевну Пухареву, Анну Ивановну Рожнову, очень хотелось быть такой же интеллигентной, воспитанной, терпеливой. Ведь в школах тех времен никогда не было оскорблений, унижений учеников, учителя были очень тактичны и никогда не позволяли себе грубости в отношении детей.

Уже в школе я попробовала себя в качестве пионервожатой и почувствовала, что педагогика – моё призвание. А судьбоносной была встреча с учителем химии школы №6 – замечательным человеком, увлеченным своим предметом, Сергеем Устиновичем Пагуром, которая и определила мою будущую судьбу. Я стала учителем химии, окончив в 1959 году Горно-Алтайский государственный педагогический институт, химико-биологический факультет. Затем три года проработала в селе Черный Ануй, где вступила в Коммунистическую партию и вернулась в Горно-Алтайск. С 1962 года шесть лет проработала в школе №13, где была председателем профсоюза, а затем секретарем парторганизации. И где бы я ни работала, в какой области, всегда относилась к работе с душой и ответственностью. Помню, студенткой летом работала в пионерском лагере вожатой и получила первую почетную грамоту за свою работу.

Откуда эта ответственность? Отвечаю: из детства, от мамы и моих учителей, от пионерской и комсомольской организации. Ведь мы, дети, так ждали, чтобы нас поскорее приняли в пионеры. Подтягивались в учебе и дисциплине. Ведь пионер – это первый во всем, а комсомол – помощник партии! Когда приняли меня в комсомол в 1948 году, то сразу дали поручение – стала пионервожатой в 4 классе. Их учительницей

была Евдокия Васильевна Некорякова, молодая, красивая, энергичная. Она и дала толчок к выбору моей специальности и, конечно, мой классный руководитель – Надежда Станиславовна Пашкова (Лазарева), а также чудесные учителя школы – учитель математики Семен Кузмич Чопоров и директор школы Дмитрий Евлампович Жданов (оба фронтовики). Помню, осенью мы собирали колоски в колхозе «Трудовик», который был за школой №8. С председателем родительского комитета Анной Васильевной Уканаковой, я тогда была заместителем секретаря ученической комсомольской организации, мы ходили к председателю горисполкома с вопросом, чтобы к школе №8 проложили тротуар. И вскоре от облпотребсоюза до школы был выложен деревянный тротуар в четыре доски.

К сожалению, восьмая школа была семилеткой и десять классов я заканчивала в школе №6. Здесь все повторилось (пионервожатая, художественная самодеятельность, посадка деревьев на горе Тугая, комсомольские собрания с более серьезными вопросами).

Но вернемся в самый памятный для меня 1968 год, когда меня пригласили в школу №1, где я и проработала 35 лет. Здесь встретили меня очень хорошо. А какие были учителя – асы в своем деле! Это Валентина Матвеевна Кургина (сильнейший математик города), Зинаида Николаевна Тинина – литератор. Её ученики занимали первые места в Алтайском крае по сочинениям. Зоя Александровна Воронова – физик. Её ученик Волков Ваня занял первое место на Российской олимпиаде по физике в Петрозаводске, что и было отмечено в сборнике приказов Министерства образования РСФСР! А какие были учителя начальных классов! Это Ольга Евгеньевна Плотникова, Александра Васильевна Минина, Александра Васильевна

Таушканова, Валентина Александровна Паутова. Это они закладывали фундамент знаний для последующей учебы. Завучи школы – Ирина Владимировна Казанцева, Лидия Семеновна Стрельникова, Валентина Михайловна Шилевая, Елена Иосифовна Шнейдер, Галина Демьяновна Лазебная и другие внесли большой вклад в воспитание наших учеников.

Елена Иосифовна Шнейдер на уроке.

За время моей работы в школе сменилось 12 директоров, но яркие воспоминания о себе оставила Нелли Афанасьевна Табакаева – молодая, энергичная, целеустремлённая, трудолюбивая. Она была не только хорошим педагогом, но и отличным хозяйственником. В её бытность школа преобразилась, посветлела, стала уютнее.

В первой школе у нас была хорошая связь с организацией швейной фабрики.

*На встрече с работниками швейной фабрики
г. Горно-Алтайска. Фото 70-х годов XX века.*

Ученики школы ставили на фабрике концерты, проводили совместные мероприятия: «Голубой огонек», «От всей души», «А ну-ка парни» и т.д. Девчата 9-10-х классов проходили на швейной фабрике производственную практику.

Поистине, школьные годы – чудесные. Это первые буквы, слова, написанные в тетрадке и на доске, знание предметов, первая любовь...

Говоря о школе, я не могу говорить без восклицательных знаков о своих учениках!!! Мне повезло с учениками и их родителями. Ученики были «золотые» до последнего дня работы в школе, но первые – это всегда, наверное, ближе, роднее.

Выпускники 1972 года.

Верхний ряд: Юрий Немчанинов (в прошлом учитель физики, сегодня успешный предприниматель), Наталья Голикова (ведущий окулист Республиканской больницы), Людмила Конюхова (учитель химии школы №1), Свечкопалова Анна (пенсионер), Гурьев Александр (доктор педагогических наук, почётный работник высшей школы РФ).

Нижний ряд: Чепкин Александр (полковник), Шадрин Владимир (международный журналист).

Наташа Голикова (Давыдова) сегодня замечательный глазной врач в Республиканской больнице, Толя Пусев подполковник в отставке, Люда Конюхова пошла по стопам своих родителей и долгие годы работала в школе №1 учителем химии, Саша Гурьев закончил Горно-Алтайский пединститут, работал учителем физики в школах Республики Алтай, защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации и сейчас профессор Горно-Алтайского госуниверситета,

Юра Немчанинов – замечательный спортсмен, волейболист, турист, призер многих соревнований по водному слалому в настоящее время является успешным предпринимателем и вместе с женой Еленой, сыном Игорем и дочерью Мариной обеспечивает жителей Республики качественной обувью, а их гостиница «Игман» считается лучшей в Горно-Алтайске. Наташа Пикалова и Наташа Голикова – врачи. Вася Лукин – прекрасный каменщик. Он построил множество домов не только в Алтайском крае, но и за его пределами сейчас на заслуженном отдыхе. Саша Талипов выбрал военную карьеру и сегодня полковник в отставке. Вера Быкова много лет проработала в родной школе №1, Толя Белокопытов окончил Новосибирский институт водного транспорта, сейчас также на пенсии.

Говорить о наших выпускниках можно до бесконечности. Имея высокое качество знаний, они поступали в институты, университеты и военные училища по всему Советскому Союзу. С особой гордостью следует сказать о Валере Бабине, который после окончания Горно-Алтайского педагогического института, начав работать в качестве ассистента на кафедре истории, в настоящее время является ректором нашего Горно-Алтайского университета.

Валерий Бабин на уроке истории.

Школа по праву гордится целой плеядой высококвалифицированных врачей. Это Деревщиков Сергей – заведующий реанимацией Республиканской больницы, Якушев Игорь и Пупышева Галя – кардиологи, Новиков Алеша – специалист УЗИ, Тишкова Тania – кандидат медицинских наук, кардиолог. Братья Андрей и Павел Решетовы, Александр и Олег Косаревы, Наташа Голикова – врачи с большой буквы!

Многие наши ученики посвятили свою жизнь науке и образованию. Так Оля Таушканова защитила кандидатскую и докторскую диссертации и работает в Барнаульском университете. Марина Багно защитила кандидатскую диссертацию и работает в Барнаульском политехническом университете. Вера Вдовина, Михаил Редков и другие стали замечательными учителями.

Многие ученики востребованы в различных странах мира. Тania Кузнецова закончила Барнаульский педагогический университет, работала в лицее города Горно-Алтайска, в прави-

тельстве Республики Алтай, сейчас живет в Канаде. Слава Каша окончил школу с золотой медалью, а затем Московский университет им. Ломоносова, кандидат экономических наук, живет и работает в США. Ольга Тозыякова, дочь композитора Александра Тозыякова, окончила Новосибирское хореографическое училище и сейчас работает в США. Перечислять можно долго...

В заключение хочу сказать, что я счастливый человек, потому что я учитель и горжусь этим! Потому, что меня всю жизнь окружают добрые, внимательные и порядочные люди! А мои выпускники помнят меня, звонят и приглашают на вечера встреч и юбилеи!

Мне очень нравится стихотворение Роберта Рождественского:

*Удачи Вам, сельские и городские,
Уважаемые учителя!
Добрые, злые и никакие
Капитаны на мостике корабля.
Удачи Вам – дебютанты и асы,
Удачи, особенно по утрам.
Когда Вы входите в школьные классы,
Одни – как в клетку, другие – как в храм.
Вы знаете, мне по-прежнему верится,
Что если останется жить Земля –
Высшим достоинством человечества
Станут когда-нибудь учителя!
Не на словах, а по вещей традиции,
Которая завтрашней жизни под стать
Учителем надо будет родиться
И только после этого стать!*

*В нем будет мудрость талантливо дерзкая.
Он будет солнце нести на крыле ...
Учитель – профессия дальнего действия,
Главная на Земле!*

Воспоминания о моем городе

*Малков Николай Петрович –
кандидат биологических наук,
доцент Горно-Алтайского
государственного универси-
тета.*

Я, Николай Малков, родился до Великой Отечественной войны, в 1937 году. Помню как в самом начале войны коллега моего отца по работе, дядя Коля, довольно молодой человек, говорил по поводу нападения Германии: «Да куда они сунулись! Да мы их шапками закидаем!». Да, шапками. ... Почти четыре года тяжелейших сражений и огромных потерь! Погиб на войне и дядя Коля-шапкозакидатель. Я его запомнил еще и потому, что когда мы с мамой провожали отца на войну и грузовик с новобранцами выезжал из ворот горвоенкомата, дядя Коля поднял меня на руках, а отец успел меня на прощанье поцеловать.

Мама научила меня молиться, и я, проснувшись, каждое утро просил Бога уберечь моего отца от смерти на поле брани. Отец после победы над Германией был переброшен на восток, воевал с Японией и вернулся живым. У него было четыре брата: Павел, Леонид, Марк, Иван. Все они на войне погибли.

Младший из них, Ваня, мальчишкой пошел воевать добровольцем, был награжден орденом Отечественной войны. Орден с похоронкой прислали его матери, моей бабушке. А сколько их, нецелованных семнадцати - восемнадцатилетних мальчиков, отдали свои молодые жизни, защищая нашу Родину! А сколько вернулось калеками! И вернулось-то их, этих мальчиков, всего лишь 3%!

*Невзгодами закалены
И опаленные боями
С медалями и костылями
Вернулись мальчики с войны.*

*Они покончили с войной,
В боях сражаясь, победили,
Но за победу заплатили
Какой огромною ценой!*

*Не осознали мы цены
Победы до сего момента.
Задумайтесь, лишь три процента
Вернулось мальчиков с войны.*

*А сколько их не встанет в строй
В день памяти совместно с нами!
Не став мужьями и отцами,
Они лежат в земле сырой.*

Война. Какое это страшное слово! Досталось всем и на фронте, и в тылу. Всё для фронта, всё для победы – был главный лозунг тех лет.

*Не только герои, а все, вся страна воевала,
Огромной ценою свободу свою отстояла.
В тылу и на фронте совместно победа ковалась.
Нелёгкая доля всему населенью досталась.*

Да, нелёгкая, и холодная, и голодная. Нас, детей, у мамы было трое. Помню, старшая сестра была на учебе в школе, а мы с моим младшим братом, рождения 1941 года, ждали, когда мама после работы принесёт паёчки хлебushка, полученные по продуктовым карточкам. Очень хотелось поесть, но еды не было. Была только комковая соль, оставшаяся с довоенного времени. Я откалывал от неё маленькие комочки, и мы их сосали вместо конфет. Братишка не знал о существовании конфет, а я их помнил и обманывал брата, выдавая соль за конфеты.

Хлеб. Мне казалось, что им нельзя насытиться. Хлеб был лакомством и казалось, что съесть его можно много, до бесконечности. Когда я немного подрос и стал сам ходить за хлебом, то по дороге домой боролся со страшным искушением отщипнуть хоть крошку от семейного пайка. Даже когда в декабре 1947 года отменили продуктовые карточки, хлеба все равно не хватало, и за ним были громадные очереди. Мы, мальчишки того времени, занимали очередь за хлебом ещё с вечера и всю ночь бдели, стараясь не проспать очередные пересчеты, которые устраивались несколько раз за ночь. При пересчете пересчетчик записывал на твоей руке химическим карандашом твой новый номер, и, обязательно, надо было запомнить людей, впереди и за тобой стоящих, чтобы не сказали потом: «Ты здесь не стоял!». Между пересчетами мальчишки развлекались, как могли: хулиганили, курили, иногда дрались, но редко. Держались ватагами по школьным связям. Нашу ватагу объединяла школа № 8, считавшаяся, пожалуй, самой хулиганской в городе. Школа № 8 была семиклассной, учились в ней в две смены. Электрического освещения в школе не было

и в короткие зимние дни, утром и вечером, обучались при керосиновых лампах.

Теперь о городе и о его окрестностях. Окрестности города были не такими, как сейчас, другими. Сейчас горы вокруг города покрыты лесом, но этот лес рукотворный. Во время войны все деревья города были спилены и превращены в дрова. Склоны гор были вскопаны лопатами и засажены, в основном, картофелем. Из довоенных лесов сохранился только Мотькин пихтач. К примеру, гора Комсомольская до войны была покрыта березовым лесом, была любимым местом отдыха и прогулок молодежи, и называлась она Алиментной по причинам, о которых нетрудно догадаться. После войны на ней остались только березовые пни. Специальным постановлением властей Алиментной горе было присвоено имя гора Комсомольская. Надо сказать, что лес на всех окрестных горах, в том числе и на горе Алиментной, посадила, в основном, учащаяся молодежь, т.е. комсомольцы. Через город протекали, как и сейчас, две основных реки: Улалушка и Майма, но были они гораздо полноводнее, чем сейчас. К примеру, по Улалушке в весеннее половодье специальная организация Гортоп даже сплавляла метровые дрова, заготовленные в истоках этой реки, а вся ребятня моего поколения, жившая в окрестностях этой реки, именно на ней научилась плавать. В пределах города в русле Улалушки были глубокие места, которые мы называли ямами, а их глубина характеризовалась определением «с головкой» или «с ручками», т.е. при вертикальном погружении вода скрывала голову или поднятые кверху руки. Майма же была еще многоводнее.

Город Горно-Алтайск до 1948 года назывался Ойрот-Тура. Это ныне наш город стал таким чистым и красивым, а в

пору моего детства и юности он таким не был, а был маленьким, грязным, заболоченным городишком. Даже некоторые его улицы имели соответствующие названия: Болотная, Торфяная. На окраинах города автомобили летом не появлялись, они бы там утопили в болотной грязи. Главным транспортом был «гужевой», т.е. конный, но и лошади иногда вместе с повозкой увязали в грязи так, что вытаскивали их, как говорится, «всем миром». На правом берегу Улалушки, там, где сейчас Министерство леса, была артель «Красный транспорт», где и была сосредоточена вся тягловая сила, а на правом берегу Маймы, за пределами учительского института был обозо-строительный завод с громким названием «Электрометалл», где делали для всей страны конные телеги (*выделено нами. Ред.*). Кроме этих двух предприятий существовали ткацкая фабрика «Текстильщик», артель инвалидов «Емелюк». В пятидесятые годы появилась гардино-тюлевая фабрика. Сейчас всех этих предприятий уже нет.

Часть современной территории города принадлежала колхозам «Трудовик», «Имени Чкалова», «Имени Жданова». Дома в самом городе были, в основном, деревянными, каменных двух-, а тем более трехэтажных, было наперечет. Четырехэтажный был всего один – Дом Советов, ныне главная резиденция Правительства республики. Между домами были большие промежутки-лужайки. На этих лужайках мы, подростки того времени, играли в лапту и, конечно же, в футбол. Футбол был нашим главным увлечением. Мы не только сами играли, но и не пропускали встреч футбольных команд нашего города. В городе было две основных команды: «Спартак» и «Динамо». Их первый после войны основной состав был из тех молодых ребят-воинов, которые вернулись живыми с по-

лей сражений, некоторые даже с боевыми, но, слава Богу, зажившими, но хорошо заметными шрамами от ран. Мы всех их знали. Они были нашими кумирами. О, как мы за них горячо болели, особенно при игре с командами других городов, чаще всего Бийска. О! Как мы при этом орали: «Судью на мыло!», если нам казалось несправедливым решение арбитра.

Преобразаться город начал в начале шестидесятых годов прошлого века. Началось строительство кирпичных жилых домов, общежитий, зданий общественных организаций и других объектов. В середине шестидесятых годов был заложен Парк Победы.

Город начал уплотняться, расти в ширину, занимая все свободные места, даже склоны гор. Ныне дома растут как грибы. Город стал чистым, ухоженным, красивым.

Как мы выжили?

Медведев Иван Федорович – доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, почетный работник высшей школы Российской Федерации, почетный гражданин Республики Алтай, академик Петровской академии наук и искусств России, кавалер ордена Петра Великого 1 степени.

Родился я 25 июня 1937 года в городе Алма-Ата, в большой семье. Родители переехали в Алма-Ату из Горного Алтая в 1935 году, в большей степени не по своей воле.

Отец работал инспектором арычного строительства г. Алма-Аты, мама – швеей на фабрике пошива одежды. В семье, кроме родителей, было пять детей и бабушка.

В ноябре 1941 года отца – Медведева Федора Илларионовича – призвали (мобилизовали) на войну. Условия жизни резко изменились. Мама серьезно заболела. У нее признали порок сердца. Дети малолетние, бабушка престарелая. Приусадебного участка не было. Огород за городом содержать стало некому.

Выход из труднейшего положения нашли в возвращении в Горный Алтай. В городе Ойрот-Тура жили две сестры и мать нашей мамы. Переехали в Ойрот-Туру в июне 1942 года, однако, несмотря на помощь родственников, трудности и лишения наступали со всех сторон. Вначале жили у родственников, после купили маленькую избушку. Особо трудным стал вопрос отопления. Дрова – сушняк – собирали в лесу и на санках привозили к избушке. Перестали поступать письма от отца. Последнее получили в декабре 1941 года, в котором он сообщал, что его часть из Новосибирска отправлялась на фронт. Теперь мы знаем, что главным фронтом в конце 1941 – начале 1942 года была оборона Москвы, защищать которую пришлось сибирским дивизиям. Об отце мы узнали только в конце войны. Нам официально сообщили, что он пропал без вести. Наши попытки узнать где, когда и как погиб наш отец, оканчивались одним – сведений нет.

В апреле 1943 года умерла наша бабушка, а в августе того же года добровольно в армию ушла старшая сестра С.Ф. Медведева, хотя ей не было еще и 17 лет. Следующую сестру Т.Ф. Медведеву после окончания Горно-Алтайского (Ойрот-Туринского) зооветтехникума, в 1945 году направили на работу в Томскую область. Было ей в то время 16 лет. Мама про-

должала тяжело болеть, а в семье было еще трое детей: Валентине 11 лет, мне 8 лет, Зине - 5. Жили постоянно в нужде и голоде.

Сейчас нередко возникает вопрос: как мы выжили? Ответ один – на нашей стороне была Советская власть!

Все мы с раннего детства были приучены к работе. Лично я с 6 и до 12 лет пас коров. В 50-е годы в Горно-Алтайске началось (с помощью государства) массовое строительство и ремонт частных домов. Появились бригады плотников – шабашников. В одной из них я начал работать. Освоил практически все виды строительных работ. В 12-13 лет уверенно держал в руках плотницкий топор. Далее освоил профессию электрика.

Летом работал, а зимой учился. Закончил 10 классов школы № 6 города Горно-Алтайска. Затем работал на Горно-Алтайском хлебокомбинате. Осенью 1956 года был призван в ряды Советской Армии. Отслужил три года. В отличие от многих службу в армии пустой тратой времени не считаю. Именно в армии стал взрослым человеком, получил звание старшего сержанта, научился работать с людьми, отвечать за свои поступки.

После армии работал, учился. Окончил историко-филологический факультет Горно-Алтайского пединститута. Учеба давалась легко, был отличником, много внимания уделял спорту. В 1963 году обзавелся семьей.

После окончания института работал в школе № 12 Горно-Алтайска, в педучилище и с 1966 года в институте. Здесь прошел все ступени от ассистента до профессора. Постоянно повышал свою квалификацию. Успешно окончил очную аспирантуру при Томском госуниверситете. Стал кандидатом ис-

торических наук, доцентом. Затем поступил и успешно окончил очную докторантуру при Новосибирской высшей партийной школе. Защитил докторскую диссертацию, получил ученое звание – профессор. В этой должности работаю до настоящего времени.

Разговор с внуком

«Дед, – обращался внук вечером, когда мы, поужинав и посмотрев какой-либо фильм, укладывались спать, – а правда, что когда-то давно, когда ты был маленький, у вас в доме не было света (электричества)?». «Правда», – говорю. И начиналось путешествие в прошлое, в далёкие военные (имеется в виду годы Великой Отечественной войны) и труднейшие послевоенные годы. «Не только света, часто и хлеба не было. Голодно жили, терпели нужду и холод...». «Дед, – не выдерживал Ваня, – а нужда это что?». «Нужда, – отвечал я, – это когда нет самого необходимого: хлеба, одежды, обуви». «А конфеты?» – вклинивался Ваня. «Конфет тоже не было. Вообще-то они были, но у нас они появлялись очень редко. Почти не появлялись. Да и откуда бы им появиться, если часто не было обыкновенного хлеба, как и одежды, обуви и т.д. У нас с моей сестрой Валентиной Федоровной были одни валенки на двоих. Как-то так получалось, что она училась с утра, а я с обеда. Пока она была в школе, я сидел на печи, только там было относительно тепло. Когда она возвращалась из школы, я слезил с печи, одевался, надевал снятые сестрой валенки и отправлялся в школу. Валенки у нас с сестрой были особенные. Я их и сейчас хорошо помню. Новые валенки купить было нелегко, их просто не продавали, да и не на что было покупать. Денег, которые мы получали за погибшего на войне отца, было настолько мало, что их едва хватало на покупку хлеба. А

хлеб, надо отметить, в то время выдавали по карточкам, каждому едоку по 200-250 граммов на день, конечно, мало. Выручала картошка. Выход из положения с зимней обувью нашла наша мама, а ваша прабабушка. Где-то у людей (соседей) на какие-то вещи мама выменяла старые большие пимы. У них из-за полной изношенности совсем не было подошвы. Пимы были очень большого размера. Изготовить из них что-то подходящее для нас мама упросила старого деда, с которым давно, ещё до революции, они жили в одном селе. Во время, о котором идет речь, он со своей старушкой, как и мы, жил в Горно-Алтайске, правда, до 1948 года наш город назывался Ойрот-Тура. Деда этого звали Иваном, фамилия у него была Сухих. Родом он был из Вятки. Разговор у него был какой-то врасстяжку (нараспев), веселый со множеством присказок и различных поговорок. За этот разговор его прозвали «Иван вятский».

Приходил он обычно после обеда в выходной день или праздник. Обязательно с ним приходила его старушка. Имени её никто не помнил. Называли её просто Евлампьевна. Она обычно молчала.

Приходя, он стучал в дверь. Входил, пропуская вперед старушку. Долго топтался возле двери, отбивая снег со своих пимов (почему-то запомнилась зима). Старик снимал шапку. От его совершенно облысевшей, с редкими седыми волосками головы вроде бы в нашей тёмной и холодной избушке становилось светлее. «Ну, живы ещё?», – обычно спрашивал дед. «Живые», – отвечала мама. Затем она доставала из печи ещё с утра горячий чайник. Наливала гостям в кружки чая. По избе разливался запах листьев смородины, бадана, других трав (нормальной заварки тогда не было). Иван вятский пил, при-

хваливая, чай и обязательно начинал рассказывать о том, как они жили «раньше», что означало до Советской власти и уж обязательно до коллективизации (образования колхозов). Своим «нарастяжку» говором он рассказывал о том, какие они хорошие были мужики вятские – ребята хватские. «Очень смелые мы были, – и добавлял, ухмыляясь своим, обросшим седой бородкой, беззубым ртом, – семеро одного не боялись, нет, не боялись! И очень сообразительные были». И обязательно, в подтверждение, приводил какую-нибудь сказку – присказку. «Вот, – рассказывал он, – была у нас своя баня, топились она, как тогда было заведено у всех, «по-черному». Трубы у неё не было, а дым, когда её топили, выходил через дверь. Крыш у таких бань не было. На потолок просто накидывали землю для утепления. На бане выросла трава. Не пропадать же ей? «Сообразительные ребята» решили посадить на баню корову, чтобы она там траву поела. Собрались семеро, корову на баню затащили. Корова для потолка оказалась излишне тяжелой. Потолок провалился, и корова рухнула в баню. Корова, морщась и покачивая головой, оказалась какой-то неловкой. Ну, провалилась и провалилась, так нет, зачем-то сломала ногу. Орёт во всё своё коровье горло, наверное, больно ей, а может быть, страшно. В бане-то она сроду не бывала. Когда рухнувший вместе с коровой потолок разобрали, то корову вывести, вытащить не могли. Через отверстие в потолке не получилось. Потолок-то весь провалился, стоять мужикам, понятно, было не на чем. А двери были у бани низкими и узкими, а тут ещё сломанная нога у коровы. Хитрые были мужики вятские, удумали корову дорезать. Мясо быстро разошлось. Почти вся деревня целую неделю супы с мясом хлебала, но и коровы не стало. Органы власти, конечно же, не дремали.

Время было суровое. Как раз шла полунасильственная запись в колхозы. Записывали вместе со скотом и всяким другим имуществом (скарбом). Вначале в нашей деревне решили коммуны создать. Коров и другой скот было приказано согнать на общий двор. Вот тут-то и выяснилось, что коровы в нашем хозяйстве нет, была и исчезла. Все объяснения нашего отца о том, куда запропастилась корова, воспринимались приехавшим в нашу деревню из волости начальством как анекдот, сказка, враньё. Отца забрали как злостного врага колхозного строя. «Больше, – как-то горестно опустив свою лысую голову, говорил Иван вятский, – мы его и не видали». Да что говорить, – вдруг встрепенувшись и разводя руками, продолжал речь дед – время было суровое. Много людей пропало без суда и следствия. Много!».

Вот этого деда Ивана вятского и упросила наша мама из этих огромных, изношенных до предела пимовы изготовить нам с сестрой детские валенки. Дед не отказался и через неделю притащил нам нечто, что обычными валенками назвать было нельзя. Поскольку подошв у старых валенок не было, он просто бывший носок валенка согнул в обратную сторону и превратил его в подошву. Затем к этой вновь образованной подошве он подтянул дратвой края нижней части старых пимов. Правда, эти края он как-то умело подрезал, так что в этом четырехугольнике округлой формы образовалось место для ноги. Затем мастер отрезал верхнюю часть пимов и из этого материала изготовил стельки внутрь пимов. Всё это он крепко скрепил дратвой, и вот получилось нечто вроде обуви, которую в зимних условиях можно было носить, другой вообще не было.

На валенки это «изобретение» походило мало. У этой обуви трудно было определить, где перед и где зад. Особой красотой и изящностью наша обувь не отличалась и вскоре стала она предметом всеобщего смеха в школе. Особенно от этого страдала сестра Валентина. Она уже училась в пятом классе.

Мы с мамой несколько переконструировали эту обувку. С одной из сторон этих «уродцев» вырезали по большому треугольному лоскуту. Валенки из прямоугольного «нечто» принимали хотя бы некую форму обуви. Теперь с первого взгляда можно было определить, где носок и где задник. Но и здесь не всё обошлось благополучно. Крепкой дратвы у нас с мамой не было, и делать её было не из чего. Прорези на валенках зашивали обычными нитками, которые почему-то имели свойство быстро разрываться. Выход нашёлся. Я где-то подобрал небольшой моток мягкой проволоки, которой стянули эти прорезы. Концы проволоки, казалось бы, мы довольно тщательно прятали. Однако в самый неожиданный момент они (концы проволоки) вылазили из своих укрытий и превращались в настоящие шипы.

Детство, школа – понятия вроде бы у всех одинаковые и, в то же время, разные. Было много общего, но вспоминалось и особенное. У нас, например, в начальных классах было шиком перед занятием бегать по партам, играя в догонялки. И вот, убегая от догонявшего, я мчался по партам, на одной из которых сидела Галя, самая красивая девочка нашего класса. На ней было какое-то нарядное платьице. Или я бежал быстро, или моим шипам надоело сидеть в засаде, они, как только я с соседней парты прыгнул на Галину парту, вылезли из засады и уцепились за Галино платье... Слезы, крики..., вызов моей

мамы в школу. Меня грозились исключить из школы, но учли, что отец мой погиб на фронте. Мама была хорошей швеёй и взялась починить платье. В школе, после клятвенных моих и маминых заверений, что больше по партам бегать не буду, меня оставили.

Прошло много лет. В школе, где я учился, утвердилась традиция каждый год в начале февраля организовывать встречи выпускников. На одной из этих встреч обратил внимание на приятную, слегка поседевшую даму. Подошел к ней, спросил: «Вас Галей звать?». «Да, – говорит, – Галей, но Вас я не помню». «А я Вас помню. Мы вместе учились в третьем классе, и я порвал Ваше прелестное платье, задев его шипами моих самодельных валенок». «Так это были Вы? – удивилась она. «Да. Вот перед Вами моя повинная голова». Долго смеялись.

Мы живем с ней в одном городе. Иногда случайно встречаемся. О чём она думает, улыбнувшись и кивнув, проходя мимо, я не знаю. Перед моим же взором – мои старые знаменитые во всей школе «валенки – чувяки», как их называли мои друзья, клоч платья, вырванный шипами моей обуви, полные слез глаза девочки. Уровень обеспечения почти у всех был далеко не удовлетворительным.

Что с «валенками – чувяками» - они долго обитали на чердаке нашего домишки. Затем наше жилище, как и другие, рядом стоящие, были снесены. На их месте были построены пятиэтажки. Это здания, стоящие между школой № 6 и автовокзалом. При разрушении избушек никто не вспомнил о «валенках – чувяках». А какой это был образчик сообразительности и находчивости! Вот уж верно говорится в народе: «голь на выдумки хитра и торовата».

В пору моего детства

*Медведева Татьяна Федоровна –
пенсионер, ветеран труда.*

Родилась я в селе Демино Солонешенского района Алтайского края в 1929 году. В 1934 году семья переехала в г. Алма-Ата. О городе Ойрот-Туре мы знали из писем наших родственников, которые писали об этом небольшом городке как о месте с хорошим климатом и хорошими урожаями картошки и овощей в огородах и на участках на склонах гор.

Родственники звали нас переехать в Ойрот-Туру, зная, что нашей большой семье, особенно с наступлением военных лет и гибелью отца в самом её начале, живётся в Алма-Ате не особенно хорошо и сытно.

Семья наша в то время была немалая. Мама, пятеро детей да бабушка 80-ти лет. Старшей сестре Серафиме было шестнадцать, потом я – ученица шестого класса, Валя училась во втором классе, а Ваня и Зина были вообще малышами. Кроме этого мама страдала пороком сердца.

Долго размышляли и прикидывали, где лучше выжить, и решили всё же направиться в Ойрот-Туру, у мамы там две сестры, да и на родную землю надеялись.

Такой вот оравой и двинулись в путь... В Бийске встретили дядю Петю Кулакова, мужа маминой младшей сестры. Он работал на машине, усадил всех нас в кузов грузовика поверх груза и привёз к себе домой. Жили они тогда в обычном пятистенке по Пограничному переулку у подножья горы Тугая. Какое-то время пожили у них, потом у старшей маминой сестры, и хотя было сложно разместиться всей нашей большой семье, но там мы прожили до осени 1943 года.

Тяжелей всего было больной и старой бабушке, весной она умерла. Ей было 80 лет.

К осени удалось обзавестись собственным жильём. Купили развалюшку по Майминскому переулку рядом со школой №6 и напротив хлебозавода. Долго утепляли, ремонтировали крышу и стены, побелили и перебрались в собственное жильё. Дров на зиму навозили сами на таратайке со склонов горы Тугай, собирали сухие ветки, упавшие маленькие деревца. Но на зиму этого было мало, и мама выпросила у сестры корову, на которой мы привезли с Каяса несколько возов настоящих берёзовых дров. Распилили всё, раскололи, уложили в поленницу – с этим запасом и перезимовали. Не всегда, конечно, топили до жары, приходилось дрова экономить. А весной нас затопило. Вода поднялась так, что зашла в наш дом и подвал.

Весной 1944 я поступила учиться на пчеловодческое отделение сельхозтехникума. Денег в семье постоянно не хватало. Основным подспорьем был огород и картошка на пашне.

Что представлял наш город Ойрот-Тура того периода? Несколько кирпичных зданий не больше трёх этажей, а всё остальное – утопающая в густой зелени деревянная застройка.

Мне нравилось любоваться видом города со склонов гор Тугай и Комсомолки. А бывать на этих горах мне приходилось

часто. Не имея собственной коровы, молоко мы зарабатывали пастьбой стада коров. В то время в городе коров пасли по очереди. Случалось так, что очередникам на пастьбу не хватало времени, и тогда просили нас с мамой. За отработанный день нам давали три литра молока. На склонах этих же гор были наши участки с картошкой. Вспахивали и обрабатывали их мы всей семьёй. Да ещё и соседние участки тех, кому опять же было некогда, прихватывали. За это с нами рассчитывались продуктами и молоком.

В пору моего детства гравийные городские улицы были только кое-где, а для пешеходов сооружались деревянные тротуары. Но, к сожалению, в детстве и юности бегать по городу мне не пришлось – слишком много было работы дома, учёба, пригляд за младшими. Да и не в чем было особенно-то разгуливать по улицам – ни обуви доброй, ни одежды. Шла война и призыв: «Прежде думай о Родине, а потом о себе» для нас был не пустой звук. Думать о своём благополучии не приходилось. Жили очень скромно, но не ныли и не роптали – просто работали и учились.

Так вот, в постоянной работе и поддержке друг друга, наша семья пережила военные годы. В 1946 году я закончила техникум и по распределению уехала работать в Томскую область.

На постоянное жительство в Горно-Алтайск я вернулась только в 1988 году. За время моего отсутствия город преобразился, вырос ввысь и вширь. Спасибо строителям за их благородный труд. Сейчас мне город очень нравится: чистый, уютный, зелёный.

Мама-стара и мы

*Пьянкова Любовь Ильинична –
пенсионер, ветеран труда.*

Семья мамы-старой жила в Поволжье, батрачили. Семья была большая. Мама-стара (бабушка) была старшей, ей так хотелось учиться, но она закончила только 2 класса, и отдали ее нянькой к богатым людям.

Когда начался голод в Поволжье они выехали в Сибирь. Там мама-стара вышла замуж в Старую Барду. Тятя (её муж) был мастером на все руки: и столяр, и конюх, и маляр, и сапоги шил, и валенки катал. Родились у них 4 дочери. Жили середняками, своим хозяйством. Но началось раскулачивание, и тятя пешком ушел в город...

В городе он устроился конюхом, подрабатывал столяром, подкопил денег и купил избушку. Мама-стара потом пешком с девочками перебралась к нему в город. Жили бедно, но помаленьку обустроивались. Мама-стара работала техничкой в шестой школе, а девчата в ней учились. Выживали они за счет своего труда. Сажали много, молотили, мололи. Был такой станок – два круга с ручкой. Ручку крутишь, подсыпашь помаленьку зерно либо кукурузу, и получается мука. Стряпали лепешки кукуруз-

ные. Была своя деревянная маслобойка, получали сливочное масло. Сажали много табака и его потом обменивали у алтайцев на шерсть и пух. Мама-старая зимой пряла на прялке пряжу и по всей зиме нас обвязывала, а во время войны вязаные вещи отправляли на фронт.

Затем моя мама закончила бухгалтерские курсы, а тётя Валя (старшая сестра) – медицинские. С первых дней войны она ушла на фронт.

Из своего детства помню, что жили мы на Заречной улице. Жили среди леса, но по всему лету заготавливали кизяки. Солому, коровьи отходы, коровьи лепешки собирали на дороге. Затем все это мешали. Вначале корову водили по этой куче, затем мы начинали топтать ногами. Потом лопатой укладывали в формы, а затем переворачивали из форм и складировали вдоль забора для сушки. Этими кизяками зимой топили печь. Что интересно, запаха не было, но жару было много.

Сажали много гороху, картошки, сеяли ячмень. Поля были за огородом. Заготавливали ягоду, сушили ее, а зимой пироги стряпали. Черемуху мололи. Получалась вкусная смесь. Тоже была начинкой для пирогов. Много калины на зиму заготавливали, свеклы, брюквы, тыквы, моркови, редьки, капусты квашеной в больших кадках. Солили огурцы и помидоры в кадках. Мне кажется, они были вкуснее, чем мы сейчас заготавливаем в банках.

Помню, во дворе погреб был земляной. В нем было холодно, и стояли глиняные крынки с молоком. С мамой-старой мы ходили на рынок торговать этим молоком, варенцом, капустой и другими продуктами.

На рынок шли по деревянным тротуарам. Я часто запиналась и разбивала об них коленки.

В зимнее время взрослые подолгу сидели при лампе со стеклом – пряли, вязали, вышивали. Мужчин в доме не было. Их забрали на фронт. Говорили все шепотом, чтобы никто не услышал за окном. Мама-старая всегда прикладывала палец к губам и указывала на окна. Утром ходили смотреть на большие следы под окном...

Запомнился большой круглый репродуктор. Слушали Левитана всей семьей. Мама-старая все молилась перед иконками со слезами на глазах, а я на полотах наблюдала.

Помню рев сильный в доме. То ли на тятю (деда) пришла похоронка, то ли на моего отца, но рев мне запомнился. Мне тогда было всего 3-4 года, а вот в детской памяти он отложился. Вскоре тятя прислал фотографию с фронта. Какая радость в доме была!

Батя - крайний справа. Фото 1943 года.

Хорошо помню, как вернулась тетя Валя с фронта. Запомнила ее одежду: гимнастерка, юбка, сапоги блестящие, и вся грудь в медалях и орденах. Она потом мне их отдала в игрушки. При встрече с тетей Валей тоже сильно плакали.

Запомнилась с детства печка-буржуйка. Ее ставили посередине комнаты, а труба выходила в трубу русской печи. Мы на ней жарили ландорики – ломтики картошки на плите. Очень вкусные. И с таким аппетитом их ели!

С двоюродным братом ходили на гору и ставили петли на бурундуков. Он их обдирал, шкурки сдавал, а мясо ели. В лесу собирали сучки и хворост и на себе носили домой. Корову весной впрягали в плуг и на ней пахали огород и поле за огородом. На ней и сено привозили с Партизанского лога напрямую. Коней тогда по всей улице не было.

После войны стали праздновать праздники христианские и советские. Праздновали дружно – всей улицей. Сегодня у одних, завтра идем к другим. С гармошкой, с песнями – было радостно и весело!

Очень хорошо запомнились карточки на хлеб. Зимой большие очереди за ним занимали с вечера и сидели в шубах всю ночь.

После войны сено ставили 50% на 50% с колхозом. Сначала колхозу, затем себе. Поля картофельные охраняли, нанимали сторожей. Мама-стара говорила: «В войну не было воровства, а сейчас люди с ума посходили, воруют».

После войны тоже держали много птицы, корову – это постоянно. Мне, как старшей, приходилось их пасти, уткам рвать траву, крапиву, лебеду. Мама-стара рубила все это сечкой и с вареной картошкой мешала – это был корм для птицы и поросятка.

Мама-стара за работой.

А для нас варила мама вкусную похлебку. Щавель, крапива, лебеда и листья свеклы со сметанкой – какая вкуснятина была!!!

У нашей мамы семья была большая – 8 детей, 16 внуков и 13 правнуков. Всех детей выучили и дали образование.

Мама - Панченко Мария Георгиевна.

Мама работала диспетчером на автобазе ОПС. Отец слесарем, а потом шофером.

Мама-стара помогла ей нас вынянчить, всем привить любовь к труду. А мама настолько была трудолюбива, что до последних дней держала корову и обрабатывала огород. Трудолюбием приходилось выживать и переносить тяготы всей жизни. В их судьбе было столько невзгод, но жалоб на судьбу не слышно было. Народ был дружный и отзывчивый. А сейчас наоборот – одно нытье и неприязнь.

(Мама-стара Силкина Фекла Гавриловна с 1892 года. Умерла в 1982 году). СВЕТЛАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

Мы с улицы Базарной

Ахламенок (Иваницкая) Людмила Николаевна – пенсионер.

Помню Горно-Алтайск с 1939 года, когда наша семья переехала из села Чаган-Узун в город. Город был небольшой, грязный. Тротуары деревянные были и то не везде. Дома в большинстве деревянные.

Мы жили на улице Базарной, теперь это улица Палкина. Там, где был наш дом, сейчас построен Национальный драматический театр. На месте здания администрации стояло здание быта (оно потом сгорело). Дальше был детсад № 5 и жилые дома. Где сейчас площадь у театра, раньше стоял деревянный магазин. В одном крыле были скобяные товары, а в другом – обувной магазин. Во время войны в этом магазине выдавали хлеб по продуктовым карточкам. На площади им. Ленина был кинотеатр им. М. Горького (где теперь торговый центр «Мария Ра»), а где сцена, стоял магазин, а потом пивная «Сыро-

лавка». На месте «Эл Курултая» стояла сберкасса с каменными львами, а за ней деревянный Дом ребенка.

Гостиница была деревянная двухэтажная. На первом этаже была столовая № 1. На площади стоял магазин «Универмаг», потом обувной магазин. Где сейчас первая школа, была туберкулезная больница, а напротив деревянное двухэтажное здание – «Сельхозпушнина», а потом бактериальная лаборатория. Где сейчас находится банк и дом № 28, было болото и пели лягушки.

И все равно мы были счастливы! *5

*В.Е. Казанцев – бывший житель улицы Фрунзе,
учитель с 40-летним стажем, отличник просвещения
Казахской ССР, ныне инвалид I группы.*

Стояли жаркие июньские дни 1941 года. Позавтракав, ребята с разрешения родителей убегали купаться на речку Улалушку. Наша ватага, человек 10-12, купалась возле переходов. Играли кто в трусах, а кто и без них, так как поблизости никого не было. Шутки наши были разными, но мне запомнилась одна: мои трусишки намочили в речке, обильно посыпали песком и завязали в узел... И горько, и смешно! А дома отец попросил принести ремень, парочку раз опоясал меня по голой попе и попросил больше не опаздывать к обеду. Сам-то он занимался ремонтом обуви, только прибивал стельки не гвоздиками, а березовыми колками.

Мои ботинки так и остались недоделанными. Пришли какие-то дядьки, мама собрала в дорожный мешочек какой-то еды, и с тех пор я, брат Трофим и две наши сестры отца больше не видели. На тот момент старшему Трофиму было восемь

лет, а самая младшая сестра Галина родилась за год до Великой Отечественной войны.

Началось военное детство. Через несколько месяцев к нам пришел сродный брат, семилетний Юрий. Его отец тоже ушел на фронт, а мать, тяжелобольная сердечница, вскоре умерла. Сотрудники горсобеса привели к нам еще одного мальчика, семилетнего Юрия Бойко, чей отец, полковник Красной армии, воевал на фронте, а матери у него тоже не было. Вот и получилась семейка: шестеро ребятишек и одна мать. Хорошо еще, что за стенкой жила наша одинокая бабка Варвара Дмитриевна, 75 лет. Одинокая, потому что три ее сына ушли на фронт.

Вооружившись ножами и ножницами, мы, все шестеро, выходили в огород, потом шли вдоль по улице, срезая крапиву, но иногда опаздывали, и ее срезали другие. Запомнился один драматический случай. Бабушку мы звали мамой-старой. Под ее руководством вышли все в огород, а там срезать уже нечего... Мама-стара от начала огорода пошла по диагонали, говоря: «Мне вас кормить нечем...». Мы ее схватили сзади за подол, как в сказке про репку, и заголосили: «Не уходи, мы есть не будем!». Напились из деревянной кадки холодной воды, что набирали в реке Улалушке, и пошли играть на улицу. Кстати, вода тогда в реке Улалушке была не просто хорошей, а прекрасной!

А играли тогда в баталки, «бить - вешать» - детство свое брало. Но вот беда – бежать могли только по прямой: живот наполнен водой, а закон инерции в силе! Иногда кто-то в начале улицы вываливал жмых для коров. Это был воистину праздник для нас! И удивительно, как общее большое горе делает людей дружными! Все жители улицы брали этот жмых,

но понемногу, чтобы всем хватило. Эта пища до коров не доходила, ее с жадностью съедали люди.

Одного из наших домочадцев, Юрия Бойко, отправили куда-то через Красный крест. Осталось пятеро ребятишек. Младшая сестра в школу еще не ходила, день и ночь лежала у окна на койке. Пищей ей служила вода из чекушки (маленькой бутылочки), которая сбегала по веревочке с подоконника.

В школе нам давали хлеб за пять копеек, по объему – два спичечных коробка, слипшаяся масса коричневого цвета. Мы, братья и сестра, несли по половинке домой и подкармливали младшую. Хлеба по карточкам не давали, мы были иждивенцами.

Мать работала посудомойкой при коммерческой столовой облисполкома. Раз в неделю (другим тоже надо) я бегал к ней на работу, и она насыпала мне в сумочку сухих костей, чтобы дома прокипятить их и сварить отличный бульон с травой. Не всегда доносил я эту пищу до дома, так как такие же голодные ребятишки просили по косточке. Приходилось бегать к маме на работу рано утром, чтобы кости не отняли по пути.

Сидя на завалинке, мы с моим старшим братом как следует прогревали ноги на солнышке, а потом уходили с ним «на промысел» - к подножию горы Серемейки, где прошлой осенью кто-то плохо выкопал картошку на участке. Вооружившись копорулькой и сумочкой, не помню, в какой обуви (или совсем без нее), мы ранней весной искали гнилую картошку. Кому везло, тот бывал сыт. Лучше всех получалось находить клубни у братьев Соломатиных.

Добытое толкли, делали лепешки и жарили их на сковороде, смазанной солидолом. Аромат шел по всей улице, люди приходили понюхать... А когда летом появлялась картошка,

то ее, не выдергивая куст полностью, подкапывали, и с этого времени люди оживали.

От Красного креста в горсовет поступали посылки для малообеспеченных семей. Нам на двоих братьев дали шорты, а сестре – юбку. В шортах мы с братом ходили по очереди летом в школу. На каждого ученика родители должны были заготовить по полкуба дров, деляна располагалась напротив села Улала. Мы с матерью смогли за сутки заготовить всего полкуба вместо двух с половиной на пятерых школьников, правда, больше с нас и не потребовали.

Старики каким-то способом переехали жить на улицу Почтовую, в самое ее начало. Великая Отечественная война закончилась, но еще какое-то время тяжело было школе переходить на самостоятельное существование. Было установлено, чтобы зимой каждый ученик, идя в школу, нес с собой полено для обогрева. В половодье по Улалушке сплавляли дрова. На повороте речки загодя сделали запруду. Все предприятия, учреждения и школы вылавливали эти дрова: и баграми, и вилами, и руками. Складиrowали по всем улицам поленницы – тысячи кубов!

Но меня, да и многих других удивляет вот что: никто ни разу не взял полена из тех поленниц! А ведь там даже сторожа не было. Мы на четверых учеников отрывали жердь от ограды и несли в школу. Почему же сейчас люди живут по принципу «не украдешь – не проживешь»? Кто и когда сумел вытравить из нас порядочность? Жили мы в годы войны очень плохо, но в горе крохой хлеба помогали друг другу.

Когда шли в школу, хоть в сорокаградусный мороз, хоть летом, и встречали учителя, то всегда приветствовали его, сняв головной убор, с поклоном. А сейчас даже по телевизору

показывают, насколько упал статус педагогов. Я понимаю так: родители кормят, поят, одевают, а учитель делает ученика умным, морально устойчивым и так далее. Переродились мы, стали черствыми, поставив на первое место материальные блага...

Так как же пережили войну? Во-первых, благодаря дружбе, и не только в семье, но и просто между людьми. Если в доме слезы, крик, волосы рвут с головы, значит, похоронка пришла. Всей улицей помогали пережить горе. И нам помогали, когда пришло известие о гибели отца. Помню, как все, затаив дыхание, прятались по домам, когда появлялся почтальон. Но если приходило письмо с фронта, то народ сбегался к счастливой семье с одним и тем же вопросом: «А про моего ничего не пишет?».

Еще спасала нас корова. Сани, шлея, хомут, чересседельник – все как для коня. Мы, малолетки, ездили на ней в Улалу за дровами и сеном. Гнать корову не надо, сама идет и в гору, и под гору с постоянной скоростью, жуя жвачку. Горе, если она ее потеряет. В сутки два стакана молока доставалось каждому из пятерых ребятишек, еще и на суп оставалось.

Что касается весенней посевной, то тетке, Марии Ивановне Фокиной, от почты выделили участок земли в районе пило-рамы. Мы вчетвером смогли вскопать целину, четыре сотки. Копали прямоугольными пластами, а мы были детьми шести – девяти лет. Сажали картошку, сеяли просо и гречиху, а осенью цепами молотили на земле. Вот каким было наше детство в годы Великой Отечественной войны.

Благодаря заботе властей после войны жить стало легче. В 1947 году отменили карточки, стало тепло в школе, выдали учебники, в городе наладили производство босоножек на бере-

зовой подошве с прорезиненными ремешками. В школу уже не ходили босыми. Появилась форма. Самым большим праздником были выборы. В эти дни мы не уходили с агитпунктов, возле которых красовались разнаряженные лошадиные тройки, катавшие ребят.

Нам, детям войны, было хоть и голодно, но интересно жить. Мы стремились хорошо учиться и работать, так как знали, что о нас беспокоится власть. На заботу отвечали ударным трудом и большими достижениями в учёбе. Каждый март в первых числах с нетерпением ждали через репродуктор выступление руководителя страны **об очередном снижении цен на продукты питания** (*выделено нами. Ред.*). А на милиционера, одного на весь город, смотрели как на музейную редкость – боялись ужасно.

«Лагерное» детство

*Бауэр (Казагачева) Лилия Сергеевна –
пенсионер, ветеран труда.*

В семье было двое детей: я и моя старшая сестра Клара (1932 г.р.). Родители работали в городе, а мы жили у своей бабушки в селе Александровка. Очень тяжелая обстановка была в семье в период Великой Отечественной войны: отца посадили за связь с врагом народа (его старший брат, Кирилл Афанасьевич, преподавал в партийной школе, его посадили как врага народа). Мать уволили с работы. Отца освободили через полгода, а тут началась Великая Отечественная война, и отец сразу ушел на фронт. Мать окончила курсы медсестер, и ее отправили на фронт. На последнем собеседовании перед отправкой на фронт (было это около города Новосибирска):

- Муж есть, где?

- На фронте.

- Дети?

- Дочка (старшая, Клара, умерла в 1939 году).

- С кем осталась?

- С бабушкой.

- Это война, всякое может случиться. Возвращайтесь домой!!!

Очень трудно было в первые годы войны, но стали заниматься сельским хозяйством: сажать на пашнях картошку, кукурузу, сеять гречиху, просо, около дома – огород.

Мы, дети, тоже не сидели без дела. Помогали сажать, полоть, на себе приносить урожай, но самую тяжелую поклажу мама привозила на тележке. Честно говоря, благодаря нашей маме мы и выжили.

Летом мы, ребяташки соседних дворов, ходили за ягодой, приходилось ходить далеко, так как две горы, которые окружали наш город – Тугая и Комсомолка, были в те годы как в заплатках (пашни). Да, ходили очень далеко. Хорошо, что в те годы было не страшно отпускать одних детей в горы.

Когда я кому-нибудь говорила, что все детство провела в лагерях, бывают удивлены:

- В лагерях?

- Да, в пионерских!

В первый раз ездили в пионерский лагерь на Усть-Сему еще в годы войны. Привезли нас на простой грузовой машине, накормили, каждому выдали по матрасовке. В них мы насобирали высохшую траву и принесли в палату. К полу были прибиты по две доски. Это, как оказалось, были заготовки для кроватей, в эти «кровати» мы и положили матрасовки с сеном.

Но вид у этих «кроватей» был очень страшный, они как бы напоминали «гробики». Наверное, руководители и сами испугались, когда увидели детей, лежащих в этих «гробиках», и уже через несколько дней установили топчаны.

Жили мы постоянно на съемных квартирах, и после того, как мама стала работать в областной прокуратуре в секретной части, она получила квартиру в доме по улице Почтовой.

Дом находился в самом центре города, рядом Дом Советов, почта, сквер. В этом доме и прошли мои школьные годы. Сначала я училась в начальной школе № 1 (теперь здесь начальные классы школы № 8).

Чем запомнились мне эти годы? Голод, холод. В школе был широкий коридор. Однажды мы, ученики, взялись за руки и стали ходить по коридору, громко крича: «Ой, околели! Ой, околели!». Вышли учителя, заведующая громко сказала: «Если околели, принесите из дому дрова!».

Да, ученики иногда приносили из домов по полешку, а иногда вместе с учителями ходили за город с санками и привозили дрова в школу. Видимо, летом они были заготовлены, но не успевали их привезти.

Потом я стала учиться в школе № 12, которую и окончила. В пятом классе у нас было раздельное обучение мальчиков и девочек. Однажды в наш класс перевели на перевоспитание одного мальчика. Что он только не вытворял! Помню, как он однажды «усадил» свою фуфайку за парту, положил рукав на парту, пристроил ручку перед тетрадкой и говорит: «Учись за меня!». А сам стал ползать под партами. Мы же умирали от смеха! Скоро его снова перевели в свой класс. Вот так и закончилось его первое перевоспитание!

Учителем русского языка и литературы у нас была Евлампия Яковлевна Рогова. А у учеников получалось «Евлам Пияковлевна», но она не обижалась. Она всегда в своей речи употребляла пословицы и поговорки. Я запомнила такую: «Злые языки страшнее пистолета». Наверное, она и заложила во мне такую потребность – увлекаться мудрыми высказываниями. Учителя в 12-й школе были замечательные. Уже сколько лет прошло, а я помню их внимание к ученикам, справедливость и заботу! Это учителя высокой культуры! Рахиль Максимовна Шарф, Иван Дмитриевич Коваленко, Абрам Самуйлович Певзнер!

Ойрот-Туринская шпана*6

*Камаев Юрий Дмитриевич – пенсионер,
ему 82 года, он занимается резьбой по дереву,
внимательно следит за всеми изменениями
в общественно-политической жизни республики.*

Юрий Дмитриевич живет сейчас в районе остановки «Плодопитомник». Его дом словно прячется под горкой, надежно укрытый развесистой черемухой, а к крыльцу с дороги ведут 11 ступенек. Чуть подальше дома, метрах в ста, дорога переваливает через крутую горку. «Машин там билось–тьма! Почти каждый день аварии случались. И чтобы эту горку сровнять, сделали насыпь, подняв дорогу сразу на три метра. Мои родители еще до войны жили в Омске, потом переехали в Новосибирск. Хотели там обустроиться, да негде было поставить дом. Помыкались да и завербовались на строительство «Турсиба» (железной дороги от Новосибирска до Алма-Аты). Там, в Казахской ССР, в городе Аягус, я и родился. В 1937

году наша семья переехала в Ойрот-Туру. Здесь фактически началась моя сознательная жизнь. Пошел учиться в школу № 13. А вскоре грянула война. Отца сразу же забрали на фронт, и уже в 41-м мы получили на него похоронку – погиб, защищая Ленинград. Много их сгинуло, таких, как мой отец. Он же работал столяром-краснодеревщиком, отлично делал различные изделия. Вначале был на мебельной фабрике техноруком (сейчас эта должность называется главный инженер). А потом неожиданно его назначили директором всего предприятия, так как прежнего начальника забрали «по линии НКВД». Уже после того, как отец ушел на фронт, мы познакомились с одной женщиной, сотрудницей отдела кадров этой фабрики, и она рассказала, что им тоже заинтересовался НКВД, так как на него было сделано три доноса. Окончив семь классов, я решил ехать в Кемерово, поступать в училище на маркшейдера и в дальнейшем работать в шахте. Приехал один в чужой город, ночевать негде – решил провести первую ночь на вокзале. А рядом с ним – Коксохимический комбинат, который рано утром произвел выброс. Представьте: я с Алтая, всю жизнь дышал нашим чистейшим воздухом, и вдруг на меня обрушился этот невероятно противный запах. И так меня это неприятно поразило, что я, не дойдя до училища, сел на ближайший поезд и поехал назад как можно быстрее. Выслушала мама мой рассказ и говорит: «Хватит! Накатался! Вот есть у нас педучилище, туда и будешь поступать!». Ну, я и поступил. Я вообще-то учился или на пятерки, или на двойки, серединки никогда не было. Потому что был самым настоящим представителем ойрот-туринской шпаны. Мы – дети войны, и пока шла Великая Отечественная, все время были голодными, постоянно нужно было что-то где-то достать, раздобыть, как-нибудь по-

есть. Как только сходил снег, выбирались в поля, копали кандык, рвали черемшу и все время что-то ели. Где сейчас лыжная база, перед ней было болото, на котором росла осока.

Мы и ее ели, только обязательно дожидались, чтобы поспела. Выкапывали, чистили – и в рот. Казалось, ничего вкуснее не бывает, словно ложку сметаны съел. Такая вкуснота! Может, сейчас она бы мне такой вкусной и не показалась, а тогда была лакомством. Так вот, в училище я хорошо учился, в самодеятельности участвовал, пока со мной не приключился очередной казус. На 7 ноября вместе с мамой и дядей Володией пошли в гости к моей тёте Оле, сотруднице музея. Немножко выпили, пошли домой, и тут нас заприметил один из преподавателей, большой борец со всякими нарушениями. Завтра меня вызвали на педсовет и начали стыдить. А я уже лоб здоровый был, 18 лет исполнилось, начал огрызаться. Кончилось дело тем, что из училища меня исключили. И пошел я дальше учиться в школу рабочей молодежи, а на работу устроился в детскую библиотеку, которая была расположена в Доме пионеров (сейчас на месте того здания разбит «Сквер камней»).

Я принимал литературу, рассортировывал ее по отделам, заводил на каждую книгу каталожную карточку. Отслужил, вернулся в город. На выбор – три места работы: милиционером, шофером или ассенизатором. Но мне и здесь повезло: моя мама переговорила с председателем отдела культуры, Гринин была его фамилия, и меня взяли на работу инспектором управления культуры облисполкома. Стал ездить по районам, проверять избы-читальни, клубы, быт сельчан. Работа проверяющего мне не очень понравилась. Уехал в Новосибирск, устроился мастером на завод, женился».

«А вы знаете, что означает слово “гортоп”? –неожиданно спрашивает Юрий Дмитриевич, и воспоминания вновь переносят его на много лет назад... – Это сейчас речка Маймушка маленькая и мелкая, а во времена моего детства она была полноводной рекой, по ней сплавляли дрова, и не короткие швырки по полметра, а метровые. Мы с мамой ездили в село Бирюля и заготавливали по двадцать кубов леса, десять – себе и десять – государству в “гортоп”. А мне тогда было 11 лет. Кроме того, что нужно было срубить огромное дерево, после себя обязательно надо было оставить деляну в порядке, собрать и сжечь все ветки. Распиливали ствол и метровые чурбаны, раскалывали и сплавляли по реке до нужного места. А где сейчас “подгорновский” магазин на Старом музее, за ним до самой реки был пустырь, густо поросший высокой полынью.

Мы, мальчишки, делали в зарослях ходы и играли в прятки. За рекой, там же, где и сейчас, стояла церковь, старая, двухэтажная. И в ней сделали кинотеатр, в котором мы смотрели все фильмы, а очень интересные старались посетить по нескольку раз. А денег-то не было! И мы вот что придумали: когда кино заканчивалось, прятались в шторы: заворачивались, как в кокон, и стояли, стараясь не дышать, чтобы нас не заметили. Однако дежурный милиционер нас очень часто обнаруживал и выдворял из зала. В районе магазина № 10 есть улица Чапаева, во времена моей юности кому-то пришла в голову идея пустить в том районе реку по прямой линии, чтобы она падала каскадом, и построить там ГЭС. Мы, студенты и школьники, рыли этот канал, но электростанция так и не была построена...».

Горно-Алтайск моего детства

Михайлов Сергей Петрович – кандидат физико-математических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета.

В Горно-Алтайск наша семья переехала в августе 1956 года из Коми-Пермяцкого национального округа Северного Урала – маму, Михайлову Зинаиду Михайловну, перевели приказом по Министерству просвещения РСФСР из Кудымкарского учительского в Горно-Алтайский педагогический институт. Мне было 9 лет, и я закончил 2 класса. Первое, чем меня «огорчили» соседские мальчишки – что я немного не успел к сильному землетрясению. При этом тыкали пальцами в сторону Бубургана, который нам водитель по пути из Бийска показал, и пугали, что этот вулкан вот-вот снова проснётся. Я и верил, и не верил.

Что всю нашу семью сильно удивило – как буйно здесь растёт зелень. Лопухи выше роста мальчишек, в которых так хорошо прятаться; пучка (вёх ядовитый и борщевик) выше роста взрослого мужчины, из неё получают такие хорошие духовые трубки для обстрела противников объединённой ягодой черёмухи... На Северном Урале лето короткое и холодное, травка растёт чуть выше ботинок, и лопухи маленькие.

А уж ягоды! Там по землянику, клубнику и малину ходи-

ли с литровой банкой, которая набиралась весь день, и когда я за тот же день в 1957 году набрал ведро клубники – вот был фурор! Правда, пришлось вставать в 2 часа ночи, чтобы успеть на автостанцию к автобусу в 4 часа утра на Бийск, по тракту доехать до своротка на Старый Карагуж, и затем пешком километров 6 по мокрой траве. Ягодные места там знал сосед Николай Егорович Севелов, который согласился взять с собой не только своего сына Сашку, но и соседского мальчишку – меня. Я считал, что в автобусе никого, кроме нас и едущих к поезду, не будет. Какое там! Еле разместились и всю дорогу стояли на ногах - ягодников было очень много, и все норовили присоединиться к тем, кто знает ягодные места. Николаю Егоровичу это очень не понравилось, и от основной массы мы втроем уходили оврагами, почти по-пластунски. К 6 часам вечера, когда добирались на тракт к обратному автобусу, я полное ведро еле дотащил, и ягода мне потом снилась всю ночь.

Замечу, что собственного транспорта, кроме велосипедов, тогда почти ни у кого не было, так что на улицах города было гораздо безопаснее – ездили в основном немногочисленные грузовики и автобусы, и редко мотоциклы.

Расстроили меня, родившегося на величавой Каме, местные реки Майма и Улалушка – ни пароходов, ни плотов, ни впечатляющего ледохода. Правда, купаться на Каме было опасно, и каждый год кто-то тонул, а здесь речку можно было перейти вброд, и мальчишки научили меня ловить пескарей и селёмов на вилку или банкой. На Каме это называлось ловлей с остройгой или с помощью морд-ловушек, но ловили не крошечных пескариков, а сомов и налимов. Мой дед был знаменит тем, что на дохлую лягушку поймал сома весом в 4 пуда, т.е. 64 килограмма.

Второе яркое воспоминание – набор в секцию горнолыжного спорта, который проводили в конце 50-х годов Михаил Васильевич Чевалков и Михаил Петрович Антониосов. На первое занятие на единственный тогда стадион «Спартак» пришло человек 60. Михаил Васильевич после разминки сделал с нами два круга пробежки по стадиону, а потом тем же невысоким темпом повёл по мостику на Комсомолку – и вперёд, прямо по тропке (она шла там, где сейчас идёт подъёмник и спускаются зимой любители горных лыж) по крутизне до вершины. Затем всё так же бегом вдоль гребня влево вниз до первых зданий и по тропке вдоль основания горы назад на стадион. Думаете, всё? Затем по 60 присяданий, и в заключение игра в футбол. Ноги после такой нагрузки ныли с неделю, и на второе занятие через три дня пришла едва ли половина. Я выдержал 4 года и освоил мукачёвские деревянные горные лыжи со стальными кантами. С мускулами и реакцией у меня было всё в порядке, но быстро ездить побаивался, так что чемпиона из меня не получилось.

Совершенно незамеченной прошла съёмка рядом с нами эпизода фильма В.М. Шукшина «Живёт такой парень», где Пашка Колокольников знакомит коллегу-шофёра с женщиной. Мы жили на ул. Молодёжной в служебном доме, а съёмки шли в доме, где сейчас размещается «Медтехника». Иду в магазин и вижу скопление народа (артисты и зеваки), осветители и какой-то мужик в простом костюме и сапогах что-то командует в мегафон. Постоял, посмотрел и пошёл, а теперь хвастаю – лично видел Шукшина.

Аналогично незамеченными для меня прошли гастроли и выступление с песнями под гитару тогда малоизвестного актёра В. Высоцкого, куда я, конечно, не пошёл – что ещё за Высоцкий? Теперь вот жалею...

Предпоследнее яркое воспоминание относится к началу 60-х годов, когда после модернизации в кинотеатре имени Горького (до пожара был на площади имени Ленина на месте гипермаркета «Мария-Ра») открыли широкоформатный зал с мощными звуковыми системами и первым показали фильм-сказку «Илья Муромец». Заходим с мамой в зал – громадный экран во всю ширину помещения и перед ним по бокам две громадные тумбы размерами примерно 2 на 2 метра. Яркие краски, сказочные чудеса, когда высокочастотный свист Соловья-разбойника чуть не сбил с ног коня с богатырём – всё впечатляло. Но главное потрясение было впереди, когда вылетал и начал реветь Змей Горыныч! Меня от ужаса пробрал озноб, маму тоже (схватила меня за руку), и на лицах у всех окружающих тоже был страх. Такого мощного звука низких частот (как оказалось, звукооператор записал рёв реактивного двигателя) я больше никогда не слышал.

Последнее яркое воспоминание – 1964 год, когда 12-я школа поднялась почти в полном составе на маёвку на соседнюю с нашим домом гору. Жгли костры и пели песни до темноты. Про клещей тогда и речи не было, потому что ежегодно летали самолёты и посыпали все окрестные горы дустом. Попахивало какое-то время, но в городе и по соседству про клещей не вспоминали.

Эти незабываемые дни

*Бизина (Крынина)
Нина Васильевна –
педагог, пенсионер,
ветеран труда.*

Родилась я в 1937 году в городе Бийске. Когда мне исполнилось девять месяцев, родители привезли меня в Горно-Алтайск к бабушке, которая и воспитывала меня. Жили мы тогда на улице Максима Горького. Бабушка работала по дому, а дед в артели «Труженик». Позже там располагался пивзавод.

В здании, где сегодня располагается Республиканский классический лицей, жили эвакуированные ленинградцы. За ним в деревянном доме – эвакуированные поляки. В Паспауле жили евреи.

Детский дом. Фото 60-х годов XX века.

Копали картошку, до тысячи ведер. Держали корову, свиней, кур. Тем и жили. Ходили к соседям в баню-землянку. Там, где сегодня станция туристов, плавали на лодках через реку Майму, а в половодье на реке часто тонули на лошадях.

Здание городского военкомата.

Фото конца 90-х годов XX века.

Помню в 1944 году в городской военкомат, на лошадях, жены привезли своих мужей с сел на войну. Прежде чем их отправить на фронт, они проходили лыжную подготовку и бежали на лыжах от военкомата до Каяса.

Помню, как провожали дядю на войну и бежали за машиной до хлебозавода. Сегодня в этом здании торговый комплекс напротив автовокзала.

Хорошо помню день Победы. По проспекту Сталина (сегодня проспект Коммунистический. Ред) от хлебозавода с гитарой, повязанной красным бантом, бежала Аня Путихина и кричала: «Победа! Победа!!! Идите все на площадь!». А позже к берегу реки Маймы со стороны ПАТП стали приезжать из Бийска машины с вернувшимися с фронта фронтовиками.

Почти все горожане приходили на правый берег и встречали фронтовиков, которые переправлялись через реку на лодке.

Весной 1945 года с горы Тугая по улице имени Максима Горького сошел большой грязевой поток (*сель. Прим. Ред*). Была сильная буря, гремел гром, шел проливной дождь. По улице летели камни и дрова. Все окна в домах залепило грязью. У наших соседей унесло сенки (*веранду. Прим. Ред*), а огромный камень разбил окно и вода шла из окна в окно! Через дорогу у Чепурновых снесло избу. Осталась одна труба! Мальчика Чепурновых затянуло потоком под забор, и он задохнулся грязью! Девочку Суртаеву Валю несло по улице в грязевом потоке, пока её не вытащили милиционеры. На следующий день жители улицы и милиционеры собирали остатки вещей и уцелевших животных. Града были полные огороды.

Рабфак. В этом здании во время войны было общежитие второй Ленинградской спецшколы ВВС.

Фото конца 90-х годов XX века.

Во время войны в здании сегодняшней вечерней школы жили летчики эвакуированной второй Ленинградской школы ВВС. Мы после уроков бегали в это общежитие и смотрели на нарисованные на стенах самолеты. На рабфаке после войны учился будущий директор первой школы Павел Лукич Казанцев.

Между школой № 6 и мебельной фабрикой была большая поляна, где играли в футбол, а потом там были огороды шестой школы.

Память сердца

*Анисимова
Лидия Евгеньевна –
пенсионер, ветеран труда.*

Детство моё прошло в семье дедушки, бабушки и матери. Отец часто писал письма с фронта. Он очень любил мою маму, в письмах расспрашивал, как я расту. Но война внесла свои изменения в судьбы многих людей. Не обошла стороной и нашу семью.

Мать вышла замуж, не дождавшись отца с фронта, родила еще двоих детишек, и с мужем они уехали в неизвестном направлении.

Когда отец пришел с фронта, тоже женился, у них родился сын.

Так распалась наша семья, я осталась жить у бабушки и дедушки.

Дедушка - Лебедев Владимир Иванович, работал в БТИ бухгалтером.

Бабушка - Лебедева Евдокия Лазаревна не работала, была безграмотной, но работающей, всегда хлопотала по хозяйству, подспорьем были огород и небольшой фруктовый сад, а главным нашим богатством в то нелегкое время была кормилица-корова по имени «Зорька».

Пока был жив дедушка, все основные тяготы военных лет ложились на его плечи, а также на плечи бабушки.

Косили сено, кормили корову, было молоко, сметана, творог, бабушка пекла свой хлеб.

В «Партизанском логу» у нас была пашня, на которой мы выращивали картошку, просо, гречку, тыкву, а наша коровушка «Зорька» опять спасала нас. Мы грузили на телегу выращенный урожай, а она доставляла его домой.

Поскольку бабушка наша была знатной кулинаркой, много лакомств из кукурузы она могла приготовить в русской печи. На молоке она варила пшенную кашу, пекла гречневые блины со сметаной, творожные ватрушки.

По праздникам, а иногда по воскресным дням по всей нашей округе разносился аромат печеного хлеба, сбегались ребяташки, приходили взрослые, чтобы попить чайку со свежей выпечкой.

Но горе не обошло и наш дом. Все тяготы и заботы легли на плечи бабушки. Пришлось расстаться с нашей кормилицей-коровушкой «Зорькой». Посильную работу в огороде и саду

выполнять мне поручала бабушка. Было трудно, но я старалась и училась хозяйствовать, чтобы как-то помочь бабушке.

Жили на крошечную бабушкину пенсию, немного выручал урожай из огорода и сада.

В районе бывшего «Горно-Алтайторга» раньше находился вечерний базарчик. Там, после работы всегда можно было купить овощи и фрукты, молоко, сметану, яйца и другие продукты. В то время в магазинах было трудно с хлебом. Взрослые очень рано уходили занимать очередь за хлебом, а к открытию магазина прибегали дети, чтобы на всю семью купить хлеб.

Была установлена определенная норма в одни руки.

Дедушка умер в 1952 году.

Учиться в первый класс я пошла в городскую школу № 1. Здание школы было деревянное, одноэтажное. Далее я училась в школе № 6, там был пришкольный участок, на котором выращивали овощи, занимались прополкой, ухаживали за участком. Дисциплина была строгой, все работы необходимо было выполнить в срок, а потом нас отправляли на каникулы.

По осени весь выращенный и собранный на участке урожай направлялся в школьную столовую. В 1957 году, закончив 7 классов школы, пошла учиться в технологический техникум на отделение «технолог швейного производства». В 1958 году вступила в комсомол, участвовала в общественной жизни техникума. В 1961 году закончила техникум, получила диплом, но по распределению на работу не смогла уехать по причине болезни моей престарелой бабушки, за которой был необходим постоянный уход.

Устроилась на работу, на швейную фабрику в лабораторию лаборантом, прошла все начальные стадии производства, от лекальщика, бракера, до мастера-бригадира.

Работа нравилась. Одновременно училась и в 1968 году закончила высшие Всесоюзные курсы повышения квалификации руководящих и инженерно-технических работников в области стандартизации и качества продукции в городе Москве.

На фабрике проработала до 1969 года. В 1962 году вышла замуж. С мужем прожили дружную и счастливую семейную жизнь. Родились два сына, два внука, два правнука. Семейный стаж составляет 50 лет.

С 1969 года работала в горисполкоме в отделе ЗАГС заведующей. Новая работа потребовала знаний законов о семье и браке, брачного законодательства. Постоянно училась, повышала свою квалификацию, принимала участие в различных конкурсах отделов ЗАГС, как на территории нашей республики, так и за ее пределами.

Считаю, что трудовая деятельность удалась. Работу свою любила. Работа с людьми требовала от сотрудников ЗАГСа внимания и ответственности в разрешении различных, порою непростых вопросов.

За годы работы в ЗАГСе награждалась различными грамотами и государственными наградами: в 1983 году - медалью «Ветеран труда», в 1998 году - медалью-орденом «За заслуги перед Отечеством II степени».

На пенсию вышла в 2006 году. Трудовой стаж - 46 лет. Продолжаю заниматься общественной работой, являюсь членом актива Горно-Алтайского городского Совета Союза пенсионеров.

г. Горно-Алтайск, ул. Северная, дом.5, квартира 24. Телефон: 2-73-08.

В то трудное время

*Овсянникова Нина Сергеевна –
заслуженный учитель школ
РСФСР, Почётный ветеран
города, пенсионер, ветеран
труда.*

В школу № 8 я пришла учиться в 1941 году в третий класс. Нас тогда перевели из школы № 2, которую в связи с началом Великой Отечественной войны закрыли. В третьем и четвертом классах я училась у Елены Федосеевны Ходыревой. Она была из эвакуированных и отличалась от местных учителей какой-то особенной культурой. Она никогда на нас не кричала, но была очень строгой и требовательной. После уроков всегда занималась с нами дополнительно. Мы писали диктанты, решали задачи, помогали проверять тетради друг друга. Тут же узнавали свои оценки. Помню, у нас была тетрадь, мы ее называли «Круговой», где каждый день на уроках русского языка один из нас работы выполнял в ней. Все очень старались.

После уроков Елена Федосеевна всегда что-нибудь читала. Мне запомнилось, как в одной из газет мы узнали о Зое Космодемьянской. Елена Федосеевна читала, а голос ее дрожал. В конце статьи мы все плакали. В классе была тишина, а потом мы долго не расходились.

В четвертом классе после уроков мы ходили убирать хмель в колхозе им. Алферова со своей учительницей. Она показывала нам, как надо рвать хмель, а потом вместе обедали. После этого на уроках рисования делали зарисовки своей работы. Потом, когда мы закончили четвертый класс, она куда-то уехала, и я ее больше не видела.

В пятом классе классным руководителем у нас была Анна Ивановна Рожнова. Она преподавала у нас географию, говорила громко и быстро ходила по классу. С Анной Ивановной мы готовили художественную самодеятельность. Ей в этом помогала наша отрядная вожатая, ученица старших классов Валя Федянина. Я, например, танцевала на сцене. Валя мне из белой шторы сшила юбочку. А еще мы любили готовить пирамиды, с которыми потом выступали.

Время было очень трудное. Война. В школе было холодно. Помню, как мы пришли однажды в школу, а в нашем классе лопнули батареи, а по всему полу растеклась вода, которая превратилась в лед. Мы часто занимались одетыми, застывали чернила, зябли руки. На перемене старались согреться.

Вместе с Анной Ивановной мы возили из Улалушки дрова на санках в школу. Там их взрослые готовили, а мы увозили. Утром приходили в школу, а потом шли за дровами. Большой караван тянулся к Улалушке! Почему-то в военные годы было очень холодно, а обуви не было. В одну из зим у меня не было валенок, я не могла ездить за дровами, тогда мне несколько поленьев давали из дома. Бумаги и чернил тоже не было. Выход находили разный: писали на книгах или газетах, чернила делали из сажи и свеклы. Учебников было мало, приходилось все запоминать со слов учителя.

Физику в классе преподавала Марина Соломоновна (из эвакуированных). Молодая, с орлиным носом. Хорошо знала физику и очень интересно рассказывала. Алгебру и геометрию преподавала Зоя Анатольевна Неведомская. Молодая, красивая. Объясняла материал понятно.

В младших классах работали в тимуровской команде, помогали девочкам, у которых отцы были на фронте, управляться дома. Собирали теплые вещи, писали письма фронтовикам.

Много трудностей перенесли все мы в годы войны. Приходилось много работать, помогать во всем нашим мамам. Много времени стояли в очередь за хлебом, а вечерами не было света. Уроки приходилось готовить при коптилках. Но росли мы трудолюбивыми, выносливыми и самостоятельными – все это очень пригодилось в жизни.

Хочется рассказать об одном из директоров нашей школы – Матвее Самуиловиче Бороданове. Он был у нас директором в первые годы войны. На фронт его не брали, так как он был в пожилом возрасте. Ходил по школе медленно, заложив руки за спину. Знал всех нас хорошо по фамилиям и именам. В пятом классе он учил нас арифметике, которую знал великолепно. Бывало, даст задание решать примеры, а сам ходит по классу и что-то мурлычит (наверное, так он заставлял нас работать как бы под музыку).

В школе у нас учились тогда дети разных национальностей. И все мы играли вместе, никто никогда никого не дразнил за то, что были другой национальности.

(18 декабря 1989 года. Город Горно-Алтайск).

Всегда в строю

Осипов

*Владимир Исаакович –
пенсионер, ветеран труда.*

Родился 1 июля 1941 года в селе Искра в семье крестьян - бедняков Осипова Исаака Исаевича и Евдокии Ивановны. В семье было 6 детей. Старший сын Николай погиб под Ленинградом в 1943 году. Детство было не легким. Собирали кислянки, боржовые почки, что бы хоть чуточку утолить голод. Отец умер, сразу же после возвращения с войны. Мы жили вдвоем, с братом ему было 14 лет, а мне 4. В школу пошел в 1946 году, но заболел корью, год пропустил. С малого детства помогал на складе сортировать зерно, трамбовал шерсть в кипы, работал за еду, женщина на складе даст мне и сестре кусочек хлеба. Летом с женщиной сначала возили копны на склад, потом работал один. В 1955 году переехал в Горно-Алтайск. В 1958 закончил 7 классов, опять же жили с братом, ему дали комнатку. Поступил в технологический колледж - бросил, нечего было одеть. Затем стал работать на ткацкой фабрике токарем, занимался спортом, лыжами, легкой атлетикой. В 1961 году из военкомата пришел вызов в армию. Прошел курсы на

авиационных механиков. После этого направили в Тулу в авиационный полк. Постоянно участвовал в спортивных соревнованиях за честь дивизии. Демобилизовался в 1964 году, и вернулся в Горно-Алтайск. В 1964 году поступил в Омскую школу тренеров, а в 1969 закончил. Работал тренером, учителем физвоспитания, с 1975 года поступил в Горно-Алтайский пединститут на геофак. Похоронили маму и брата, и с 1987 года стал работать в педколледже. В педколледже проработал до 2012 года и затем вышел на пенсию. Общий стаж работы 55 лет. Имеется значок «Отличник физической культуры и спорта»; медаль «Ветеран труда» инвалид второй группы. Сейчас активно занимаюсь в вокальной группе. В обращении с людьми доброжелателен, уважаю честность, принципиальность. Очень надеюсь, что такие страшные годы войны не настигнут нашу родину.

Это праздник со слезами на глазах*7

*Дмитриева Н., Денчик О, Параев В. –
корреспонденты газеты «Вестник Горно-Алтайска».*

Самый прекрасный день для всего советского народа.

С ветераном войны и труда Анной Никитичной Чуленевой мы познакомились случайно. Во время президентских выборов я, как корреспондент городской газеты, ездила с избиркомом по домам для голосования маломобильных граждан. Когда зашли к ней в гости, первое, что бросилось в глаза – абсолютная чистота в квартире и яркие вязаные коврики повсюду. Несмотря на возраст, а Анне Никитичне уже 96 лет, она сама вяжет и делает уборку, читает газеты и с удовольствием разгадывает кроссворды.

Женщина разговорчивая, словоохотливая, как-то незаметно рассказала мне многое из своей жизни. Родилась она в селе Каянча Онгудайского района. Мама катала пимы, папа работал шорником в милиции. После учебы, в погоне за романтикой, вместе с подругой уехала в Казахстан. Работала там в типографии – печатала русскую газету. Когда пришла война, ЦК ВЛКСМ мобилизовал её на трудовой фронт. Сначала – на Карагандинскую железную дорогу:

– Загонят нас чистить дорогу от снега, его тогда, в войну, знаете сколько много было, не то, что сейчас. Бросаешь его, бросаешь, а чтобы отогреться в казарме, надо было прокопать тоннель. Я тогда сильно надсадилась.

В то время я была молодой и боевой, поэтому меня с двумя другими комсомолками взяли в отделение милиции – инспектором наружной службы. Время военное, ох, и трудное было. Свои ребятки какую-нибудь мелочь, к примеру, а их посадят. Они все тощие, голодные. Если у меня сидят пять человек, я баланду выписываю на десятерых, чтобы хоть чуть-чуть их подкормить. И свой паёк (если кого-то конвоировала) детям отдавала. Они быстро смекнули и стали ко мне чуть ли не специально попадать. Кто-то донёс зампреду по политчасти. Он мне устроил выволочку за лишние обеды. Я ему тогда прямо сказала: «Вы сидите в кабинете и ничего не знаете. А ребятки на улицу из камеры выйдут и как трава падают от голода». Он тогда спустил всё «на тормозах».

В 1944 году, после военной комиссии, по состоянию здоровья Анна Никитична была освобождена от трудовой деятельности. Вернулась в Горно-Алтайск, и День Победы встретила уже здесь.

– 9 мая 1945 года был самый прекрасный день для всего

советского народа. В Горно-Алтайске он проходил на стадионе «Спартак». Все шли колоннами: кто-то плакал, кто-то танцевал, смеялись, пели... А день был замечательный, солнечный! До Великой Отечественной войны в нашей семье было три сестры и брат, который погиб в боях в Украине. Мама 9 мая плакала и радовалась одновременно. Вечером был праздничный салют. Счастью людей не было предела!

И радовались, и плакали

*Своими воспоминаниями о Дне Победы
с читателями "Вестника" поделилась
Евгения ПАРАЕВА, труженица тыла,
ветеран Великой Отечественной войны:*

– Девятого мая 1945 года, в среду, был теплый и солнечный день. Тогда я работала на швейной фабрике. Примерно к обеденному перерыву по цехам пронеслась весть о том, что война закончилась, и мы победили фашистскую Германию. Не сговариваясь, все работники и работницы фабрики, возбужденные этим событием, собрались в небольшом актовом зале. Реакция на эту весть была у всех разная: кто-то плакал, кто-то радовался. Многие плакали от того, что на этой войне погибли их близкие и родные – отцы, мужья, братья. А радовались тому, что с окончанием войны появилась надежда на лучшую, спокойную и мирную жизнь.

На душевном подъеме, после небольшого митинга, все мы продолжили работать до окончания дневной смены. А вечером собрались с ближайшими друзьями, соседями у нас дома и отметили нашу Победу «праздничным» ужином, который состоял в основном из вареной картошки и квашеной капусты.

По пути на работу

Участник Великой Отечественной войны

Александр Витальевич Афанасьев

встретил День Победы в 1945 году в Горно-Алтайске.

*На фронте он получил тяжелое ранение,
и в середине 1944 года, после длительного лечения
в госпитале, его направили домой
в распоряжение городского военкомата.*

Первое время помаленьку помогал матери по хозяйству, которая была, конечно, счастлива, что сын вернулся живым – осколок вражеского снаряда остановился буквально в миллиметре от сонной артерии. Ещё до конца не восстановив силы, Александр Витальевич в январе 1945 года вышел на работу – вся страна тогда жила под лозунгом "Всё – для фронта, всё – для победы!" "Не было времени прохлаждаться", – говорит. Стал учителем физкультуры в начальных классах в родной двенадцатой школе, которую окончил тремя годами ранее.

О том времени у него остались самые тёплые воспоминания: малышня любила своего физрука. Окружив после уроков, ребятишки щебетали, рассказывали свои детские новости, расспрашивали, как Красная Армия фашистов била...

Утром 9 мая 1945 года Александр Витальевич, как обычно, шёл в школу. Стояла ясная и солнечная погода. В то время на уличных столбах были установлены репродукторы. Вот из них вдруг и раздался голос, объявивший о том, что война окончена.

В 1948 году А.В. Афанасьев был переведен в зооветтехникум преподавателем военного дела и физкультуры, прора-

ботал здесь более тридцати лет. Вместе со своими подопечными – учащимися техникума не раз принимал участие в митингах по случаю Дня Победы. Первое время после войны, говорит Александр Витальевич, праздник особенно не отмечали, с 1948 и до 1964 года включительно это был рабочий день. Думается, на это были причины: слишком свежи были душевные раны жителей страны, ведь ни одну семью война не обошла стороной, да и восстанавливать разрушенное народное хозяйство нужно было интенсивно и с полной самоотдачей.

**Пережившие войну – не забудут,
и никому о той войне забывать нельзя**

Друг нашей редакции Анна Тимофеевна Жданова на страницах «Вестника» уже рассказывала о том, как встретила первый день Великой Отечественной войны.

А сегодня она делится воспоминаниями о самом первом Дне Победы. И для неё он, как и для подавляющего большинства сограждан, стал праздником со слезами на глазах, потому что за несколько месяцев до его наступления в жизни Анны Тимофеевны случилась личная трагедия...

– Я работала учителем начальной школы в поселке Кочкино Чойского района. Эти годы были самыми тяжелыми для всех, в том числе и для моей семьи. Потом меня перевели в Чою, в районо. Все школы района посещала, шагая пешком, транспорта не было никакого.

Однажды раздался звонок телефона. Звонили из города со страшным известием: умерла моя мама. Какое горе обрушилось на меня!.. Опомнившись, пошла пешком в город. С неба

падал мокрый снег. В Куташе зашла к знакомым – переночевать, отдохнуть, обсушиться. Они накормили, уложили спать, спасибо добрым людям.

Назавтра, 7 октября 1944 года, я пришла к гробу мамы... Нельзя описать словами мое горе, к тому же пришло ещё одно сообщение: брат Иван, любимый сын мамы, погиб на фронте от тяжёлых ран. Она не узнала этой горестной новости. Брат прожил 39 лет, был прекрасным пахарем, жнецом, кузнецом. В деревне его любили и как прекрасного песенника, называли «сибирским соловьём». Мама и брат очень красиво пели дуэтом, помню одну из их песен, там были такие слова: «Позабыт, позаброшен с молодых, ранних лет, я остался сиротою, счастья, доли мне нет. На мою на могилу, знать, никто не придёт, только ранней весною соловей пропоёт...» Когда мама заканчивала свою партию, она отходила от стола, где сидели гости, и горько плакала.

После похорон мамы, изможденная, убитая, я вернулась в Чою. Через несколько дней пришла весть об открытии семимесячных курсов подготовки учителей старших классов. Так как не хватало учителей по всем предметам, открыли факультеты истории, физико-математический, литературы, естественно-географический. Меня отправили на учёбу. Занятия проходили в педучилище (теперь это здание университета). Учились во вторую смену.

В городе было много эвакуированных семей, приехала лётная школа, её разместили в медучилище, а общежитие для курсантов дали около Тугай. Там они пилили деревья, заготавливали дрова, которыми и топились. Каждое утро парни маршировали под аккомпанемент оркестра, пели военные песни. Многие из ребят договаривались с нашими квартирными

хозяйками о питании за небольшие денежки. Женщины старались кормить их сытно, у всех была картошка, овощи и т.д.

Два паренька столовались у моей сестры, которая жила как раз рядом с медучилищем. 9 мая я готовилась к последнему экзамену. Утром вышла на улицу с учебником – поучить на свежем воздухе. Вдруг вижу: бегут два эти курсанта и кричат мне: «Бросай, книгу, иди на площадь! Война закончилась!». Я всё бросила и с радостью поспешила на площадь. Туда уже со всех сторон бежали женщины с детьми. Народу собралось очень много. Многие вставали в тесный круг, громко ревели, приговаривая: «А мои, наши дети погибли, бедные, бедные наши сыночки...». На всех улицах собирались школьники, малыши, старики, кто-то плакал в голос, вытирая горькие-горькие слёзы, а кто-то пел военные песни...

Молодые летчики вышли на большую поляну против медучилища, и заиграл духовой оркестр. Поток сюда со всех концов города бежали девушки, ребятишки разных возрастов. Молодые женщины вспомнили, что когда-то собирались в горпарке, и запели старинные мелодичные песни.

Долго играл духовой оркестр, девушки танцевали, пели, дождавшись счастливого дня. Сколько горя, тревог выпало на долю советских граждан! Многие не дождались победы, погибли и похоронены на чужбине. Где? Как? Не все родные знают.

День Победы стал глотком воздуха, люди выплакались, забылись, у них появилась надежда на лучшую жизнь. Наша многострадальная страна была разрушена, а восстанавливать её пришлось всем оставшимся в живых.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

Команда молодости нашей

Ивашкин Алексей Сергеевич – главный редактор городской газеты «Вестник Горно-Алтайска», Заслуженный журналист Республики Алтай, первый вице-президент Союза журналистов Республики Алтай.

Листая старые страницы областной газеты «Звезда Алтая», случайно обнаружил статью, которая, бесспорно, обращала на себя внимание броским заголовком: «День, которого ждали». О чем же тогда, 18 июля 1968 года, было написано в газете? О футболе! О яркой победе горно-алтайских спортсменов, имена которых до сих пор помнят любители спорта.

Вот что было написано в газете: «Многочисленные болельщики, собравшиеся в воскресенье на стадионе «Спартак», стали свидетелями настоящего футбольного праздника. Здесь состоялся футбольный матч розыгрыша Кубка края между командами «Алтаец» (г. Рубцовск) и «Мерген» (г. Горно-Алтайск). О серьезных намерениях горно-алтайцев свидетельствуют дни, предшествовавшие финальному матчу. Под руководством тренера Александра Кармацких они проводили интенсивные тренировки, двусторонние игры».

«Александр Григорьевич не только нас тренировал, но и

все еще азартно играл, подавая пример более молодым по возрасту игрокам, - рассказывает участник того памятного матча Виктор Павлович Лозин – к сожалению, на поле не смог выйти в тот день Петр Соломатин, но его заменил атакующий полузащитник Юрий Зарубин. А на левом фланге его поддержал опытный Борис Ревтов. Ребята команды играли очень самоотверженно и помогали нападающим».

«Матч начался настойчивыми атаками рубцовских футболистов. Уже на второй минуте к воротам Фролова опасно прорывается Руденко, но его сильный удар не достигает цели. У ворот «Мергена» подряд подаются несколько угловых ударов, но очень четко играют наши защитники, сводя на нет усилия рубцовчан». Так описывает начало игры корреспондент газеты В. Ленский.

«Хваленые прессой опытные рубцовчане дрогнули на двадцать первой минуте матча, - вспомнил один из эпизодов той игры В.П. Лозин – это Юрий Зарубин не растерялся в сложной комбинации и точно пробил по воротам. Гости вынуждены были вынимать мяч из сетки ворот. Но это только придало игре дополнительный накал. Атаки на наши ворота были одна за другой, но мы прочно держали оборону. Помню, мне в ноги бросился вратарь рубцовчан Прошкин, я не смог сам пробить и отдал пас Александру Кармацких. А остальное для него было делом техники. Счет до конца матча так и остался 2:0 в нашу пользу».

Впервые за всю историю алтайского футбола Кубок края получил горно-алтайскую прописку. Действительно, более сорока лет назад наши футболисты, играя, можно сказать, на одном энтузиазме, сумели пробиться в финал такого престижного турнира как Кубок Алтайского края и вырвать победу.

Среди тех, кто тогда одолел рубцовчан, были вратарь

А.А. Фролов, защитники А.С. Воронин, П.Г. Каребин, В.Ф. Иванов, В.А. Харин, В.М. Юрьев, полузащитники В.В. Федоров, Б.М. Ревтов, Ю.В. Зарубин, А.М. Рыжиков, нападающие В.П. Лозин, А.Г. Кармацких, Б.И. Качканаков и В.И. Юшаков. На скамье запасных находился П. Соломатин.

А я вспоминаю стадион «Спартак» сорокалетней давности. В обрамлении высоких тополей стояли красивые бело-голубые ворота, в которые входили и выходили спортсмены и жители города. Всегда многолюдно было на беговых гаревых дорожках. Тут же соревновались прыгуны в длину и высоту. Пыхтели в своих секторах толкатели ядра и дискоболы. А примитивные деревянные трибуны с двух сторон футбольного поля редко пустовали. Во время футбольных матчей на «Спартаке» яблоку негде было упасть. А как эмоционально жители города умели болеть за своих футболистов! И главное – как поднималось настроение людей от удачно сыгранных матчей! Игру долго обсуждали и в газетах, и на радио, и, конечно, во дворах. А подростки мечтали быть похожими на своих футбольных кумиров. Самоотверженная игра футболистов того времени придавала новый импульс развитию дворового футбола. Мальчишки гоняли мяч не только в школьных спортзалах, но и на лужайках, а очень часто на тесных придомовых площадках. Да, бразильский Пеле слыл героем футбола, но он, увы, для большинства был далек и недоступен, а горно-алтайские парни Юрий Зарубин или Виктор Лозин – рядом. К ним можно всегда подойти и не только взять автограф, но и попросить показать, как точно бить одиннадцатиметровые удары или пасовать при атаке на чужие ворота. Это были наши парни, за которых мы болели, это была команда молодости нашей...

Как Нева слилась с Катунью

Неустроева Лия Станиславовна – преподаватель Горно-Алтайского госуниверситета, мастер спорта СССР по туризму, основатель турклуба «Горизонт», почетный гражданин города Горно-Алтайска.

В Горно-Алтайск мы с моим супругом Владимиром Ивановичем попали не случайно. Началось все с того, что в Горно-Алтайском пединституте, куда мы сделали запрос по поводу трудоустройства, нам пообещали служебное жилье.

После скитаний по съемным комнатам мы мечтали получить хоть какой-нибудь отдельный угол. И с надеждой отправились в Горно-Алтайск.

В город мы приехали августовским вечером 1959 года. Автобус из Бийска высадил нас у двухэтажного здания старой гостиницы. Помню, площадь перед гостиницей была покрыта коровьими лепешками. Оно и не удивительно: многие горожане в те годы держали живность. Встретил нас Михаил Антиосов, наш друг по Ленинграду. Он приехал в Сибирь раньше нас, хорошо освоился и однажды прислал нам школьную тетрадь со своими восторженными заметками о жизни в Горно-Алтайске. Мне город сразу же понравился: маленький, зеленый, уютный. Большое впечатление произвели центральный сквер и березовая роща у главного корпуса пединститута, куда мы направились на следующее утро.

Первым, кто нас встретил, был директор (не ректор, а

директор) с редкой фамилией Стрезикозин (*В.П. Стрезикозин – в дальнейшем отличник народного образования, доктор педагогических наук, заместитель министра образования РСФСР – прим. редактора*). Институт нам тоже понравился. Нас без проволочек оформили в преподавательский штат. Работа на кафедре физвоспитания нас захватила.

Как и было обещано, нам выделили жилище на улице Улагашева, которая в 50-е годы называлась Кирпичной. Угловая комната и кухня располагались на втором этаже деревянного дома. Интересно, что прежде в нашей квартире жил с семьей Герой Советского Союза Арнольд Мери. Знакомство с этим необычным человеком оказалось мимолетным – семья Мери выезжала в родную Эстонию. После скитаний по общежитиям мы с Владимиром Ивановичем были рады новому жилью. Квартирка была самая простая. Печное отопление, дрова в сарайчике, а вода – из колодца во дворе. Электричество давали только по вечерам. Домашних телефонов, холодильников и телевидения в городе еще не существовало. Погреба у нас не было, приходилось покупать продукты мизерными порциями. Продавцы удивлялись, когда я просила отвесить сто граммов масла или колбасы.

В сентябре отправились со студентами в колхоз. По возвращении в город, когда начались занятия, устроили встречу любителей туризма.

Зимой группа студентов отправилась в первый лыжный поход на рудник «Веселый». Тогда же появились у нас новые друзья: Аркаша Александров, Коля Бессонов...

В самом начале организации походов у нас не оказалось никакого туристского снаряжения, но разве это остановит спортивную молодежь?

Вторым домом для туристской братии через несколько лет стал туристский клуб «Горизонт».

Кстати, нынешней молодежи невозможно представить патриархальный Горно-Алтайск: без автомобилей, асфальта, водопровода и супермаркетов. А в наше время автомобили были редкостью, и потому ничто не мешало физкультурникам тренироваться прямо на проспекте Сталина или на улице Пушкина. Помню, как открывали зимний сезон на широкой поляне за школой № 8, где сейчас большой жилой массив.

На соревнованиях по лыжным гонкам. Фото 1963 года.

Казалось, полгорода встало на лыжи. Спорт был настолько массовым, что даже роддом выставил две мужские команды. Горожане особо почитали футбол. Не забуду, как летними вечерами в открытые окна дома на Кирпичной с городского стадиона долетали крики: «Бабыня, давай!». Так поклонники нападающего Геннадия Бобынина переживали за своего кумира.

Часто вспоминается эпизод из школьного детства. Мы с

мамой жили тогда в чувашском городке Цивильске. Однажды на уроке географии учитель спросил: «Какие события случились вчера в Советском Союзе?». Я подняла руку и сообщила: «Вчера город Ойрот-Тура переименован в Горно-Алтайск!». Помню, даже пятерку получила. Могла ли знать, что неведомый сибирский городок станет родным? Образно говоря, река нашей незабываемой студенческой молодости Нева слилась с бурной Катунью. Благодарна судьбе, что почти полвека живу в Горно-Алтайске.

Буду помнить всегда

*Алтайчинова Дия Ивановна –
пенсионер, ветеран труда.*

Родилась я в городе Ойрот-Тура Алтайского края в 1939 году в семье служащих.

В 1947 году я пошла в 1 класс в первую школу, она тогда находилась в здании, где сейчас находится институт алтаистики.

Тогда городок был маленький и одноэтажный, и грязи (когда пройдет дождь) - по колено. Около нашего дома по улице Ойротской жили Мартышевы, так вот, их сын Робка, как дождь пройдет, вытаскивал доску, чтобы пройти к Дому пионеров (его снесли не так давно, теперь здесь Сквер Камней), бросал эту доску и со всех идущих в сторону милиции брал по 10 копеек. Обходить эту яму было далеко и неохота, и все идущие ему платили – «перестройка» у него началась еще в 50-е годы!

Дом пионеров. Фото 60-х годов XX века.

Закончила начальную школу (классный руководитель была Мария Дмитриевна Морозова) на «4» и «5». Вступила в пионеры, была председателем пионерского отряда.

В 5-й класс я пошла в шестую школу, так как мои старшие братья учились уже там (родной брат у меня один, остальные были двоюродные). Была война, и мама собрала всех детей своих сестер к себе: зятя погибли, сестры поумирали, и вот такой детский домашний дом был у нас. Всем верховодила бабуся – мамина мать – Мария Михайловна Зайцева. Дедушка погиб в 1922 году – он был связист. Воевал в 1-ю Мировую войну, награжден георгиевским крестом, а погиб на Белом Боме... Бабуся даже пенсию не получала, такие были времена.

Классным руководителем в шестой школе была Роза Филипповна Лорей – она вела немецкий язык, преподавателем математики был Михаил Иванович Хабаров – фронтовик, заучем был Казанцев Павел Лукич, он у нас преподавал историю, тоже прошел фронт, но был очень выдержан, скромн, доб-

ропорядочен. Все ребяташки уважали этих учителей, любили их и относились к ним с большой теплотой и вниманием...

Я ходила в кружки художественной самодеятельности, в общем, во всех праздниках я принимала активное участие, занималась в балетной студии и вокалом. Когда закончила школу, то работала руководителем танцевального кружка в Доме пионеров, а в 1958 году поступила в Театральный институт и закончила его в 1962 году. Отрабатывать диплом (тогда так было) поехала во Владивосток, потом – в Хабаровск, Ростов-на-Дону, Ригу, Петропавловск-Камчатский и снова в Хабаровск. В 1986 году я вернулась домой совсем. Доработала до пенсии и в 2000 году ушла совсем с работы.

В 1978 году я окончила высшие режиссерские курсы по детскому народному театру. Поэтому последние лет десять я руководила детским народным театром при городском Доме культуры. Со своим коллективом мы всегда занимали первые места по краю и по нашей Сибирской зоне. У меня много грамот, дипломов и ценных подарков, также есть уникальная грамота, которую я получила как актриса по линии ВТО. Много благодарностей в трудовой книжке.

Отец погиб 3 мая 1943 года трагически. Его призвали в начале сороковых в город Барнаул в РККА на курсы и отправили на озеро Хасан. Когда он вернулся домой, его партия рекомендовала в органы НКВД и отправила за границу. Мама после смерти отца некоторое время тоже работала в органах НКВД, а потом ушла в областное управление культуры (у нее сменилось 17 начальников) и работала до самой пенсии. У нее много наград и грамот. Она ушла из жизни в 2000 году. Культура ее даже не вспомнила, а ведь она ездила в командировки, открывала «Дома алтаек», учила их шить, вязать, готовить. В

нашей семье все портные, потому что бабуся была белошвейкой еще до революции и шила прекрасно. После установления Советской власти она работала в школе глухонемых, обучая девочек шитью. Она была грамотной, окончила церковно-приходскую школу. Много читала. Хорошо готовила, а какие они с мамой пекли торты на праздники!!! Тогда ведь ничего не продавали, все делали сами...

Музыкальная жизнь города

Хохолков Владимир Федорович (1938-2008 гг.) – заслуженный работник культуры Российской Федерации, академик Петровской академии наук и искусств, лауреат медали им. Анохина, композитор, этнограф, лауреат премии Ленинского комсомола Алтая, автор более трехсот художественно-публицистических произведений, песен, романсов.

В 20-х и в 30-х годах в городе было несколько духовых оркестров, которые исполняли как концертный, так и строевой репертуар на различных мероприятиях. Одним из тех руководителей был А. Бубнов, который собирал сводный оркестр города. Во второй половине 30-х годов проявились способности А.М. Ильина как композитора, фольклориста благодаря дружбе его с алтайским драматургом Павлом Кучияком.

10 марта 1933 года промсоюзом города Ойрот-Тура была организована для культурного обслуживания населения артель работников театра под названием «Ойрот-театр», куда вошли несколько профессиональных актеров и активные участники самодеятельного театрального коллектива городского клуба. «Ойрот-театр» возглавил известный в Сибири режиссер и актер Д.Н. Баской, осуществивший постановки ряда классических пьес А.Н. Островского, Н. Гоголя, А.С. Грибоедова и других известных писателей. Через год театр приобретает статус профессионального коллектива. Режиссерами «Ойрот-театра» ставятся как пьесы классического репертуара, так и современных авторов Д.Фурманова, В. Катаева, В.Киршона, Б.Лавренева, М.Шолохова и других. Театр проработал три года, его деятельность активизировала работу кружков художественной самодеятельности и подготовила почву для создания национального театра.

В 1935-1936 годах при Ойротском радиокомитете был создан вокально-инструментальный ансамбль под руководством сибирского композитора Алексея Филиповича Хитрова. В 1938 году организатор и художественный руководитель этого ансамбля был расстрелян, а на смену ему пригласили нового композитора Андрея Порфирьевича Новикова. В то время оба композитора вложили немало труда для записи фольклорного материала и его популяризации. Ими были написаны десятки песен и инструментальных пьес. К сожалению, большинство из этого багажа безвозвратно утеряно, особенно А. Хитрова. Первыми участниками были: П. Чичинов, Т. Монголов, А. Чумакаев, Н. Мошкин, С. Бодаева, В. Ябыков. И. Сабашев, А. Эдоков, С. Костин и другие.

Ансамбль был организован, но кустарное производство

инструментов не годилось для оркестровой игры. Встал вопрос об их модернизации. По заказу С. Костина и Б. Попова местная промартель «Быт» изготовила пробную партию, однако и эти инструменты по строю и звучанию вновь не устраивали музыкантов.

На базе существующего театра было решено создать национальную театральную студию. 4 апреля 1936 года президиум Ойротского облисполкома вынес решение «Об организации национальной театральной студии» для подготовки актеров для национального театра. 10 октября 1936 года студия начала работу. Возглавил студию режиссер И.С. Забродин, впоследствии бессменный художественный руководитель театра. Литературную часть возглавил алтайский писатель П.В. Кучияк. Успешно проработав год, студия подготовила спектакль «Чапаев» Дмитрия Фурманова и была преобразована в 1937 году в «Первый ойротский национальный колхозно-совхозный театр-студию». В репертуаре театра были пьесы русских, советских и зарубежных авторов: Д. Фурманова, М. Шолохова, А.Н. Островского, Л. Карасева, К. Гольдони. Они ставились на алтайском языке. Но подлинное рождение и становление национального театра связано с постановкой пьесы «Чейнеш» Павла Васильевича Кучияка в 1939 году. В ней органично сочеталось национальное своеобразие характеров, правдивое воспроизведение быта с острой проблематикой. На краевом смотре колхозно-совхозных театров в городе Барнауле молодой коллектив занял первое место и был направлен на заключительный смотр Всесоюзного фестиваля в Москву.

В 1940-е годы в фабричных условиях мастер П.А. Шошип изготовил первые 11 оркестровых инструментов. Это в какой-

то мере сыграло положительную роль в алтайской музыкальной структуре. Затем началась война...

Тяжелым испытанием явилась работа театра в военные годы. Но коллектив с честью выдержал испытание. Были поставлены яркие спектакли по произведениям П.В. Кучияка, Ч. Енчинова.

Отгремела война. Фанфары известили: «Победа!». В каждом доме были включены репродукторы на полную мощь, и звучный голос Левитана сообщал о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Я хорошо помню, как на Пограничной улице, где я жил, люди выходили из домов и со слезами радости обнимали и целовали друг друга, поздравляя с долгожданной победой! В этот день 9 мая 1945 года на площади городского Дома культуры состоялся большой митинг, а парни и мальчишки выпускали в небесную синеву своих белых голубей. Горная долина была насыщена удивительной музыкой духового оркестра. Переполненные гордостью сердца музыкантов выдавали такую музыку, что объяснить и описать ее просто невозможно. Горожане ликовали, казалось, что вместе с ними ликует само солнце!

После Великой Отечественной войны наступает новый этап музыкальной жизни города. Здесь возникают многочисленные коллективы художественной самодеятельности. Создают хоры, ансамбли и оркестры в учебных заведениях. В школах и на предприятиях появилось много баянистов и аккордеонистов. В педучилище пришли великолепные музыканты-педагоги: В.О. Суртаев (баян), Н.И. Малыгин (баян, скрипка), А. Каньчин (духовые), А.М. Параев (духовые и народные инструменты). Тогда учащиеся с большим желанием занимались художественной самодеятельностью и стремились про-

явить себя в сольном пении, танце, художественном чтении, театре. Конечно, имея такой прекрасный музыкально-педагогический потенциал, педучилище лидировало в музыкальном искусстве, и было примером для многих коллективов.

В подвале бывшего Облпотребсоюза был ресторан и там постоянно играл хороший эстрадный оркестр под руководством Николая Ивановича Малыгина. Это был удивительный музыкант. Он всегда играл с улыбкой. Николай Иванович – выпускник Томского музыкального техникума. Он учился вместе с Андреем Порфириевичем Новиковым – известным сибирским композитом, народным артистом РСФСР, лауреатом госпремии им. М.И. Глинки. Они были хорошими друзьями. Когда в город приезжал военный ансамбль Сибири, которым руководил А.П. Новиков, то друзья обязательно встречались и вели долгие разговоры за чашкой чая. А как Николай Иванович играл на баяне: не хочешь, да запоешь и запляшешь!

В начале 1945 года алтайский театр принимает участие в смотре национальных театров РСФСР, и спектаклю «Ай-Тана» присуждается вторая премия Всероссийского театрального общества.

С 1 января 1946 года начала свою работу русская группа, осуществлявшая преимущественно постановки пьес советских авторов. Ее деятельность стимулировало творческое развитие национальной группы, которая в 1947 году отметила свой 10-летний юбилей. За эти годы алтайский театр показал 27 премьер и 15 концертных программ. 1814 его спектаклей посмотрело более десяти тысяч зрителей. Алтайский театр внес большой вклад в развитие национальной культуры, способствовал созданию и развитию оригинальной драматургии, воспитал плеяду алтайских актеров: А. Алтарыкову, И. Шульги-

ну, В. Уксегешову, И. Сабашкина, Я. Быйхыева, В. Курбикова и др.

Душой коллектива всегда был Павел Кучияк. Он буквально жил театром, отдавал себя целиком и полностью искусству. Он был драматургом и актером, музыкантом, режиссером, добрым наставником и другом молодежи.

Но, к сожалению, достигнутые результаты не были закреплены в дальнейшей работе. В последующие годы алтайский театр испытал столь серьезные творческие и финансовые трудности, что они привели в 1950 году к его закрытию. Второй раз открытие областного национального драматического театра состоялось 24 марта 1978 года в новом прекрасном здании. Здесь был поставлен спектакль «Золотая заря».

Следует подчеркнуть, что музыкальная жизнь в 50-е годы буквально кипела и была самым ярким событием того десятилетия. Танцы в городском саду проходили под духовой оркестр под руководством А. Куслина. Когда играл духовой оркестр, то звуки его далеко уносило от танцевальной площадки. Здесь играли баянисты Н. Сомка и его сын Владимир, Г. Двацатов, Ю. Лихоманов, В. Жерихов, Н. Малыгин.

А сколько было танцев! Несколько видов вальса, краковяк, польки, фокстроты, коробочка, тустеп и другие. Как правило, на каждых танцах выходило на круг по несколько чечеточников. Они плясали такие танцы как: «русская пляска», «яблочко», «цыганская венгерка», «вальс», «чечетка». Обычно под песню-вальс «Крутится, вертится шар голубой» танцевала вся танцплощадка.

В 1952 году в город приехала замечательная семейная пара музыкантов Владимир Тимофеевич и Римма Ивановна Заводчиковы. Они стали первооткрывателями детской музыкальной школы № 1.

Школа свой старт начинала с городского Дома культуры с двух классов: баян и фортепиано. В исполнении семейного дуэта баянистов великолепно звучали русские народные песни в концертной обработке.

В эти годы в городе появился пианист С. Подгурский. Очень талантливый организатор творческих коллективов. Он познакомился с местными поэтами и написал ряд удачных алтайских песен: «Белая береза» на стихи Сазона Саймовича Суразакова, «Юный охотник» на стихи В. Качканакова. В 1957 году Подгурский издает сборник «Песни Горного Алтая». Это первое значительное издание на местном материале. Пробует свои силы в композиторском творчестве Б.М. Шульгин. Он создает такие песни как «Яблонька», «Дорогие черты», «Песня о чабанах». Последняя на стихи Константина Козлова в 1959 году на Всесоюзном конкурсе песен о труде и рабочем классе получила вторую премию. Вслед за Борисом Шульгиным начинает свою композиторскую деятельность Александр Тозыяков.

Ойротский национальный*8

*Селекова Надежда – корреспондент газеты
«Вестник Горно-Алтайска»*

В 1939 году Ойрот-Туринская типография им. Клары Цеткин выпустила буклет под названием «Ойротский национальный театр 1936-1939 г.г.», подготовленный Б. Каирским. Текст буклета написан в духе пафосной партийно-советской агитки, в нём настойчиво выражена идеологическая направленность, наполнен дыханием тридцатых-сороковых годов – времени энтузиастов и романтиков, строителей новой жизни.

Но благодаря ему мы сегодня имеем и чёткое представление о первых годах работы драмтеатра.

Предлагаем читателям окунуться в театральную атмосферу Горно-Алтайска в конце тридцатых годов прошлого века.

До революции ойротский народ не только не имел своего театра и литературы, но даже не имел письменности, грамоты. Только Великая Октябрьская Социалистическая революция дала возможность ойротскому народу широко развернуть свои творческие силы. Успехи социалистического строительства за годы сталинских пятилеток, рост материального благосостояния трудящихся создали базу для дальнейшего расцвета культуры ойротского народа, социалистической по содержанию, национальной по форме.

Ярким примером торжества ленинско-сталинской национальной политики в Ойротии явилось создание и организация областного Национального театра-студии.

Театр молод, ему не исполнилось и трёх лет. При первой организации театра в июне 1936 года со стороны врагов народа была попытка сорвать создание студии, но это им не удалось. При помощи партийной организации эти происки врагов народа были разоблачены, и с приходом на работу художественного руководителя И.С. Забродина в октябре 1936 года студия была окончательно укомплектована ойротской молодёжью, с энтузиазмом пришедшей создавать свой первый театр. 25 молодых алтайцев и алтаек сели за школьные парты, стали учиться ходить по сцене. Большинство из них не имели даже самостоятельной театральной практики. С первого дня существования в театре был взят учебно-производственный принцип. Учебные программы рассчита-

ны на то, чтобы в течение пяти лет артисты-студийцы получили среднее театральное образование. В основу было положено синтетическое воспитание актёра. Пение, хореография, игра на музыкальных инструментах, литература, специальные дисциплины и общеобразовательные предметы заняли твёрдое место в жизни студии.

С момента начала работы перед театром стал во всей остроте вопрос о репертуаре. До этого пьес на алтайском языке не было. Нужно было не только «растить» театр, но и создавать драматургию. В связи с Пушкинским юбилеем начали с переводов и студийной работы над отрывками из «Бориса Годунова» (сцена у фонтана и сцена в корчме). И после первого года учебы в марте 1937 года стали работать над первым спектаклем: монтажом пьесы «Чапаев» по Фурманову. Спектакль стал первой пробой творческих сил артистов-студийцев.

Дебют театра-студии состоялся в колхозах Онгудайского аймака. Горячо приняли «Чапаева» на алтайском языке зрители-алтайцы. Спектакль был еще далеко не профессиональным. Не было ансамбля, страдала выразительность речи, но спектакль дал первый творческий толчок таким артистам, как Хабаров (Чапаев), Маскин (Петька), Какин (Фурманов), Сарина (Сотникова), Быйхыев (Бородач).

Второй пьесой в репертуаре театра стал спектакль «Поднятая целина» по М. Шолохову (инсценировка Чуркина). Образы героев Шолохова были близки и понятны молодым артистам. Они добросовестно и много работали над разрешением языковой трудности в спектакле, над сохранением особенностей донского говора в произношении на ал-

тайском языке. С этого спектакля многие студийцы стали играть уже как профессиональные актёры. Метод режиссуры, предоставляющий максимум творческой инициативы актёру, целиком себя оправдал. Товарищи Алтарыкова (бабка Ульяна), Маскин (дед Щукарь), Какин (Половцев) и другие стали «жить» на сцене, создавать и сохранять образ, не выпадая из него. Массовые сцены шли оживленно, с подъёмом. «Поднятая целина» показала, что коллективу можно и должно браться за классику.

«Гроза» А. Островского вынашивалась и режиссёром, и всем коллективом долго и упорно. Подготовка к ней шла параллельно с «Чапаевым». На классных занятиях по литературе, в лекциях по истории русского театра много места и времени было уделено А. Островскому и «тёмному царству» тяжёлого прошлого. Образы пьесы «Гроза» захватили молодых артистов. И в ней уже зазвучали профессиональные ноты. Продуманная, серьёзная работа над образом привела к актёрскому мастерству исполнения артисток Сарину (Катерина), Алтарыкову (Кабаниха), артистов Маскина (Тихон), Какина (Борис), Хабарова (Дикой). Во втором составе в «Грозе» впервые получают ответственные роли молодые студийцы - Сабашкин (Борис), Тонкуров (Дикой), Тозыяк (Тихон). «Гроза» окончательно закрепила и определила творческую жизнеспособность театра, чётко оформила и начертила дальнейшие перспективы.

В конце 1938 года начала сбываться заветная мечта режиссуры и всего коллектива – работать над своей оригинальной национальной пьесой. Осуществлению этой мечты помог приход на работу в театр (заведующим литературной частью) ойротского писателя Павла Кучияка. Пьесой «Чей-

неш» Павел Кучияк сделал свой первый вклад в работу театра. Над ней автор работал более двух лет, неоднократно подвергая её правкам и изменениям. Переработке подверглась пьеса и в самом процессе её подготовки в театре. Спектакль «Чейнеш» является продуктом большой работы режиссёра Забродина совместно с автором, композитором Ильиным и всем коллективом. Актёры в пьесе «Чейнеш» получили близкий и родной для них материал и заговорили во всю возможную для них полноту творческого голоса. Премьера «Чейнеш» состоялась на олимпиаде колхозных театров Алтайского края, и, заняв на ней первое место, коллектив театра зачислили кандидатом на Всесоюзный фестиваль колхозно-совхозных театров.

На снимке артисты театра после спектакля «Чейнеш».

Учитывая специфику условий работы, для большей подвижности и широкого охвата зрителя, для осуществления синтетического воспитания артистов национальный те-

атр шёл не только по линии развития драматического искусства, но и концертной работы. Одновременно с нарастанием драматического репертуара творчески оформились национальный хор и оркестр, хореографическая группа, свои солисты, певцы и инструменталисты. Театр делает смелые попытки создания национального танца, не бытующего как форма народного искусства в Ойротии.

Театр также смело подхватил инициативу Ойротского облрадиокомитета и его экспериментальную работу по культурному совершенствованию национальных музыкальных инструментов, создав по примеру радиокомитета оркестр национальных инструментов (топшууры, икили, шор), никогда до этого не собиравшихся в оркестровое объединение и служивших главным образом сказителям и певцам только как аккомпанирующие инструменты.

Театр стал крупным пропагандистом зарождающейся музыкальной культуры ойротского народа. Совместными усилиями с радиокомитетом в самых далёких и глухих уголках Ойротии собирались народные мелодии, тексты народных песен, обрабатывались и гармонизировались. Песни приобретали новое, бодрое звучание и исполнялись в тех же аймаках, где были рождены. Зазвучала и стала входить в быт коренного населения переведённая на родной язык массовая советская песня.

Концертная форма оправдала себя полностью. За два года сценической работы театр дал около пятисот показов (спектаклей и концертов) с охватом более 35 тысяч зрителей. И эти зрители любят свой театр, внимательно следят за его творческим ростом, предъявляют с каждым днём повышенные требования. Большой спрос и предъявляемые тре-

бования трудящихся к театру, стремления и энтузиазм всего коллектива, творческое горение его художественного руководителя И.С. Забродина за дальнейший подъем искусства в духе подлинного реализма, – является залогом выполнения поставленных задач перед театром и искусством, призванным служить свободному народу социалистической Ойротии.

Вместо послесловия

Автором этой летописной странички оказался писатель, поэт Борис Николаевич Попов, который в те годы под псевдонимом «Каирский» сотрудничал с областными газетами, радиокомитетом. Примечательно то, что он с октября 1944-го по ноябрь 1946 года работал председателем горисполкома, затем инструктором обкома ВКП(б) и помощником первого секретаря обкома. В 1948 году – председатель радиокомитета, с 1950 г. – заведующий отделом культурно-просветительных учреждений облисполкома.

Я помню детство золотое

Гурьев Александр Иванович.

Родился я в Горно-Алтайске, в холодную зиму 1953 года. Весной бабушка (мамина мама) посадила в огороде у забора кедрушку. «Пусть растет, как мой внучок!», – сказала она, и на удивление кедрушка выжила, и сегодня, когда я иногда прихожу в старый дом на улице Депутатской, № 5, то подолгу сижу в ее раскидистой тени.

Дом по улице Депутатской № 5.

Фото 2018 года.

Мои первые детские воспоминания относятся к концу 50-х. Помню, дом, где я родился, был большой и светлый. В нем всегда было много народа, так как по Депутатской почти до самой вершины горы жили, в основном, наши родственники: через дом тетя Ира (мамина родная сестра) с дядей Колей, дальше Селезневые – родственники дяди Коли, дядя Шура с женой - жили внизу, на улице Мира. Приходили и Занудины – соседи сверху и баба-стара – Покидиха. Она жила домом ниже. В общем, вечером народу набивалось – полная изба. Мама зажигала керосиновую лампу, взрослые садились за стол и начинали играть в карты, о чем-то разговаривая, в два или три захода, а мы – ребятишки забирались на широкую русскую печь и наблюдали за ними или рассказывали друг другу страшные истории. Папа приносил мешок жареных семечек (мы, как и все тогда, их сажали много), и ожидавшая своей

очереди команда садилась в кружок и начинала щелкать семечки, поплеывая кожурки в большой железный таз.

Позже, когда все расходились по домам, мама садилась на большой сундук у стола и при свете лампы вязала носки, что-то чинила или вышивала. Вышивала она хорошо. Многие ее вышивки сохранились до сих пор. Папа сидел у печки и подшивал валенки, подкидывая в печку лучинки, чтобы было светлее.

По большим праздникам в доме собиралась вся родня, стряпали пельмени. Ах, какие же это были пельмени, да со свежим молоком!

Особенно запомнилась зима 1959 года, когда пришли какие-то мужики и забрали нашу кормилицу – корову Варю, а борова Ваську мама успела унести Занудиным и те его спрятали. Позже, когда он вырос, мы его держали в подполе, а иногда выпускали в большую комнату, и я любил на нем кататься, но Васька был хитрый – он подвозил меня к сундуку и сбрасывал...

Когда мне было уже лет пять, зимой в сорокаградусный мороз мы с мамой на санках везли выстиранное белье на речку, это под горой примерно с километр, а, может, и больше, и мама полоскала белье в студеной воде проруби! Потом везли белье в гору назад домой. Мама развешивала его в большой комнате, и я до сих пор помню этот морозный аромат, с которым не сравнятся никакие современные ароматизаторы!

Когда наступала весна, то это было самое счастливое, для нас, детворы, время. С горы, где сейчас стоят полуразвалившиеся гаражи, бежал светлый, говорливый ручей, а мы пускали по нему кораблики или делали запруды. В этих запрудах накапливалась вода. Вечером взрослые брали из них воду для

скота. Вообще с водой было тяжело. На всю улицу был один колодец под горой, где сейчас стоит колонка, и к нему выстраивалась целая очередь. Хорошо, что мы жили недалеко, а тем, чьи дома были на горе, приходилось каждый день на коромыслах носить воду в эту гору для хозяйства, а по выходным еще и для бани.

Потом мы бежали на горы и валялись в свежей, пахучей траве, собирали кандык, пучки, и когда я приносил их домой, мама добавляла их в суп. А вечерами мы играли на кладбище в прятки. Кладбище – это было особое место. Там у нас были свои «дома на деревьях», хитрые тайники и многое другое. Осенью, в родительский день, мы с сестрой Людой брали большой таз и шли по широкой дороге кладбища, где по ее обочинам сидели женщины и бабушки. Они клали нам в таз много разных сладостей, говоря, кого надо помянуть. Почему-то в то время на могилках не сидели, как сейчас, а все рассаживались вдоль дороги.

По всей Депутатской улице, как и по многим другим улицам города, почти в каждом дворе держали голубей. Сегодня голубей держит только мой двоюродный брат – Шура Лапшин, который живет в доме, что стоит на месте дома Занудиных. Так вот, каждый день, после работы, все голубятники выпускали своих голубей и собирались на большой поляне у ручья, споря и что-то доказывая друг другу. А голуби... что они только не выделяли в чистом голубом небе! Это надо было видеть!

Летом, когда наступали теплые дни, дядя Коля с его братом Тихоном на большой поляне начинали рубить срубы. Вечером, когда они уходили домой, мы в этих срубах играли, ковыряли из бревен серу и делали под них подкопы, за кото-

рые Тихон ругался и грозился всем нам надрать уши. Но мужик он был добрый, и мы только улыбались ему в ответ.

Где-то посередине горы мужики сделали ровную площадку, а дядя Коля с Тихоном вкопали там столбы, и летом, по выходным, до глубокого вечера взрослые играли там в футбол. Футбол в городе – это было что-то особенное. На стадионе «Спартак» часто проводились встречи по футболу, но на входе брали по пять копеек, и мы, чтобы не платить, делали со стороны реки Маймы подкопы под забор и проникали на стадион. Когда наши забивали гол, то на деревянных трибунах творилось что-то невообразимое. Народ ликовал, люди что-то кричали, бросали вверх кепки, топали ногами, и мы тоже что-то кричали, и радости не было предела! Жаль, что сегодня многие горожане, в лучшем случае, сидят и смотрят футбол по телевизору, а значимые матчи наших футболистов практически не освещаются в СМИ. А в дни моего детства мы знали каждого игрока в лицо, по имени и по прозвищу. А если наши выигрывали матч, то какой это был заряд радости на всю неделю!

В первый класс я пошел в восьмую школу. Первая учительница у нас была, как мне казалось, очень строгой. Часто приходила к нам домой и подолгу беседовала с мамой о моих школьных делах. После ее ухода мама брала прут и драла меня «как сидорову козу», но я на учительницу не обижался, так как понимал, что получаю по заслугам. Где-то в классе третьем папе дали квартиру (небольшой дом с огородом) на Мебельной улице рядом с конторой СМУ (строительно-монтажного управления), так как он там работал бухгалтером, и мы переехали почти в центр города. Там я учился в школе имени героя Советского Союза Ильи Захаровича Шуклина у замечательной учительницы – Александры Васильевны Неверовой. Это были

прекрасные годы. Мы вместе с Александрой Васильевной обходили почти все окрестные горы Горно-Алтайска. В этих походах Александра Васильевна рассказывала нам много интересного, а в школе, после уроков, много читала нам книг о природе, особенно запомнились рассказы Виталия Бианки о дальних странах и путешествиях. Почти всю осень до снегов мы собирали в окрестностях города металлолом, а потом макулатуру по квартирам.

Помню такой случай. Мы с Федей Федотовым (*сейчас Федор Федорович кандидат медицинских наук, работает в министерстве здравоохранения Республики Алтай*) вечером пробрались на территорию строящегося рядом со школой дома и на тележке привезли на кучу металлолома нашего класса какой-то большой железный крюк. Утром на общешкольной линейке директор школы Павел Лукич Казанцев торжественно поздравлял нас с первым местом. Мы, гордые, стояли в первом ряду и улыбались. Но неожиданно на линейку ворвался бригадир со строящегося дома и о чем-то гневно стал говорить Павлу Лукичу. Павел Лукич нахмурился и грозно произнес: «Кто из вас вчера утащил со стройки крюк от башенного крана?!». Вся школа замерла, а мы с Федей стояли ни живы, ни мертвы... Мне до сих пор стыдно за тот случай, а тогда Павел Лукич отменил все места, а крюк вернули бригадиру, благо металлолом еще не успели вывезти.

Весной мы всем классом с Александрой Васильевной шли к родителям Ильи Захаровича Шуклина, которые жили неподалеку от шестой школы, под горой. Девочки помогали маме Ильи Захаровича по хозяйству, а мы вместе с его отцом таскали в сарай дрова и убирались по двору.

При встречах с мамой Александра Васильевна часто хва-

лила меня, а мне даже от этого было неудобно. Я старался все задания аккуратно выполнять и часто, вместе с Федей Федотовым, оставался после уроков в школе, когда Александра Васильевна занималась с отстающими, а нам давала дополнительное задание.

Помню, что домик на Мебельной улице был у нас небольшой, но мама держала куриц и утят, и вот эти утята доставляли мне много хлопот. У меня было поручение каждый вечер гонять их через дорогу на озеро (*там сейчас построен большой микрорайон*) и после того, как они наплаваются, пригонять их домой. Но это было сущим мучением выгонять их из воды. Утята постоянно уплывали от меня, и только тогда, когда приходил папа, мы вместе с ним их выпроваживали домой.

Хорошо помню наши драки с «зареченскими» ребятами. Они жили за рекой, там, где станция туристов, и мы не могли пройти на гору ни за ягодами, ни за грибами, не подравшись с ними. Они же не могли из своей окраины пройти через нашу территорию в город. Границей в то время служил троссовый мост через реку Майма, по которому очень сложно было пройти, так как он сильно шатался, и была опасность упасть в воду.

Дрались с «зареченскими» мы «на смерть»! Делали из обручей для бочек, распрямив их, сабли. Когда мы их точили и прилаживали деревянные ручки, то они ничем не отличались от настоящих. Но ни одного случая серьезного ранения друг друга я не помню, правда, до крови дело доходило не раз.

В то время на реке было очень много рыбы. Мы очень любили рыбачить «на вилку». Это, когда заходишь на мелкое место в воду, тихонько поднимаешь камень под водой и, если под ним есть силен, ударом вилки извлекаешь его из воды. Часто мне удавалось наловить таким способом полный трех-

литровый бидон. Мама вечером жарила силемов с луком и яйцами на сковородке. Обьеденье!!!

А еще рыбачили «на банку». В двух или трехлитровую банку вставляли самодельную, из толи, воронку и крошили туда хлеба. К банке на веревочке привязывали палочку и, забредя на глубину, опускали банку в воду так, чтобы палочка на веревочке была видна на поверхности воды. Рыбы туда набивалось немеренно! Однако часто наши враги «зареченские» с противоположного берега кидали камни, и им иногда удавалось разбить наши банки. Мы тоже не отставали от них...

Очень интересно в ту пору было на городском базаре. Никаких ларьков тогда не было, а люди торговали на самодельных лавках, а у многих вещи для продажи лежали на земле.

У входа на базар постоянно сидел веселый Федя Телелинский и играл на балалайке частушки. Мы тоже, как и взрослые, иногда бросали в его шапку пятаки. Ходили меж рядами, а бабушки угощали нас кто, чем мог.

Горно-Алтайский базар. Фото 60-х годов XX века.

За базаром была «ямка» - глубокое место на реке Майма. В жаркие дни мы там купались и ныряли «на головку». А недавно я был на «ямке» и спокойно перебрел ее. Река Улалушка тоже уже не та, а ведь мы на ней тоже ставили банки и купались... Жаль, мелеют наши реки и рыба уходит. Надо бы задуматься над этим.

Сегодня, практически за городом, в урочище Еланда городские власти сделали озеро. Казалось бы дело хорошее, ведь в городе горожанам купаться негде. Но озеро стоит на родниках, вода холодная, берега грязные, правда, постепенно что-то делается, но это не то, что было в нашем городе раньше. А раньше, году этак семидесятом на ГЭСе, это в районе кинотеатра «Голубой Алтай», несколько дней был общегородской субботник. Городская администрация выделила технику – бульдозеры и экскаваторы, и был построен замечательный водоем с чистой проточной водой, вышками для ныряния и лодочной станцией. Да, да, вы не ослышались... По чистой глади водоема ходили не только весельные лодки, но и был прекрасный песчаный пляж!

А с каким энтузиазмом в студенческие годы мы работали, выкапывая простыми лопатами цокольный этаж в здании физико-математического факультета, так как студентов было много, а аудиторий не хватало. И никто не заставлял нас это делать, просто на одном из комсомольских собраний студенты решили – это надо...

Очень жаль, что сегодня в школах учеников практически не привлекают к общественно-полезному труду (*чуть ли не нарушение прав человека!*). Очень мало горожан держат сады и приусадебные участки. Зачем? Ведь все можно купить в магазине! Но в магазине не купишь трудолюбие и желание са-

мому вырастить картошку, морковку и многое другое. Хорошо помню, что в каждой школе города было пришкольное хозяйство, где держали свиней, кур, уток и другую живность, а на грядках выращивали все необходимое. Тогда в школьных столовых готовили еду не из купленных в магазине продуктов, а из тех, что выращены руками учащихся и учителей! Разве тяжело это сделать сегодня? Ведь помимо того, что ученики в столовой будут есть действительно натуральные, а не генномодифицированные продукты, это еще и чистый воздух, движение и здоровье. А двигаются сегодня горожане очень мало. Почти у каждого есть машина, и это в плане комфорта очень хорошо, но в машине сидим, на работе тоже сидим, дома у телевизора сидим, правда, иногда лежим на диване, пройти одну-две остановки без автобуса—проблема... Вот вам и гиподинамия и все остальное. И лекарства здесь вряд ли помогут.

Вы, прочитав то, что написано несколько выше, можете сказать: «Ну вот, снова разворчалось старое поколение!». Однако и сегодня в городе, который является одним из самых зеленых городов России, можно сделать жизнь людей еще лучше и краше. Вот мы вместе с друзьями до сих пор чистим незамерзающий родник Макария Глухарева под Комсомольской горой, там, где сейчас находится столовая городского лагеря «Космос». Будем чистить его и с подрастающими внуками. Очень надеюсь, что к этому подключится и отец Лаврентий с его православным клубом «Остров». Да мало ли еще дел для горожан в родном Горно-Алтайске! Надо только хорошо их организовать, а особенно школьников. Я еще помню голую гору Комсомолку, лес на которой был вырублен для фронта и нужд города во время войны. Так вот, практически

вся она засажена учениками школ города. И мы с Александрой Васильевной тоже немало деревьев посадили на ее склонах.

Я часто вспоминаю слова древнего поэта: «Скажи, какой ты след оставил? След, чтоб вытерли паркет, и посмотрели косо вслед? Или незримый прочный след, в чужой душе на много лет!». Скажи, какой ты след оставил...

Эхо пятидесятих

Иванцов Александр Иванович – пенсионер.

За окнами стадион «Динамо», гора Тугая и беззаботное детство. На горе ягоды, заячья капуста и вшивик. На вершине телевышек еще нет, там жаворонки, ковыль-трава и легкий ветерок.

Зимой лыжи, санки – с утра до ночи. Летом на стадион иногда заползают маленькие гадюки, и куры их заклевывают. По правую руку от стадиона врытый в землю тир, с деревянными стенами, а сверху пулеуловитель из плах. Руководил тиром небольшого роста человек по фамилии Коростылев. Носил очки и много курил. Стреляли там из мелкокалиберных винтовок и пистолетов, а милиция тренировалась в стрельбе за старым мясокомбинатом. Это район Парка Победы, через речку, под горой. Там сейчас заправка.

Раньше не было ни объездной дороги, ни заправки, ни Парка Победы. Это был край города.

Мост через реку Майма – окраина Горно-Алтайска.

Фото конца 50-х годов XX века.

Кстати, осенью огромные стаи журавлей и гусей летели на юг, прямо через Тугаю и в сторону Комсомолки. Летели обычно по темноте и курлыкали. Сейчас наверно сменили место перелета. Также здесь был и козлий переход, и кое-кто их стрелял прямо около тира и стадиона «Динамо». За тиром был переулок Лермонтова. Там жил фронтовик Жаров, семья Петрусовых, очень хороший футболист Юрка Бобынин, бабка Воняткина (я с ее внучкой учился в одном классе) и механик Шарнин. Очень хороший механик и гонщик на мотоциклах.

Также район восьмой школы считался краем города. Там на самодельном стадионе гоняли футбол. Прямо на болоте! Одна из улиц называлась Болотной. И на ней одно время жил поэт Константин Козлов. А так как поэты любили друг про друга сочинять всякие эпиграммы, то про Козлова сочинили: «... На улице Болотной поэт Козлов живет. Он до смерти работает, до полусмерти пьет». Вообще, 50-е, 60-е, 70-е годы – это

был какой-то взрыв рождения алтайской интеллигенции, поэтов, писателей, спортсменов. Это было что-то массовое, бесподобное. Хотя почти все они тогда были молоды, любили пошутить и попить водки.

Вот и Козлов был хороший человек. Он потом получил квартиру в «Юбилейном» доме по проспекту Коммунистическому, № 49.

Дом был построен к 50-летию Октября, пятиэтажный, из красного кирпича. И также, к 50-летию, выпустили в коробках черноплодное вино. Прелесть было вино, но года через 2-3 его почему-то перестали выпускать.

«Юбилейный» дом. Фото конца 50-х годов XX века.

Напротив «Юбилейного» дома была ветлаборатория и конюшня зооветтехникума. На их месте сейчас стоит огромный, буквой Г дом. На первом этаже – БТИ, библиотека и художественная школа.

В этом же районе была швейная фабрика и баня № 2. В бане было прелестное бочковое пиво. Там частенько за кружкой пива можно было встретить в 60-70-х годах Лазаря Кокышева и боксера Анатолия Щербинина. Они были закадычные друзья. На стенах в бане висели картины Гуркина, и загулявший поэт Борис Укачин, постукивая воблой о стену, говорил: «Я должен эти картины купить!».

Пусть вас не удивляет такое отношение к картинам Гуркина! Гуркин для них был враг народа. Вот тот же Укачин понимал значение этих картин. Мне рассказывали, что когда Гуркина расстреляли, то его картины собрали в кучу и хотели сжечь. Но часть картин взял себе начальник НКВД и застелил ими пол в сарае, чтобы, заходя, не пачкать ноги. При первом секретаре обкома партии Знаменском (годы его правления, по моему, 1964-1978) вышла в газете статья о том, что Гуркин – враг народа, что ему не место на этой земле.

Теперь тот человек, который готовил для Знаменского этот материал по Гуркину, в юбилейные даты стоит у памятника Гуркину и произносит хвалебные речи. А мы все это видим и знаем и стараемся опустить глаза в землю и не замечать его. Эта статья гуляла из газеты в газету и даже была напечатана в газете «Алтайская правда».

Говорят, что раньше тополя сажали в городе повсюду, так как город был сплошным болотом. Устраивали субботники.

Где сейчас школа искусств, там была городская поликлиника, и как зайдешь, налево была раздевалка, а прямо и направо – кабинет «ухо-горло-нос». А врач был Королев. Видный, красивый мужчина. А медсестрой у него была Юрьева. У ней сын был хороший горнолыжник. Кличка «Муль», 1943 года

рождения. А жили они по улице Улагашева, в двухэтажных домах.

В районе кинотеатра «Голубой Алтай» (название придумала Евгения Зайцева – автор первой книги о национальной одежде алтайцев) была деревянная ГЭС и весь город там купался и нырял.

Район ГЭС.

Фото конца 60-х годов XX века.

А от ГЭС вдоль горы была прорыта траншея и тянулась она до теперешнего пионерлагеря «Космос». И там стояла электростанция. Потоки воды были быстры и крутили турбину. Траншея была отделана деревянными плахами, типа желоба. И в городе до полуночи работало электричество. Многие после работы шли рыть эту траншею. Мой дед Конон, по отцу, тоже ходил ее рыть.

Также краем города можно было считать Гардинку и «цыганский поселок» (сейчас просто Поселок). Там жил целый табор, а его бароном был Панченко.

По весне табор садился на телеги. Усаживали жен, детей, а к телегам на цепи привязывали собак. И исчезали из города до глубокой осени. Занятия в школе № 2 для них кончались до октября.

Так вот, цыгане до осени уезжали до монгольской границы и оттуда гнали овец. По дороге они старались смешать их с колхозным стадом и прихватить лишних. Гнали до Бийска (помните кинофильм «Живет такой парень», там по Чуйскому тракту гонят овец, вот так же). В Бийске сдавали овец на мясокомбинат и в телегах возвращались до дома. И до следующей весны гуляли, ходили в гости друг к другу. В баню ходили № 3, там всего-то через речку. Потом играли свадьбы, дрались, плясали.

С ними пару сезонов повадился ездить и мой дружок Слава Рязанов. Его вряд ли можно было отличить от цыгана. То ли сказывалась подмешанная еврейская кровь, но прямо вылитый цыган. Мелко завитые кудри, нос с горбинкой. Он от них многое перенял, как хорошего, так и плохого. Он стал независим, как цыган, дерзок. Иногда по-пьяни пускался в цыганский пляс, при этом матерно по-ихнему ругаясь. Потом он отсидел раз шесть, но понемногу. Знал себе цену. Кончил плохо. Шел домой пьяный. Упал в лужу и задохнулся. Лежит на среднем кладбище, в дубках. Иногда я захожу к нему, проведываю. Рядом лежит его отец – Василий Михайлович Рязанов – всю войну прошедший в немецком плену. Хороший был человек.

Когда раньше хоронили – старались заказать хоровой оркестр. Это стоило рублей 70-80, но было престижно. И шли провожать всем двором, обычно до Ткацкой фабрики, а там уже кто как мог. Иной раз целая процессия.

Где сейчас Байат, там был колхоз Валерия Чкалова. Рабо-

тали ссыльные корейцы. Моя тетя, а ей сейчас 93-й год, рассказывала, что колхоз был организован до войны и просуществовал до начала 60-х годов. Агрономом там была Юля Петровна Ирхина. Её муж погиб на фронте. Был очень симпатичный человек. У них остались две дочери: Юля – 1939 года рождения и Галя – 1940 года рождения. Моя тетя жила у агронома Ирхиной на квартире. В колхозе выращивали картошку, дыню, тыквы, арбузы. Потом собирали консилиум и все это пробовали и давали названия сортам. В 1951 году тетя переехала в город, потому что колхоз Чкалова развалился.

Там, где сейчас библиотека имени Михаила Чевалкова, были наши огороды. А когда построили библиотеку, то перед ней стоял памятник «Борцам за Советскую власть». А в 1962 году мы в нем долбили дырку и прятали капсулу к комсомольцам 80-х годов. У меня даже фотография есть.

А милиция сажала картошку на том месте, где сейчас старая национальная школа, теперь имени В.К. Плакаса.

Домой не загонялись целый день. И если кто-либо из пацанов забегал за куском хлеба, то остальные «караулили» его. Хлеб намазывали сверху комбижиром или маргарином и посыпали сахаром. При стуке мы, ожидавшие, враз кричали: «Сорок восемь – половину просим», а бежавший с куском хлеба должен был прокричать: «Сорок один – ем один!». Потом опять играли в прятки, догонялки – среди сараев и погребов. Любили играть в войну, но немцами никто быть не хотел.

По выходным из первого подъезда выходил подвыпивший Майныс Тюхтенев и строил нас, пацанов, чтобы учить маршировать и ходить строем. Он с войны вернулся без ноги и ходил на костылях. Через час-полтора хмель покидал его и он уходил «подмолодиться», а мы переходили к другой игре.

Майныс Тюхтенов по-русски говорил с акцентом, на бороде было три волосинки. Любил заливисто и громко смеяться. Любил петь частушку: «Веничка (веник), веничка, веничка зеленая – все ребята пьяные, я один терезвый...». В свое время очень много сделал для города.

Мы как-то у родника, что на стадионе «Динамо», встретились со Степаном Сузановичем Тюхтеновым и вспомнили Майныса. Я вспомнил, как Майныс вводил новые методы торговли уже в те далекие времена. Году в 1963-м, на родительский день он вывез на могилки все, что положено, и там варились пельмени, жарились шашлыки. Пиво и водка лились рекой. Многие до сих пор вспоминают этот родительский день.

А Степан Сузанович мне рассказал продолжение этой истории, которую я по молодости не мог знать. Во-первых, он рассказал, что задолго до войны было какое-то торговое объединение под названием «Смычка». Майныс и его дружок Кертеков были приняты в него пятнадцатилетними пацанами, откуда и пошли их торговые навыки

*Торговое объединение «Смычка».
Фото конца 50-х годов XX века.*

А продолжение, со слов Степана Сузановича, было такое: Майныс был членом бюро горкома партии, и когда на бюро почувствовал, что выгонят отовсюду и отберут партбилет, то взял слово и на бюро заявил: «Я, как член бюро горкома партии, настаиваю, чтобы директора Алтайторга Тюхтенева Майныса за нарушение правил советской торговли выгнать с работы и лишить партбилета» (сам себя предлагал выгнать).

Все ошалели от такого и записали ему строгий выговор, так что: «Веничка, веничка, веничка зеленая, все ребята пьяные, я один трезвый». Хороший был человек, всех старался не обидеть.

По ту сторону стадиона «Динамо» стоял дом НКВД, и поэтому пацанов и девчонок называли – энкэвэdestики.

*Дом НКВД по проспекту Коммунистическому № 38.
Фото 2018 года.*

К ним относились с каким-то презрением. Это был отголосок репрессий, хотя мы и недопонимали тогда, что это такое. На лицах взрослых читалось презрение, какая-то брезгливость. Это передавалось и нам. Хотя, как я потом узнал, там встречались и глубоко порядочные люди. Я имел честь быть знакомым с двумя: это Степан Бедарев и Николай Алчубаев. Конечно, большинство людей были такие же порядочные люди, но печать эпохи легла и на них.

Один из жителей дома НКВД под конец жизни около рынка «Весна» торговал волнистыми попугайчиками. Был высокого роста, в глаза не смотрел, душа маялась, она была темнее ночи (по делам минувшим). Там были и из 37-го, печального.

Вот откуда бежит родник, что у стадиона «Динамо», так там, за теперешними гаражами, в распадке, там их и расстреливали. Так что мы пьем родниковую воду, профильтрованную сквозь кости людей той эпохи. Она течет в наши канистры. И потомки этих палачей тоже ее пьют. Интересно, как она им: горше или слаще?

Ну да хватит о печальном. Как говорят монголы - «присядем, друг, и дадим суеде пройти мимо». Я почему-то все время думаю, что и наш – жэковский, и энкеведевский дома были построены из монастырского кирпича, взятого из села Кызыл-Озек. Наш дом был построен в 1936 году, а энкеведевский – в 1934 году, силами тех, кто сидел в застенках или находился под следствием.

Дом Иванцова по проспекту Коммунистическому № 36.

Фото 2018 года.

В нашем доме жил дед Ветров, воевавший в русско-японскую войну 1905 года, так вот он работал водовозом в этом монастыре. Когда вечером собирались посидеть или поиграть в карты, дед рассказывал, как возил воду на подводе, в бочках, в монастырь. Монашки просили Ветрова (тогда он был молод) привезти что-нибудь солененькое или колбаски. И Ветров рассказывал, как потихоньку им возил, а они его завлекали к себе. На завтра - другие. Одна - лучше другой, одна - краше другой. И дед, вздыхая, продолжал: «Ну, долго я там не проработал, выгнали меня. Я же не мог всех удовлетворить! А остальным завидно было, вот и докладывали игуменье друг на друга». Другой собеседник перебивал деда и рассказывал свое. Дядя Паша Зяблицкий рассказывал, что до революции плохо жили только лентяи.

По наивности и молодости нам тогда казалось, что в противоположном доме, по ту сторону стадиона, в энкеведешном

доме, жили богатые люди, и каждый день кушали мороженое, заедая тортами. С энкеведешниками вражда был насмерть. Одно название приводило в ярость. И отвращение к аббревиатурам НКВД, КГБ еще долго будет жить в народе.

Стадион был незримо разделен на две части. По одному старались не ходить. И если кто-нибудь осмеливался зайти на чужую территорию, то летели камни, гнилая картошка и все, что попало под руку. Нас спасал из целых плах забор – целая крепость! Если они гнали наших, то из-за забора мы стояли в обороне и атаковали, чем могли. За забором были погреба. Сейчас между нашим домом и спортзалом стоит шестиэтажка. Это на месте погребов.

Перемирие происходило редко. В нашем доме жила очень толстая тетя Клава Баталова. Она в войну была эвакуирована из Ленинграда. Жила она на третьем этаже, в квартире № 18. Сейчас там кухня – 6 квадратных метров. Стояли: кровать, стол, стул и печка. Она была очень одаренный человек. А рядом – моя двоюродная сестра Нина Лямина и дети Товара Тюхтенева – Вова и Санайка. Так вот, тетя Клава прекрасно лепила, рисовала, вязала, плела коврики, имела коллекцию старинных денег, много знала и умела очень интересно все рассказывать. Ее родители и старшая сестра погибли в блокадном Ленинграде. Ее в городе знали все, как сейчас Облогина. Она была как наседка, а мы около нее как цыплята. Она все время договаривалась с какими-то предприятиями, фабриками, маленькими заводиками, пожаркой (где сейчас скорая помощь) – со всеми, и водила жакту и энкеведешников на экскурсии. Вот тут у нас было перемирие. И ихний главарь Колька Марандин следил по дороге, чтобы не было стычек, и наш тоже.

Машин на дороге никто не боялся, ибо в час проходили одна-две! И это по центральному проспекту им. И. Сталина (ныне проспект Коммунистический). Чаше всего проезжал конный обоз с большими бочками и черпаками по бокам. Из бочек тоненькой струйкой на дорогу стекала зловонная жижа. Обоз состоял из 10-15 подвод. Туалеты-то были на улицах, а в бочки из них черпали нечистоты и вывозили за город. По проспекту стоял неповторимый запах. Тогда пацаны бросали все дела и кричали: «Говнока едет, говнока!» А золотари невозмутимо сидели на маленьких скамеечках и жевали хлеб или курили самокрутку. Но в основном вывозили по ночам.

А то всем гамузом бежали купаться на речку, на «шумки» (это сейчас напротив кинотеатра «Голубой Алтай»). На «шумках» вода шумела, и не было счастливее нас – потому как мы купались до посинения и были «безмозглыми» пацанами. Кстати, по реке Улалушке раньше плавали лодки, сплавляли лес и водилась щука и налим. Потом, когда в верховьях вырубili лес, все обмелело. В реку Майма с Ленинского моста ныряли «на головку». Бывало, что при нырянии спадывали трусы, и, может, они были единственные!

Около кинотеатра «Голубой Алтай» стоял памятник И.В. Сталину, а слева было болото. Вот там где-то он и лежит. Болото засыпали.

Кинотеатр «Голубой Алтай».

Фото конца 50-х годов XX века.

Обратно шли по другому берегу реки, у подножия горы Комсомолка. В народе ее еще называли Алиментная (так как там дружили парочки, а пацаны подсматривали). А пихтач и сосняк на горе Комсомолке в 1962 году сажали мы, то есть, учащиеся областной национальной школы. Скорее всего, и из других школ сажали, но я не помню.

Ну, вот шли мы и ели пучку, жевали зеленые яблочки – дички. По дороге заходили на базар. Справа стояла столовая, слева – магазин с высоким крыльцом и вход-арка. Повдоль арки без ног сидели солдаты на платформах – сшибали копейки. Насшибав, тут же в столовой пили пиво.

На базаре узнавали – не принимают ли макулатуру, металлолом или тряпье. Если принимали, значит, был праздник. Бежали искать, что бы сдать, чтобы заработать на какую-

нибудь игрушку или копеек 10-20. Детское кино – 10 копеек и мороженое – 12. Мороженое продавали в хрустящих вафельных стаканчиках.

В кино шли в кинотеатр имени М. Горького (это тоже целая эпоха). Перед «кином» там иногда играла на аккордеоне Галина Сальникова. В кино был старший Боря Плакас, во-первых, он был немного постарше нас и мог нам «разжевать», что было непонятно. В кинотеатре стоял Митя-дурачок. Тетя мне говорила, что он когда-то насиловал женщин, и его кастрировали. У него были такие мелкие шажки и глаза навывкат. В кинотеатре, в фойе, он стоял, стоял и кидался к девчонкам. Они от него табунком убегали в другой угол. Потом, когда я был уже взрослый, его сдали в дурдом. В городе были и другие достопримечательности: Марфа Николаевна, она в 50-градусный мороз ходила босиком. Я ее смутно помню - маленький был. Помню ее голые, красные ноги – как у гусыни. Моя тетка говорила, что она шла и все время танцевала. А где жила и спала - никто не знает. Ее хулиганье хотело изнасиловать, а к ней из какого-то города приехала дочь и увезла ее. И еще в городе были две знаменитости: Ваня Жданов - дурачок, и Федя Телелинский. Федя ходил в ватных штанах, фуфайке и с балалайкой. Мог играть на балалайке, держа ее за спиной. Его Василий Макарович Шукшин снимал в фильме «Печки-лавочки». Съемки были в селе Шульгин Лог. А так он ходил по Чуйскому тракту и шофера его довозили от деревни до деревни. Подкармливали его, табачку давали. Стопочку нальют, а он им играл и пел частушки.

Федю Телелинского можно было часто увидеть в селе Сростки, около столовой. Потом кто-то его насмерть, случайно, сбил на машине. Мой дружок, давно теперь покойный,

Александр Иванович Кучияк, внук писателя и драматурга Кучияка, подпоил Федю и сфотографировался с ним в маленьком фотоателье, располагавшемся у моста в районе Алтайторга. И еще был Ваня: сухощав, рыжий, как-то даже огненный. Ходил в шинели и что-то про себя бормотал. Был набожен и перекрещивал всех. Его вроде бы батюшка забрал в какую-то церковь. Вот такими сумасшедшими был знаменит Горно-Алтайск. Один фронтовик при входе на базар играл на гармошке и пел: «Соломенная шляпа, панама на боку, подайте Христа ради – работать не могу...».

Сейчас это как дурной сон – и Федя со своими частушками, и Марфа Николаевна, и Митя, и Ваня. Но генофонд-то выбили в войну, а остались вот такие сумасшедшие да энкеведешники типа Швондера да Шарикова. Моя тетя сказала, что как-то подогнали автобус и всех, кто побирался, сгрузили. А шоферу наказали, чтоб развез всех по деревням – кто откуда-ва. Иначе-де, мол, всех посадим. На том вроде бы и кончилось. Но все это было, и от этого никуда не уйти. Хотя я знал фронтовика Тарлавина, без обеих ног, тот же Майныс Тюхтенов, тот же мой отец Николай Кононович. Все они прожили, несмотря ни на что, достойную жизнь. Видать, каждому свое! Все это покрыто пылью десятилетий, и так это или не так, остается лишь гадать. Одно знаю точно: все они из-за полученных ран рано ушли из жизни.

На площади стояла «Сыролавка» и в ней торговали пивом и сухой селедкой. В собесе в единственном лице руководил Тарбанакон, а тогда в десятки раз было больше калек и больных, а он все успевал. А начальником паспортного стола был фронтовик Иван Федорович Пашков. У него даже не было кабинета. Просто в коридоре было отгорожено место. А после

работы он еще ходил дежурить с народной дружиной. Он был один в паспортном столе.

Центральная площадь была огорожена деревянным забором и по ночам ее охранял милиционер Виноград Чунижеков (о нем можно писать отдельную книгу). Пистолет ему на дежурство не давали, а в кобуре была стопка и огурец.

А деревянные тротуары по всему городу! Около рынка «Весна» (где сейчас какой-то банк) был старый быткомбинат. Там можно было сшить как костюм, так и фуфайку. А наверху, на втором этаже, стоял чисто выбритый фотограф, в галифе, вязаном джемпере и с орденом Красной Звезды. Это был один из братьев Соколовых. Их было трое – Виктор, Василий и Алексей – они все были фотографы и работали вместе. Это было в 50 - 60-х годах. В 70-х годах в кинотеатре им. Горького людей проигрывали в карты и, потом резал тот, кто проиграл. Такой-то ряд, такое-то место - проигран человек. Я не помню, сколько было случаев! А за старым Домом культуры, на летней площадке, в 50-60-х годах играл духовой оркестр, а выпившая Мария Павловна Жданова стояла на контроле с папироской в зубах. И разговаривала высоким грубым голосом (чем-то была похожа на артистку Фаю Раневскую). Помню грязные улочки нашего города, и старики нашего дома процентов на 80 были как дети, как не наигравшиеся дети. То эти бесконечные войны, то коллективизация, то репрессии, когда со своим народом обошлись так, как ни один фашист не обходился с чужим. А тут хрущевская оттепель! Хрущев дал крестьянам паспорта, но приказал в городах уничтожить коров, свиней и т.д. И опять все по кругу! Бедная Россия! А эти старики и бабушки, которых я так любил – они иногда приходят во сне и тихим, спокойным голосом разговаривают со мной. И

от них веет такой добротой и спокойствием. Вот такие вот мысли – издавека!!!

P.S. За все существование Горно-Алтайска никто не сделал больше, чем Виктор Александрович Облогин. Это факт. Конечно, нет-нет да и он что-нибудь «отчебучит», но мы отмастерим его незлобиво и все ему простим. Сейчас мой сын Александр приезжает на каникулы из Томска, где учится в университете, и говорит, что Томск все-таки грязный по сравнению с Горно-Алтайском. Так что здоровья тебе, Виктор Александрович!

О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ

Ученик Гуркина

Иванцов Александр Иванович.

Лето 1990 года. Горно-Алтайск. Я шел по проспекту Коммунистическому, а навстречу шел Александр Алексеевич Таныш (к тому времени он был одним из последних оставшихся в живых учеников алтайских художников Григория Ивановича Гуркина и Николая Ивановича Чевалкова). Я давно хотел со слов Таныша написать о Гуркине, а здесь представился случай заговорить об этом. Я остановился и поздоровался. Таныш сильно постарел, а его костюм был таким же, как 20-30 лет назад. На лацкане пиджака висел значок «Турист СССР». Раньше он ходил со свернутой газетой в руке, а так как всегда волновался, когда говорил, то махал этой газетой перед лицом того, с кем разговаривал.

«Александр Алесеевич! – начал я разговор. – Вы были одним из учеников Гуркина, не рассказали бы вы о нем, а я бы написал очерк или что-то еще, ну, что получится». На что он

резко и как-то немного дерзко ответил, как бы выкрикнув: «А у тебя есть на это разрешение компетентных органов?!»

Чтобы не томить вас, уважаемый читатель, скажу вам: я напишу вам о Таныше, каким мы его запомнили, каким знали, ибо мы много лет прожили с ним в одном доме, на одной площадке. Мы постараемся коснуться тех людей, которые его окружали и ежеминутно с ним встречались, вместе с ним делили радости и печали. Ибо без описания людей, окружавших его, картина будет не закончена.

Через 14 лет после смерти Таныша, когда скончалась его сестра, я попытался купить у родственников его этюды, картины, рисунки, наброски, оставшиеся записи, чтобы все это не разползлось по белу свету, как стулья предводителя Воробьянинова. Мне ко всему перечисленному достался старый рюкзак, с которым Таныш ездил в горы писать этюды, чемодан с красками и кистями, старинный этюдник, наполненный красками, старые журналы, книги, в том числе с надписями художника С.Астры, довоенные пластинки, с десятков фотографий и кучка каких-то бумаг. Все это было в пыли, паутине, засохших тараканах. Приведя мало-помалу все это в порядок и сортируя, я обнаружил на четырех листах воспоминания Таныша о Г.И.Гуркине и Н.И.Чевалкове. Эти листочки я показал Галине Николаевне Кучияк (в девичестве Параевой). Она родилась и всю жизнь прожила в нашем же доме. В настоящее время Галина Николаевна является главным хранителем национального музея им. А.В.Анохина Республики Алтай, да и проработала там уже 40 лет. Так вот прочитав эти листочки, она сказала, что эти воспоминания А.А.Таныша нигде не публиковались. Вы, дорогой читатель, будете одним из первых, кто прочтет эти воспоминания. Каким он видел Гуркина и Чевалкова, как

их воспринимал, как людей и художников. Ибо о них писали искусствоведы В.И.Эдоков и Лариса Снитко из Барнаула («Н.И.Чевалков».1972 г.- В.И.Эдоков, «Мастер из Аноса», 1984 г., г.Барнаул – В.И.Эдоков, альманах Алтай за 1964г.- статья «Певец Горного Алтая», журнал «Художник» №3 ЗА 1972 г.- «Синтез двух культур» - о Гуркине и Чевалкове – Л.Снитко), а о воспоминаниях А.А.Таныша никто не знал, и мы их в этом очерке впервые дословно опубликуем.

«Гуркин. Высокого роста. Несколько медленно ходит, шутит редко. В высшей степени тактичен. Не только вежлив, но и как-то очень уважителен ко всем, хотя бы к «нижним чинам». Однажды его пребывание в Новосибирске совпало с его именинами. Художники преподнесли ему превосходный костюм, туфли и галстук. Поблагодарив и приехав, ничего так и не носил. «Нам, периферийным, как-то уж черезчур шикарно» - говорил он.

Как преподаватель считал, что ученики должны почаще видеть всю «кухню» преподавателя за работой. И писал на наших глазах. Прямо в классе написал два прекрасных холста.

Григорий Иванович считал чем-то непедагогичным собственноручно подправить пишущего ученика. Григорий Иванович создал сотни зарисовок, не отдыхая между этюдами. Это был титанический труженик.

Коротко ещё об одной стороне деятельности Г.И. Гуркина – это графика. Я видел его чарно-белые этюды, выполненные различными материалами. Очень интересны, например, иллюстрации к афишам его собственных персональных выставок. Иногда для одной выставки афиша выполнялась либо от руки в нескольких экземплярах через цинкографию, либо с прекрасно выполненными рисунками пером. Маленькие

повторно, видимо, выполнялись для раздачи с памятной надписью.

Я обратил внимание – Гуркин в тисании первого плана в пейзажах превосходил своего учителя Шишкина. У последнего передние планы написаны колером, а у Гуркина этого нет.

Чевалков. По внешности ничем характерным не выделялся. Как художник был более сильным живописцем, чем графиком. Сильно боготворил Гогена. Возможно, недооценивал рисунок, потому и в живописных работах в графический часто бросается в глаза ненарисованность. Но благодаря природному таланту, в живописи мог сделать хорошую по рисунку работу.

Как преподаватель объяснял, делал замечания учащимся. Часто Николай Иванович, указав на окружающие нас этюды Гуркина, особо подчёркивал, что это прекраснейшие работы, какие мог написать талантливый мастер».

Вообще интересно, что чем глубже я «копал» с этим очерком, тем больше «выплывали» все новые и новые имена. Но мы постараемся остаться в рамках этого очерка, а то у нас просто не хватит чернил.

Вот смотрите: здесь будут приведены воспоминания моего друга Бори Плакаса, с которым мы родились и жили вместе с Танышем в этом доме. Но вроде бы жили в одном доме и все – да не все! Плакас оказался привязан к Чевалкову! Тому самому знаменитому Михаилу Васильевичу Чевалкову (Киприен). У него было три дочери. Яков Никифоров женился на одной из дочерей М.В.Чевалкова – Марии. У них родился сын. Его называли Николай. Николай Яковлевич Никифоров первым собрал и выпустил сборник алтайских сказок. У Николая Никифорова родилась дочь. Ее называли Зоя (Зоя Николаевна Ни-

кифорова). Она вышла замуж за Василия Константиновича Плакаса и стала Плакас. У них родилось трое сыновей: Сергей, Александр и Борис. Выходит, что Михаил Васильевич Чевалков прапрадед Бори Плакаса. А мы собрались написать о Таныше, Гуркине и Чевалкове.

Интересно, что Зоя Николаевна Плакас (Никифорова) родилась и жила в Аносе. И когда была маленькой девочкой, то каждый день видела Гуркина, а ее подруга Нина Антоновна Куранакова (фамилия по мужу) была племянницей Гуркина. Девичью фамилию выяснить пока не удалось (Гале Кучияк-Параевой отец говорил, но она забыла). Был бы ум лет 30 назад, там многое можно было бы записать у Зои Николаевны (ведь я каждый день ее видел). Но тогда были другие времена, другие интересы.

Итак, г. Горно-Алтайск, проспект Сталина, 38 (ныне пр. Коммунистический, 36). Дом был построен в 1936 году из кирпича, взятого из женского монастыря в с. Кызыл-Озек.

В этом же доме жил старик Ветров, до революции работавший водовозом в монастыре. Он кое-что рассказывал из жизни в монастыре, но об этом в следующий раз. Это был добродушный старик, ему было далеко за 80, а звали его Александр.

Дом трехэтажный и стоит с правой стороны стадиона «Динамо». Печное отопление, очень теплый. Кирпич намоленный. На одной с нами площадке жил и Таныш. В те далекие времена он был учителем рисования и черчения в школе № 4, а моя мама-Юлия Петровна была на протяжении 30 лет в этой же школе учителем начальных классов.

Таныш же всю жизнь один. Бабы в доме звали его-

бобыль. А мужики-Шура, Шурик! Хотя все к нему относились уважительно. В те времена почти все считали, что писать картины не серьезно. Это какое-то ребячество.

Дом был коммунальный, и в секциях жили по четыре семьи. Я специально опишу секцию № 9, где жил я и № 10, где жил Таныш, чтобы Вы имели представление, в какой обстановке он жил, какие люди окружали его, что сам из себя представлял с нашей точки зрения.

Так вот, в нашей секции (кв. №9) жила моя бабушка Анна Ильинична Попова, вечная колхозница, доярка с 40-летним стажем, не заработавшая в колхозе никакой пенсии. Увидевшая «пашпорт» только при Хрущеве. Вынужденная мыть полы в подъездах всего нашего трехэтажного дома и еще работавшая техничкой в типографии в течение 10 лет, и умершая на 88-ом году жизни.

Она помнила всех своих коров поименно – Ночка, Зорька..., помнила их характер, повадки. И уже давно сгнили косточки этих коров, но стоят они перед моими детскими глазами, по рассказам моей любимой бабушки. Бабушка жила с моим дедом, они были каждый на своей фамилии. Деда звали Петр Сидорович Антипов (это по материнской линии).

Он всю жизнь плотничал, строил дома, кошары в алтайских селах. Жили они на шести квадратных метрах (там сейчас кухня), а были они родом из Чойского района, из села Средняя Тырга. Там же родились и их же родители, и деды с бабушками.

Мой дружок Вася Назаров рассказывал, что его отец пришел с войны только через два года после ее окончания. На вопрос матери: «Где шатался два года?» отвечал: «Выполнял секретное задание». Моя бабушка проговорила, что мой дед Петр Сидорович (его родной брат погиб на войне) пришел с

войны через восемь лет! Наверное, тоже выполнял секретное задание! А мне кажется, что тогда половина России шлялась, не хотела загоняться в колхозы, работать за палочки. Насмотрелись там за границей-то! Польша, Германия, Австрия, Чехословакия-люди в деревнях в костюмах, все чисто, в погребах окорока висят..., а у нас никакого просвета! Многие, наверное, по дороге домой создавали семьи.

Во второй комнате жила семья Манеевых (Манеха и сейчас жива, живет у дочери в Ростове, ей сейчас 95, она 1914года рождения). Это их родственник во время Гражданской войны был в Чемале предводителем банды и вырезал там почти всех большевиков.

Какие в доме жили люди! Какие судьбы! А дальше - больше! В третьей комнате жила семья Машановых во главе с дореволюционной, крепкой бабкой Машанихой. Бабка любила рассказывать, но чтобы ее обязательно слушали. Она почти все время сидела на большом сундуке, свесив ноги и нюхала табак. Ее внуки Славка и Колька говорили, что у нее в сундуке царские золотые червонцы, поэтому она и не слазит с сундука, чтобы их отец не добрался и не пропил. Так вот бабка плеснет нам, пацанам, бражки и рассказывает, как при царе хорошо жилось! Мы бражку посасываем, бабку слушаем и думаем – а бабка-то контра! Говорит, что при царе жилось хорошо! До революции бабка жила в зажиточной семье. Что случилось с ее первым мужем, я не помню! Скорее всего, его большевики поставили к стенке, потому что был зажиточный! А второй, после революции был так - «беспартошник», но был в партизанах, где и был убит. Его фамилия была, по-моему, Сафонов. И если идти в Улалушку, то не доходя до села, на пригорке, с левой стороны была его могила (Машановы показывали,

когда мы с ними за колбой ходили). Так вот бабка Машаниха, за него, партизана, всю жизнь и получала пенсию. Ее «советская власть» не трогала. Проморгала советская власть, что до революции бабка была контра.

А в четвертой комнате, в двенадцати квадратных метрах (когда в 60-х провели центральное отопление и сломали печку, стало 16 кв.м.), впятером жили мы: отец, мама, я, сестра и дед по отцу – Конон. Дед прошел первую мировую, гражданскую и вторую мировую. Был в партизанах. Ну и наша власть, отблагодарила его за четыре войны - у него не было своего угла. А все дело в том, что когда-то не пошел работать в колхоз. И его раскулачили в 1929 году. Забрали все, но продукты на зиму оставили. К 1932 году немного обжились, и вновь пришли «раскулачивать». На этот раз забрали все и продуктов на зиму не оставили. Дед взял вилы, а его жена повисла на руке. Он спросил: «Чем их кормить?», и показал на детей, сидящих за столом. А их было 15. Ему показали на стену, на которой была пыль от муки – бус. И в первую зиму заболели и умерли от голода двое детей – Володька и Домна. Умерла и мать – Евдокия. На север не угнали, потому что дед был партизан. К 1941 году из 15 осталось только четверо:

Григорий 1914 года рождения. В 1940 году был призван в Красную Армию. Скорее всего воевал на русско-финской войне. В Великую Отечественную в сентябре 1941 года пропал без вести. И за три недели до смерти моего отца Николая в 2007 году нашелся благодаря книге «Они не пропали без вести» Е.А. Бродского (написанной на основе немецких и польских архивов). В книге сказано, что Иванцов Григорий (лагерный номер 1563) погиб, не дожив до Победы два месяца в концлагере Маутхаузен в Нижней Австрии;

Мария 1920 года рождения в войну работала трактористом. Кормила фронт хлебом. Сейчас ей 92 года. Живет в г. Горно-Алтайске.

Мой отец Николай. 21 декабря 1942 года ему исполнилось 17 лет, а через две недели из Горно-Алтайска до Бийска пешком ушел на фронт и был демобилизован 7 мая 1945 года – после трех ранений и контузии; и четвертый оставшийся в живых к 1941 году – Александр 1928 года рождения умер год назад.

А были они крепкие середняки. Пот не просыхал на их рубашках от работы. Приходила раскулачивать и двоюродная сестра Конона. Такие были времена.

Второй этаж. Окна на стадион «Динамо». Зимой морозы все время были за сорок. Электричество было до 12 ночи. Потом мама зажигала керосиновую лампу и до двух ночи проверяла тетрадки. Утром мама топила печку – дрова потрескивают. Потихоньку играет радио – поет Николай Воинков «Мен, мен койонок...», потом диктор Полина Перевалова объявляет погоду, и если сорок и ниже, то в школу не идти. Ждешь, чтоб ниже 40 градусов, тогда не идти, тогда на весь день на гору – на лыжах, на санках!

В комнате такой же, как у нас, за стенкой жил Таныш. У него в комнате, как и у всех: железная койка, стол, пара табуреток и вещи на стене висят, типа простыней завешаны. Это уже при Хрущеве шифоньеры стали покупать, да кое-кто радиолы. Ну, а у Таныша этюды расставлены. А так он людей в комнату не пускал.

У людей в те времена были навесные замки, но и на них тогда никто не закрывал, а втыкали палочку и уходили. А когда по городу из «цыганского поселка» стали ходить по домам цыганки с ребятишками и гадать, тогда стали пропадать вещи.

Люди стали закрывать двери на замки, а ключ класть у двери под половику. Потом в магазинах иногда стали появляться внутренние замки, а за электрическим утюгом надо было записываться в очередь, как потом за машиной. И стояли годами. Отец из отпуска из Москвы привозил яблоки и электрические лампочки!

Во второй комнате жили очень хорошие люди, уже в годах – Гавриил Илларионович Сукач (преподавал химию в областной национальной школе у В.К. Плакаса) и его жена Алевтина Николаевна Быковская (там же преподавала русский язык). Василий Константинович Плакас жил в этом же доме в квартире № 5. Я помню у Алевтины Николаевны зеленую, в узорах, кофточку фабричной вязки. А запомнилась она, наверное, потому, что была очень аккуратно заштопана.

В третьей комнате жила маленькая, полненькая алтаечка – Фрося Тогустьева. Так вот, видать, по молодости Фрося хотела на себе женить Таныша, но ничего не вышло и, потом, на протяжении 50-ти лет, она не давала ему житья. Фрося потом сошлась с Юркой Глухим (Зяблицкий), он был лет на 20 моложе ее, работал через дорогу грузчиком в магазине № 6, плохо слышал, много читал. Они постоянно донимали Таныша, он от них сильно страдал, их постоянно разбирали на домовом комитете. И там Таныш нервничал, доказывая свою правоту, разговаривал резко. А Фрося была хитрой, разговаривала тихо, при этом никому в глаза не смотрела, смотрела в пол. Говорила: «Зачем мне у него воровать краски, зачем они мне». И никто никому ничего доказать не мог. И Таныш писал на них в милицию (привожу отрывок дословно): «...Взяли и те вещи, которые им не нужны (живопись, краски). Только Тогустьева

может так поступать по старой злости и чтобы выжить меня из соседства...».

Кто жил в четвертой комнате (6 кв.метров) ни я, ни Боря Плакас не помним. Боря говорит, что вроде бы эта комнатуха была отдана под кухню учителям.

Во дворе сидели бабы на скамейках, в плюшевых безрукавках и Таныш всегда сидел с ними с краю. В доме, в те далекие времена, у каждого во дворе был сарай, куда складывали дрова. Держали коров, тут же были загоны. Также держали свиней, кур, индюков, кроликов. А где сейчас республиканская библиотека, там у нас были огороды. При Хрущеве запретили держать скотину, заставляли резать, так люди плакали.

По городу везде были деревянные тротуары (...А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят, как половицы...). Во дворе, напротив среднего подъезда, был вырыт колодец. Воду для питья брали оттуда. А около дома, с горы, со стороны улицы Горького, бежал ручей, он и сейчас бежит. Потом кто-то утопил в колодце новорожденного ребенка. Моя бабушка обнаружила, набирая воду, и колодец зарыли, а со стороны стадиона у окон забили колонку.

Так вот, Таныш сидел с бабами, с мужиками не якшался. Всю жизнь он ходил в демисезонном пальто. Он носил черную каракулевую папаху, в 80-х кроликовую шапку. На ногах фетровые боты, на молнии спереди. Боря Плакас говорит, что эти боты тогда назывались – «прощай, молодость!». В хрущевские времена была в городе Аллея передовиков, она была напротив Алтайторга (где сейчас объездная дорога), и Танышу заказали несколько портретов. Я помню портрет Якова Ивановича Бражникова – преподавателя истории КПСС в пединституте. Глаза навывкат, лицо в оспинах и усищи, не усы, а именно

ушищи. На лекции говорил: «Соберем последние копейки, скинемся и купим дрожжей (мы сидим и думаем, он сейчас скажет – заварим бражку) и нэпману в сортир. Как начет... бродить, запах за квартал». На лекциях рассказывал нам, как был уполномоченным по заготовке зерна. И конфисковывал у крестьян излишки по продразведке. Вот они сами не выращивали пшеницу, а у таких работяг, как мой дед конфисковывали. Но мы отвлеклись.

Из магазина Таныш ходил с сеткой. В сетке была одна и та же еда - молоко или кефир и батон хлеба. С мужиками он стал якшаться только тогда, когда во дворе старики и старухи стали играть в карты на копеечный интерес. Игры назывались «храп» и «трынька». Играл весь дом за двумя столами, Играли от мальцов до деда Ветрова. Иногда приходила милиция, всех уводили на «воспитательную работу. Из милиции они шли табуночком, как «пикейные жилеты». Попив дома чая, выходили на улицу покурить и снова садились играть. Играли до темноты. Последний кон светили спичками. Таныш был в игре очень азартен. Он был среднего роста телосложением сух. Движения рук были резкие. При разговоре обычно волновался, вроде как бы хотел доказать свою правоту или боялся, что его не выслушают. Иногда мужики наливали ему стопку и он как-то неумело взхлеб выпивал. Если давали сигарету, то он курил неумело и всю ее измусоливал. А вообще он не курил и не пил.

Напротив швейной фабрики была баня. Весь дом ходил туда, и Таныш тоже. Кажется в 90-х, перед самой перестройкой, ночью котел в бане рванул. Забыли спустить пар, не открыли клапана и убило бомжа - он спал на трубах около котла. Второго человека покалечило. Все были пьяны. И эта баня -

целая эпоха, перестала существовать. В бане был буфет. Мне и сейчас иногда попадает в городе буфетчица из этой бани. Ей лет 75. В бане продавали лимонад и вкуснейшую крем-соду. А какое было бочковое пиво? Этого же не описать!

Вообще о бане, кинотеатре им. Горького, горнолыжке, ДК и стадионе можно писать отдельные книги. Это эпохи. Если в городе был футбол, то весь город был там. Иван Леонтьев пнет мяч, он летает над тополями долго-долго. Выбегает на поле Юрий Ченцов – шквал оваций. Со шкиперской бородкой и с мячом в руках выбегает вратарь – Арас Фролов. Люди делали под заборами подкопы, чтобы попасть на стадион. Около забора ходили дружинники с милицией. А горнолыжка – Леха Сатлаев, Мартынов, Сашка Кабанов (Куба) и т.д.

В 70-х годах в бане за кружкой пива можно было частенько видеть закадычных друзей боксера, мастера спорта, Анатолия Михайловича Щербинина и писателя Лазаря Васильевича Кокышева.

Нижнее белье Таныш носил китайское, но не теплое. Теплое – это была мечта! Рубашка была выцветшая и застиранная. О белье я написал специально – чтобы подчеркнуть, что профессия художника в ту пору не была денежной. В основном это были одержимые люди. И жили за счет оформительских заказов – на праздники и демонстрации.

Я так думаю, что игра в карты была единственная для Таныша отдушина. С женщинами его никто никогда не видел. Хотя шахматист, педагог и футболист Юрий Терентьевич Ченцов говорил, что у Таныша было много женщин. Значит, это подтверждает поговорку – «в тихом омуте черти водятся». До сего времени у меня не было ясности – воевал ли он? Мужики на праздники одевали, у кого что было: дядя Коля Фаи-

стов одевал шляпу, орден Красной Звезды и медаль «За оборону Москвы», дядя Коля Параев всегда ходил в галифе, гимнастерке и офицерских сапогах (был ранен в позвоночник и у него был перебит седалищный нерв, как-то нога недоподнималась и нужна была ортопедическая обувь. А ее не было, и он вынужден всегда ходить в сапогах. Одна щека была как бы неподвижна, как бы парализована). Так вот, он носил орден Красной Звезды.

Под Танышем, на первом этаже, жил, уже в годах, бывший командир партизанского отряда Быков. У него было много наград, но в моей памяти они не сохранились, так как он ушел из жизни году в 1963-64. Когда по праздникам он выпивал, у него давило сердце, и он кричал. Дядя Вася Рязанов ничего не одевал. Он в первые же дни войны попал в окружение и до конца войны пробыл в плену. Что он увидел и пережил там, и особенно после войны от нашего родного НКВД никто не знает и не узнает. И когда ему дали орден Великой Отечественной войны, он стал ходить с поднятой головой. У дяди Вани Косолапова награды были, но не помню какие. Помню, что раз в месяц его «бил родимый». Отец Люды Ябыковой умер, когда мы были совсем маленькие. Вроде он простыл в каких-то болотах, на войне, и подхватил туберкулез. Летом он выходил погреться на солнышке в шерстяных носках. Отец Бори Плакаса умер в 1964 году. Я спросил у Бори: «Какие награды были у Василия Константиновича?» Он говорит: «Штук пять медалей, помню: «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За взятие Берлина», а еще помню, что фильмы про войну он смотрел, но до конца не досматривал. Так фильм «На семи ветрах» не досмотрел и так разволновался, что ему стало плохо». Мой отец (для него война началась в 17 лет и в

19 закончилась тремя ранениями и контузией) одевал орден Славы, «За отвагу», «За победу над Германией» и говорил: «Ну, что еще солдату надо?».

Дядя Ваня Машанов рождения был 1927 года и на войну попал за 2-3 месяца до ее окончания. В самолете летал стрелком-радистом. Говорил, что его награды в военкомате в сейфе, засекречены пока. Это был «шукшинский» персонаж. Выпьет и говорит: «Взлетаем – опускаемся. Летчику оторвало ноги, ему Звезда Героя, мне орден Ленина». У Майныса Тюхтенева, вернувшегося с войны без ноги, в чине старшего лейтенанта, были награды, но его сын Валерка проиграл их в «чеку» (была такая игра). Орден Отечественной войны 1 степени он проиграл при мне.

А в основном в доме было такое поколение, как мой дед Конон или как дед Ветров, воевавший в русско-японскую. Тетя Клава Боталова (умерла в 1968 году в доме престарелых, в Паспауле) и Римма Комарова – были эвакуированы из Ленинграда. У Риммы Ивановны Комаровой муж погиб на фронте, а трое детей умерло в блокадном Ленинграде от голода. Она тоже закончила свою жизнь в доме престарелых. Любила карты и выпить. В общем, им всем в жизни досталось с лихвой.

Мне попало в руки заявление, написанное Танышем 1 сентября 1973 года, где он просит принять его в члены Союза художников СССР рекомендации и автобиография, написанные его рукой. В автобиографии он описывает свою жизнь: «В августе 1942 года был мобилизован в Советскую Армию, откуда вернулся в августе 1944 года. На фронте не был, так как уже на пути на фронт резко заболел плевритом легких, вскоре перешедшим в туберкулез. В период инвалидности числился как инвалид Отечественной войны. По выздоровлении - при-

мерно с середины 1945 года выполнил большое количество графических работ при Горно-Алтайском книжном издательстве. Все последние годы также преподавал рисование в средних школах Горно-Алтайска до 1967 года с небольшими перерывами. В 1967 году назначена пенсия за выслугу лет на пед. работе. К сему подп. А. Таныш».

В последние годы Таныш жил в мастерской, на шестом этаже в 300 метрах от своего дома. А в свою квартиру пустил художника Вячеслава Торбокова. Ушел из-за конфликта с соседями: Фросей Тугостеевой и Юркой Глухим (Зяблицким). Они его донимали всю жизнь. Люди они были неграмотные, далекие от искусства. Вот и пришлось уйти.

Боря Плакас рассказывал, что Таныш любил писать этюды на «Пионерском острове» и его все время окружали ребята, купавшиеся тут же в речке. Ребятишки подходили к нему, смотрели, интересовались. Он рассказывал им: как смешивать краски, как ложатся тени. Боря говорил, что он дружил с художниками Шагаевым и Пупповым. Во дворе своего дома все время делал наброски людей, с которыми жил, карандашом. Эти наброски лежат передо мной.

В 1934 году Таныш уехал учиться в Рязанское художественное училище и окончил его в 1938 году. Но на родной Алтай не вернулся. В марте 1937 года умирает Н.И. Чевалков, а в конце 1937 года большевики расстреляли Г.И. Гуркина и Таныш испугался, как человек, борющийся за свое самосохранение. Он решает на время исчезнуть, раствориться, не напоминать о себе, чтобы про него забыли, а там война...

Читаем автобиографию, написанную рукой Таныша: «...С 1938 года по июль 1942 года работал преподавателем рисования и черчения в средних школах Рязани, Новосибирска...».

Художник Суразаков никакого отношения к Танышу не имел, он вместе с женой занимался альпинизмом, так как писал пейзажи в горах с натуры. Мастерские Таныша и Чукуева находились на шестом этаже, на одной площадке. Чукуев слышал из-за дверей Таныша какое-то мычание, а дверь открыть не смог. Владимир Петрович позвонил Боре Суразакову и спросил: сможет ли он с крыши спуститься на балкон к Танышу и открыть входную дверь? Ибо Таныш забаррикадировался от ребятишек, которые его донимали.

Возможно Кан-Алтай брал плату за то, что когда-то Гуркин в него много вложил, и он, семнадцатилетний пацан, стал писать такие этюды! Там было столько света, столько чувств, столько всего. А может быть он, простой алтайский паренек, почувствовал руку, в которую как по мановению волшебной палочки, что-то вложил Мастер, и он был горд, что ему одному из немногих дано прожить и пройти такой светлый путь, воспеть Алтай. Не в аиле или в отаре с овцами, а с мольбертом, и увидеть мир красок, увидеть и передать Алтай во всей его красе, во всем многообразии.

Но все прошло, как один миг вся жизнь, как один пьянящий глубокий глоток воздуха. И сейчас, когда Боря Суразаков спустился с крыши на балкон, страхуемый женой и пнул балконную дверь. Она легко открылась. Боря вошел. Окна не были законопачены, везде гуляли сквозняки. В мастерской были расставлены этюды, картины. На полу лежал художник, одна штанина была одета, другая нет. Он хрипел и мычал. Обезумевшие от страха глаза смотрели вдаль, он был беспомощен. «Эта», с «косой», сидела на табуретке, закинув ногу на ногу, и любовалась расставленными этюдами, медля махнуть ею, ну, косой! Дверь была подоткнута доской. Боря откинул ее, вбе-

жал Чукуев. Они вызвали скорую и начали поднимать его, большого художника, но жизнь покидала его. Приехала скорая, поставили укол. Его помогли вынести до машины, но по дороге он умер.

Его везли в морг, а душа его летела, парила над Алтаем, над родным Алтаем. Весенний воздух был чист, холоден. Но он уже не мерз! Летела душа, вырвавшись из старческого тела, освободилась и любовалась горами, речушками! Вон в распадке стоит алтайский аил, из него неторопливо плетет свой узор дымок, около аила в шубе, поджав под себя ногу, сидит алтайка, посасывая свою трубку-дружку. Душа художника летела и прощалась с сердцу милым краем!

Хоронила его красивейшая женщина (куда там Бриджит Бардо и Софи Лорен), само воплощение Алтая, вдова художника Владимира Запрудаева – Валентина Ивановна, и художник Владимир Чукуев. Хоронили из мастерской. Гроб стоял в окружении его этюдов. Народу было мало. Картины прощались со своим художником.

Его сводная русская сестра долго не забирала вещи из мастерской. Но потом кое-как, на санках, долго перевозила все в свою квартиру, около автовокзала. Где все эти картины, этюды, книги, бумаги пролежали в куче четырнадцать лет – в пыли, паутине. И посреди всего этого обезумевшая от старости старуха (как страшна бывает старость!).

В мастерской остались старые, довоенные журналы, газеты, какие-то бумаги, которые не стали забирать. Когда Сергей Дыков заселился в мастерскую Таныша и стал перебирать все оставшееся, то обнаружил чистовик, написанный рукой Александра Алексеевича. Это было письмо в НКВД о том, что учитель Гуркин являлся националистом, был близок к национа-

лизму. Дыков это письмо показывал Равилю Пахаеву, а потом отнес и отдал Владимиру Ивановичу Эдокову. Это было в 1994 году, а в 1995 году Эдоков умирает. После его кончины, его сын Алексей Эдоков не находит это письмо и еще ряд бумаг. Они исчезли!

Иногда мы спорили с Валерием Ивановичем Чаптыновым по поводу Катунской ГЭС, по поводу репрессий 37 года. Валерий Иванович как-то сказал, что там, в 37 году, они сами между собой разобрались, кто прав, кто виноват! На том и хочу закончить свой рассказ об одном из последних учеников Гуркина и Чевалкова – Александре Алексеевиче Таныше. При всех его положительных и отрицательных чертах, плюсах и минусах – светлая ему Память!

P.S. Когда дописывал эти строки, по местному телевидению Игнат Иванович Ортонулов, заслуженный художник России, вел передачу про художника Таныша (бывает же такое)! Крутили старые кадры, и на меня из небытия, с экрана смотрел седой художник и что-то говорил на алтайском языке. Ему было за восемьдесят. Игнат Иванович хотел напомнить молодым, что был такой художник – Таныш, и ему выпала счастливая карта – он видел Учителя!

*г. Горно-Алтайск,
12 января – 22 февраля 2009 года.*

Край его песен

Владимир Федорович Хохолков.

ПЕСНИ... Сколько мудрости, любви и духовной красоты заложено в этом слове. Хорошая песня, да спетая вовремя, непременно раскроет вам душу и сердце, наполнит светом ваш

разум. Ведь ни одна песня не слагается без любви, значит, песня и любовь неразделимы, как говорили в старину.

На мой взгляд, ярким примером тому явилось творчество удивительно скромного человека высокой духовной культуры - педагога, поэта и учёного Георгия Васильевича Кондакова. Он свою любовь к родному краю пронес через всю жизнь и выразил это поэтическое строкой: "Горный Алтай - моя песня".

С первого нашего знакомства прошло уже много лет, а кажется, что это было совсем недавно. Январь. 1964 год. К этому времени у меня был накоплен кое-какой опыт в композиторском творчестве. Сочинял я тогда танцевальную музыку и мне очень хотелось попробовать свои силы в песне, но подходящих стихов, которые бы волновали, - не попадалось. В тот январь я приехал домой, чтобы навестить маму. Она знала моё увлечение и посоветовала познакомиться с молодым поэтом Георгием Кондаковым, который уже публиковался и звучал по радио. Я тогда спросил: «Мама, а он местный или приезжий?» Она ответила: «Разве приезжий может так вдохновенно писать про наш Алтай?! Конечно, местный!». У меня мелькнула мысль, а не ищет ли аналогичного содружества сам поэт? И вот, следуя материнскому совету, я отправился в деревянный домишко, расположенный на территории старой «национальной» школы. Я постучался и, услышав ответ, вошёл в избу. Первое, что бросилось мне в глаза, - слишком тесная прихожая-кухня, где на кровати играли дети. Дочь – копия отца, а сын – вылитая мать. У камелька стояла их мама - Варвара Андреевна - стройная брюнетка с пронизательными карими глазами, а за столиком что-то печатал сероглазый с волнистой и русоволосой шевелюрой сам поэт.

Я поприветствовал их, объяснил своё появление. Георгий

кратко рассказал о себе и смущённо добавил: «Вот так и начал писать стихи, с думкой воспеть свою малую родину – Алтай».

Затем выяснилось, что специально песенных текстов у него нет. «Но вот эти стихи можно попробовать, - говорит Георгий. И протягивает мне отпечатанный листок со стихотворением "Дорога" (Чуйский тракт). Читаю и чувствую, что стихи греют мою душу и повеяло от них чем-то родным и близким. Итог нашей первой встречи с Георгием Васильевичем был таков: если придётся поэту по душе моя музыка, то быть нашему содружеству; ну, а если нет, то на нет и суда нет! Так и порешили. На прощание Георгий Васильевич, улыбаясь, протянул мне свою вторую книжку стихов «Орлиный край» с дарственной надписью: «Володе с надеждой, что Вы создадите хорошие песни об Орлином крае. 18 янв. 1964 г.».

Окрылённый мечтой воспеть свой край, я уехал в Барнаул, где работал преподавателем в культпросветучилище. Над песней я работал увлечённо и вскоре выслал ноты автору стихов. Георгий Васильевич предложил нашу песню худруку областной концертной бригады Александру Крюкову, обладающему драматическим тенором. Песня пришлась ему по душе и облетела все концертные площадки области, а потом была записана на радио в сопровождении женского квартета. Так родилась наша первая песня "Дорога". Она явилась началом творческого союза. Вслушайтесь в слова этой песни: «Чуйский тракт над рекою, где студёная бьётся волна. Нет ни ночью, ни днём мне покоя, впереди лишь дорога одна»...

Вскоре рождается новая песня "Алтай - голубая земля." Но что интересно, музыка у меня никак не шла. Я никак не мог представить, а тем более увидеть нужный мне образ снежных хребтов, пока не поднялся на свою гору Тугаю. С верши-

ны Тугай я увидел чётко белоснежные шапки гор Чаптыгана, Адыгана и Сымультинских хребтов. И музыка сама легла на эти стихи.

Однажды, в Барнаульском Дворце спорта нашу песню исполнял Владислав Ялатов (с прекрасным тембром голоса - баритоном). После исполнения многие барнаульцы заметили: «Это ведь настоящий гимн Горному Алтаю!». По поводу стихов известный московский поэт-песенник Геннадий Фёдорович Георгиев в разговоре со мной отметил: «Какой образ! Какие проникновенные стихи, напоенные горным воздухом и родниковой водой Алтая! В Москве, в наших коммуналках, таких стихов не напишешь. Я по-доброму завидую твоему Кондакову. У него есть чему поучиться!»

Эта песня звучала в бывших соцстранах Восточной Европы и в Японии, в исполнении краевого ансамбля "Юность" под руководством Тимофея Тишкова:

*Здесь снег на вершинах не тает,
Здесь реки светлей хрусталя.
Простор Голубого Алтая,
Навеки родная земля.*

Многие наши песни впервые прозвучали по краевому радио и телевидению и обратили на себя внимание слушателей. Всё это, вместе взятое, давало новый импульс к созиданию. Поэт не прошёл мимо лирического образа алтайской девушки - "Песня девушки":

*Я отару в долине пасу,
Я пою, словно птица в лесу.*

За этой песней рождается новая песня "Горянка":

*Я умею скакать на коне,
Словно ветер, долиной лечу,*

*Если он не приехал ко мне,
Я к нему на коне прискачу.*

Георгий в молодые годы любил путешествовать по родному краю и под впечатлениями, навеянными романтикой и ночёвками у чабанских костров, пишет: «На пастушьих стоянках», "Есть правило простое", "Ты помоги в дороге мне", "Я вдоволь чистым воздухом дышу" и другие. Стоит вслушаться в его простые и наполненные чистотой человеческих отношений строчки:

*Есть правило простое, простой закон тайги:
Друг встретится с бедою, ты другу помоги.*

Как-то вечером мы с ним гуляли по родному городу и разговорились про наши путешествия по Алтаю, Хакасии, Туве. Каждый из нас побывал в этих местах в разное время, но мнения наши почему-то в беседе все время совпадали. Мы видели древние курганы, подолгу стояли около них. И что самое удивительное (а, может, и нет?), мы восторгались курганными сооружениями, их высокой культурой и, нам казалось, что мы когда-то были уже там и что это именно наши предки - пра-предки руссичей оставили память о себе будущим поколениям. Разгадывайте, кто мы?!

Не могу не сказать и о нашей известной "Песне о Горном". А дело было так. После очередного проигрывания наших песен на фортепиано, мы, возбуждённые удачной находкой, вышли на балкон покурить. Глядя на ретранслятор, стоящий на горе Тугае, который по ночам освещается "звездой", я предложил сотворить песню о родном городе. Начал перечислять какие-то особенности нашего города: «Город наш невелик, пока ничем не знаменателен, но богат зеленью, садами, студентами,.. в детстве мы держали голубей... и т.п.». В конце

этого повествования я попросил Георгия Васильевича сделать поэтический образ. И через несколько дней, а это было лето 1967 года, я получил прекрасный текст. Это была "Песня о Горном". Впервые она прозвучала в исполнении Владислава Ялатова на центральной площади города в дни Советско-Монгольского фестиваля и обратила на себя внимание горожан. Припев этой песни вмиг был подхвачен слушателями:

*В Горной долине, город любимый.
На богатырской ладони
Город стоит наш зеленый.
Горный Алтай - синие горы,
Горно-Алтайск - милый наш город.*

Многие горожане хотели бы слышать эту песню в качестве гимна городу! Наше содружество приносило взаимное удовлетворение. Я приходил к Георгию Васильевичу домой, проигрывал свои новые опусы, а они с Варварой Андреевной были благодарными слушателями и строгими ценителями. Наша бурная творческая жизнь продолжалась, идеи витали вокруг нас. Было порой трудно различить, к кому та или иная мысль пришла первой.

Поэт очень не любил графоманов и конъюнктурщиков, которые пели оды по разным починам в свете известных нам решений. Но я от него никогда не слышал, чтобы он о ком-то отзывался плохо и тем более за глаза, кроме одного случая, когда его научные изыскания некоторые "деятели" от науки печатали без всяких ссылок на источники. Он был земным творцом и совершенствовался в поэзии, а это искусство не терпит бездельников.

Я видел, как работал Георгий Васильевич, и многому хотелось у него учиться, понять внутренний мир и природу его

неподражаемой личности. Он, как никто другой, сумел воспеть свой любимый край, его поэтические книжки не залёживались на прилавках магазинов. Их раскупали быстро, а студенты брали прямо по несколько десятков экземпляров - на себя и на друзей. Это большая редкость.

«Алтай мой – ветер аргымак»
(О Сазоне Саймовиче Суразакове)

В селе Сайдыс, в семье шамана Сайму, родился сын, которому дали имя Сазон. Алтайцы из рода Чапты вспоминали, что Сайму был сильный шаман. И когда приехали к нему музейщики за его бубном, а это было в конце 20-х годов, когда закрывались церкви, изгонялись шаманы, то он, отдавая свой культовый инструмент, заметил: «Жаль, что мой сын уже не будет шаманом, но он все равно станет известным на Алтае».

Пророческие слова отца сбылись. Сын стал первым алтайским профессором, доктором филологических наук. Но это было уже в 70-х годах, чему предшествовал долгий кропотливый труд, жажда познания науки и истории родного народа.

Городок наш маленький и в те годы, казалось, все знакомы друг с другом - кто ближе, кто дальше. Вот однажды и наши пути сошлись с Сазоном Саймовичем на квартире Александра Тозыякова. Разговор зашел об алтайских песнях. Саша наступал на Сазона Саймовича с претензией, что алтайские поэты очень мало пишут песенных стихов. «Молодежь подрастает, – говорил Александр, – а песен вы, поэты, не пишете».

Эта встреча дала свой результат. Вскоре родилась из-под его пера песня «Похвала жене», которую сразу подхватил известный певец Николай Воинков. Он ее так мастерски испол-

нил, что после него никто уже не решался брать ее в свой репертуар. А песня получилась прекрасная!

Сазон Саймович при встрече с Николаем Воинковым всегда громко смеялся, приветствуя его рукопожатием и восклицая (где бы это ни происходило, — на улице или в помещении): «О! Любимый мой певец! Только ты вдохновляешь меня писать песни!» Необходимо сказать, что Николай Воинков пока единственный исполнитель алтайских песен, который сохранил народную традицию и манеру подачи звука. Вот это и ценил в певце поэт.

Есть одна песня у Сазона Саймовича, которую все считают народной. А называется она «Белая береза». В 50-х годах в Горно-Алтайске жил и работал заезжий пианист и композитор Семен Михайлович Подгурский. Он-то и вдохновил молодого тогда поэта сочинить лирическую песню. Сам композитор сделал русский поэтический перевод и положил на музыку. Первым исполнителем этой песни был Виталий Николаевич Никифоров. Он, бухгалтер по образованию, был человеком очень музыкальным, обладал басовым бархатным голосом. В свое время закончил всего лишь два класса церковно-приходской школы, где неплохо ставили голос и хорошо учили петь по нотам с листа. С его подачи песня «Белая береза» стала любимой в народе и по сей день.

На горе Тугая, в конце улицы Максима Горького, у нас были сады, где мы иногда встречались у бегущего из-под земли родника. Сазон Саймович был по своей натуре веселым и радушным человеком. В одну из таких встреч он пригласил меня к себе в домик. Сейчас, через 17–18 лет, конечно, трудно воспроизвести точный диалог нашей беседы. Разговор начал Сазон: «Эх, сколько лет я пытаюсь, Владимир, достучаться до

некоторых наших поэтов и писателей, что мы делаем одно дело. Своим творчеством мы, по крайней мере, стремимся нести добро и свет нашему малому народу, но это, к сожалению, понимают не все». Еще говорили о культуре, творчестве, шаманизме, фольклоре...

Сазон Саймович обладал какой-то притягательной энергией. С ним было легко общаться. Я видел, с каким интересом его слушали студенческая аудитория, преподаватели и друзья. Я видел его взволнованно выступающего в факультетском концерте, и все с той же улыбкой, как будто она, эта улыбка, была подарена ему самим Ульгеном, посетившим аил в момент рождения Сазона Саймовича в прекрасной долине Сайдыс, окруженной кедровыми паднями.

Учитель учителей

Таушканов Фридрих Леонидович.

С дипломом ростовского университета по распределению и обязательным направлениям КрайОНО, ОблОНО в 1950 году Михаил Дмитриевич и Эльвина Иосифовна Бочаровы перешагнули порог Ойротского педагогического училища.

Статный, молодой с волнистыми волосами муж, и светская красавица, как бы сошли с полотен Кипринского-Супруга.

Первый вопрос, который задал Бочаров на уроке литературы: «Кто из преподавателей и учеников увлекается творчеством Маяковского?» В группе учащихся кто-то ответил: «Таушканов Фридрих». Молодой педагог вызвал меня к доске и стал расспрашивать о жизни и творчестве, ответы в итоге: «Садись пять!» На перемене подошёл ко мне и пригласил до-

мой на Ойротскую № 20: «У меня большая библиотека». Так началась наша дружба с человеком удивительной судьбы М.Д. Бочаровым.

Глубокие знания, прекрасное владение русским языком, простота общения со всеми и артистическое чтение стихов Маяковского, Есенина, Демьяна Бедного, Эдуарда Багрицкого, русских и зарубежных поэтов, лекции, беседы сделали Михаила Дмитриевича кумиром молодежи нашего небольшого города Горно-Алтайска. Абсолютно естественно, что такую личность, звезду перевели в пединститут преподавателем, а затем назначили заведующим кафедрой русского языка и литературы. После защиты звания кандидата филологических наук в мае 1958 года он стал заслуженно проректором института по учебной и научной работе. Кипучая профессиональная и общественная деятельность, тесная дружба и сотрудничество с ведущими учеными того времени С.С. Суразаковым, П.Е. Тадыевым, С.С. Каташом, молодой порослью поэтов и писателей, совместная творческая работа с ректором Н.М.Киселевым помогла решить сложные проблемы в институте в укреплении связей со школами автономной области.

Уже на уроках литературы в педучилище М.Д. Бочаров отличался от некоторых педагогов-стажистов и суховатых наставников простотой и сердечностью, открытостью. Студенты платили ему любовью и добросовестной напряженной работой по изучению тем и выполнению домашних заданий. В одном из писем Михаил Дмитриевич писал: «Вспоминается первый год нашей работы в педучилище (Саша учащийся первого курса, Фридрих 4 курса). Помню, в Сашкиной группе за чтением наизусть отрывка из «Слово о полку Игоре» я поставил 15 пятерок».

Около 14 лет своей жизни М.Д. Бочаров отдал подготовке педагогических кадров и народному образованию Республики Алтай. В институте он фактически исполнял обязанности ректора, а так как Н.М. Киселев более года находился в аспирантуре, часто бывал в командировках на различных конференциях, симпозиумах, курсах, оставляя за себя Бочарова.

В годы войны с окружающих Горно-Алтайск гор были вырублены все деревья, а лога вскопаны лопатами, где садили и выращивали картофель, бахчевые, кукурузу сеяли просо.

Горы Сюремейка, Тугая, Комсомольская и даже Мотькин пихтач были использованы под огороды.

Студенты пединститута высадили десятки тысяч саженцев сосны, березы, осины, а позднее и дуба. Это был общий труд горожан в создании чистейшего лечебного воздуха, а горы постоянно отдают людям свою энергию, здоровье и живительную родниковую воду.

И во всех этих добрых делах чувствовалась поддержка и помощь проректора М.Д. Бочарова. Приезжая в столицу я каждый раз заходил в музей имени В.В. Маяковского, многие научные сотрудники которого лично знали «Маяковца» ученого и пытливого исследователя творчества поэта – М.Д. Бочарова. Он часто бывал и подарил все свои книги музею, статьи, монографии. Капитальный труд «Пьеса Маяковского «Баня»-материал к спец курсу», который был использован при защите звания кандидата филологических наук он подарил мне, подписав: «Дорогому Фридриху Леонидовичу Таушканову-Маяковцу на добрую память о педучилище, учительском институте и пединституте в городе Горно-Алтайске». М. Бочаров 24 мая 1975 года.

Исходил из интересов города

*Кудряшов Григорий Александрович –
член союза журналистов СССР,
публицист, писатель.*

Люди по-разному «остаются в истории». Разную оставляют память о себе. Кто-то запоминается своими делами, кто-то душевной отзывчивостью, кто-то интеллектуальными способностями, кто-то творческим дарованием...

Михаил Захарович Гнездилов лично мне запомнился принципиальным, управленчески и по-житейски мудрым руководителем областного центра Горно-Алтайск, города, который стал его судьбой.

Михаил Захарович Гнездилов.

Мы познакомились, когда он был председателем Горно-Алтайского горисполкома. Я только что вернулся из Якутии на родину и стал работать собственным корреспондентом краевой газеты «Алтайская правда». Город знал с детства. Приехав обратно спустя двадцать лет, был ошеломлён и обес-

куражен. Город мало изменился и был похож на спящего в берлоге медведя. За это время на моих глазах выросли новые города Тында и Нерюнгри, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс и десятки новых предприятий в Иркутской области.

Каждый день главная информационная программа центрального телевидения страны заряжала оптимизмом под замечательную мелодию Георгия Свиридова «Время вперёд!» А в Горно-Алтайске время словно остановилось. Словно планы КПСС по строительству коммунизма его не касались.

В это же самое время область была не изолирована от других территорий страны. Горный Алтай своими уникальными природными ландшафтами привлекал сотни и тысячи туристов со всех концов необъятного Советского Союза. Приезжая, они не могли миновать областной центр. Все пути-дороги вели через город. Это сейчас автобусы из Барнаула напрямую следуют до Мульты, Онгудая, Чемала и Артыбаша. А тогда без пересадки никуда нельзя было уехать. Даже на пути из Маймы в Кызыл-Озёк требовалось сменить автобус! А туристу в городе не на что было посмотреть. Единственным более-менее привлекательным местом была площадь Ленина с рядами вековых елей и цветочными клумбами, да здание драматического театра...

Желание разобраться с городским застоем и привело меня в кабинет Михаила Захаровича Гнездилова. Так прямо с порога ему и сообщил.

Имея уже немалый опыт общения с руководителями, по их реакции я мог с уверенностью судить, насколько ответственно человек относится к своей должности. Михаил Захарович, услышав о цели визита журналиста краевой газеты, даже

обрадовался: теперь городские проблемы дойдут до работников крайкома КПСС!

В те времена газетная критическая статья в обязательном порядке рассматривалась на заседаниях партийных комитетов, а с героев публикаций спрашивали строго. Эта участь грозила и Михаилу Захаровичу. Однако интересы города были для него важнее, и поэтому он не стал «лакировать действительность», а скурпулёзно, обстоятельно разъяснял, откуда растут ноги у городских проблем.

*Первый заместитель председателя правительства
Республики Алтай.*

В то время, а это был конец 1986 года, слабым местом в экономике области и города было капитальное строительство. Причины – отсутствие надёжной базы стройиндустрии, перебои с материально-техническим обеспечением, нехватка рабочих кадров. Поэтому многие объекты становились долгостроением. В год ТВ в лучшем случае удавалось сдать в эксплуатацию

три 70-ти квартирных дома. Очередь же на жильё составляла около двух тысяч человек!

Возлагались надежды на строительство Катунской ГЭС, но по ряду причин и этого не случилось.

Потом я ещё много раз возвращался к различным городским проблемам. Общался с заведующими отделами обкома партии, с другими специалистами, с известными бригадирами. Присутствовал на заседаниях по пусковым объектам.

Но прежде чем публиковать статью в газете по каждой проблеме непременно встречался с Михаилом Захаровичем. Мне даже казалось, что я чрезмерно назойлив, но иначе поступить не мог. Город буквально тонул в море проблем! И чтобы разобраться в них, нужно было выслушать мнение такого обстоятельного человека как Гнездилов.

Проще было, конечно, помахать журнальной шашкой, задав в газете гневные вопросы: «Почему в городе сто угольных котельных без систем очистки? Почему на территории мебельной фабрики сжигаются производственные отходы? Почему не строится объездная дорога? Доколе?!» Но в то время журналистов уважали не за умение «громко прокукарекать», а за стремление докопаться до сути, проанализировать проблему и причины, её вызывающие...

Поэтому я и обращался раз за разом к Гнездилову, зная: более компетентного человека в Горно-Алтайске не найти. И он каждый раз встречал с пониманием. Другой бы начал отмахиваться, переводить стрелку на своих заместителей, например, Виктора Александровича Облогина. Но Михаил Захарович понимал, что от «краевой гласности» городу будет только польза, и помогал правильно расставить акценты, советовал, на что следует обратить особое внимание.

Думаю, за такую «гласность» ему доставалось в высоких барнаульских кабинетах. Но он сознательно «нарывался», руководствуясь интересами города и его жителей.

Среди моих знакомых, живущих и живших, Михаил Захарович Гнездилов остаётся одним из самых уважаемых людей. Нынешние власти правильно поступили, что политехническому колледжу присвоили его имя.

Ровесница Горно-Алтайска*9

(Материал подготовлен советом музея истории школы № 12)

Девятого февраля исполнилось 90 лет ветерану педагогического труда Алевтине Михайловне Кропачевой.

Статус города село Улала, центр Ойротской автономной области, получило 27 февраля 1928 года (по решению ВЦИК). Немного ранее, 9 февраля 1928 года, в семье бухгалтера и учительницы младших классов Третьяковых, которые жили по улице Пушкина, родилась дочь Алевтина.

В 1935 году она пошла в первый класс школы №13. Когда Але исполнилось 13 лет, началась Великая Отечественная война. Алевтина Михайловна отлично помнит, какой в то время царил в стране голод, какие очереди были за хлебом, когда даже по ночам в мороз пересчитывали, кто за кем занимал. Чаще всего в очередях приходилось стоять детям, потому что взрослые были заняты на работе с раннего утра и до позднего вечера. Отстаивала свою очередь и Аля. В семье, кроме неё, было еще двое детей.

Окончив девять классов, Алевтина поехала продолжать учебу в город Ленинск, Новокузнецкой области.

По окончании педагогического института четыре года проработала учителем математики в одной из школ города

Ленинска. В той школе была очень хорошая учительница математики, которая взяла молодого педагога под своё крылышко. «Можно сказать, - вспоминает Алевтина Михайловна, - именно благодаря ей я и стала настоящей учительницей, спасибо ей огромное за науку!».

Когда однажды летом приехала в Горно-Алтайск, то встретила с Павлом Кропчевым, с которым училась в школе. Позже они поженились и уехали в Ленинск. Там у них родились обе дочери – Нина и Светлана. А в 1955 году семья вернулась в Горно-Алтайск.

Алевтина Михайловна преподавала математику и черчение в школе №6, а с 1961 года и до выхода на пенсию работала учителем математики в школе №12.

«Как сейчас помню светлый класс на первом этаже школы, обычные парты – в то время ещё не было столов, кроме учительского, а за ним – Алевтина Михайловна, тогда ещё совсем молодая, чуть старше тридцати лет. Или она же - у доски с указкой, объясняет нам новые теоремы...

Всегда спокойная, доброжелательная, толково все объясняющая. Она умела и дисциплину держать, никогда не обращалась за помощью к родителям, ... конфликтов не было ни с учениками, ни с учителями, ни с родителями... Её предмет все знали хорошо, и многие успешно сдавали математику в разные вузы страны.

Мне приходилось встречаться с нашей учительницей в последние годы довольно часто: то на школьном вечере, то на мероприятиях в Доме ветеранов. Она почти не изменилась, только волосы немного поседели...» (Из воспоминаний Татьяны Колосовой (Тарариной), выпускницы школы №12 1966 года).

«Как-то так принято, что учитель в своих воспоминаниях

больше говорит об учениках. Но я бы хотела вспомнить о близких моему сердцу учителях, с кем по звонку расходились по классам, собирались после уроков в тесной учительской, чтобы обсудить школьные проблемы.

Рада, что на моем пути встретились такие опытные преподаватели математики, как Алевтина Михайловна Кропачева, Лидия Николаевна Моисеенко, Елизавета Петровна Ленкина, Лариса Александровна Павлова.

Алевтина Михайловна на уроке много не говорила, но добивалась, чтобы ученик сам нашел и понял смысл математических преобразований, их логическую последовательность. Ей не нужны были заученные по учебнику формулировки. Пусть скажет определение своими словами, но чтобы за ними был виден смысл, математическая обоснованность, считала учительница». (Из воспоминаний Валентины Митрофановны Тишковой, работавшей в школе №12 учителем математики в начале 60-х годов XX века).

Находясь на заслуженном отдыхе, Алевтина Михайловна не забывает школу – охотно встречается с учащимися и педагогами. А на вопрос, как бы она стала жить, если бы можно было начать жизнь сначала, Алевтина Михайловна ответила так: «Зачем? Я считаю, что прожила неплохую жизнь, лучше не могу себе и представить: и работа была любимая, и дети хорошие выросли, и внуки теперь растут. Нет, все хорошо! Все так, как и должно было быть, жалеть мне не о чем».

За это время преобразился и наш город: появилось много современных красивых зданий, новые скверы, детские площадки. Так и идут по жизни две судьбы: города (Улала, Ойрот-Тура) Горно-Алтайска и его ровесницы, Алевтины Михайловны Кропачевой.

Не смейте забывать учителей

*Шмидт Татьяна Викторовна –
ветеран педагогического тру-
да, поэт, публицист, писатель.*

Нет, не зря каждый человек приходит в мир, не для праздного самосозерцания и самоуслаждения, а как сказал один из великих: «Для деятельности существуем мы – только добрые дела и только они определяют нашу цельность». Я смотрю на старые, пожелтевшие от времени фотографии скромных тружеников нашей прекрасной земли. Одни уже давно ушли в мир иной, другие одиноко доживают свой век в безвестности, отдав всю жизнь любимому делу – воспитанию и обучению детей. Я думаю, что эти люди прожили свою жизнь не зря. Жаль только, что слишком мало сохранилось документов того времени, и уже нет в живых многих их современников и соратников. И мне при написании этого очерка пришлось приложить много усилий, чтобы разыскать хоть какие-то сведения об их жизни и работе. Поэтому трудно было писать о них...

Наверное, не все знают, что до революции буквально по пальцам можно было пересчитать в наших краях грамотных людей, хотя были, конечно, церковно-приходские школы, но

их было крайне мало. Достаточно сказать, что в крупном селе Чемал насчитывался тогда всего один учитель! Абсолютное большинство населения: русские, алтайцы, казахи – были неграмотными. Свет и знания несли в народ те люди, о которых я и хочу рассказать.

Екатерина Ивановна Истегешева родилась в простой алтайской семье в Салаганде в 1883 году, закончила церковно-приходскую школу, потом училась в Бийске и Томске. В 1901 году молодая учительница переступила порог Эликманарской церковно-приходской школы. «Тяжело было, – рассказывала она, – занимались одновременно с тремя группами детей. Знаний и опыта не хватало, а на помощь рассчитывать не приходилось, так как работала в школе в единственном числе. Поэтому старалась больше читать. В школе не имелось настенных часов, не говоря уже о другом оборудовании, звонков не подавали, занятия велись «по солнцу».

В 1907 году Екатерину Ивановну перевели в Улалинскую церковно-приходскую женскую школу. С тех пор и возникла меж ними крепкая дружба. Большой жизненный путь они прошли вместе рука об руку. В 1920 году, когда после Гражданской войны и восстания установилась в Горном Алтае Советская власть, подруги обучали грамоте красных партизан. Вот как Истегешева и Плюхина вспоминали об этом, спустя многие годы: «Жадно тянулись они к знаниям, радовались первым удачам, как дети, а новая власть оказывала учителям всяческую поддержку – нам выдавали муку, мясо, масло».

В 20-30 годы, закончив занятия в школе, спешили учителя в пункты ликвидации безграмотности, сокращенно – ликбезы. За 1929 - 1932 годы в Горном Алтае было обучено неграмотных 25410 человек!

В 20-30-40 годы не хватало учителей. Подготовка и переподготовка их шла через курсы. Активно привлекалось к работе старое учительство. Всего по всей автономной области в 28-29 годах насчитывалось 243 учителя, из них 96 человек имели низшее образование.

Плюхина и Истегешева прошли собеседование и получили квалификацию учителей школ 1-2 ступени. В 1931 году был введен всеобуч, то есть обязательное начальное образование для детей школьного возраста. Это привело к быстрому увеличению школ и учащихся. В 1936 - 37 годах за парты сели уже 25 тысяч учащихся в одном только Горном Алтае, что составляло 97,8% детей, подлежащих обучению. Это был замечательный успех!

А ведь еще совсем недавно по всей России, как следствие гражданской войны, скитались тысячи беспризорников. В 1924 году беспризорных детей в Горном Алтае насчитывалось 2116, из них круглых сирот было 803.

Трудность обучения усугублялась тем, что специально построенных школ не было, классы помещались в кое-как приспособленных крестьянских избах. Учились в тесноте, но даже в таких условиях делалось великое дело – ликвидация безграмотности.

И в результате десятки тысяч людей смогли читать, писать, общаться при помощи писем. В 1922 году, кажется совсем недавно, в Горном Алтае было всего 56 школ. Из них 16 - алтайских, а учителями в них работали 83 человека. Тысячи детей и взрослых обучили грамоте в эти годы Плюхина и Истегешева. Надо сказать, что из-за острой проблемы с педкадрами тогда на работу в ликпунктах привлекались не только учителя, но и просто грамотные люди: колхозники, комсо-

мольцы и даже школьники. А в 1928 году в Ойрот-Туре (как тогда назывался Горно-Алтайск) был открыт педтехникум для подготовки учителей.

В то время по всей стране строились школы. Дворцами казались они детям рабочих и крестьян: светлые, с просторными классами и коридорами. Об этом так и написала выпускница школы № 12 1942 года выпуска в своем стихотворении:

*Дворцами казались лишь школы одни,
Где мы так прилежно учились.
О счастье, о мире мечтали в те дни
И только войны мы страшились...*

Вспоминая замечательных педагогов Горного Алтая, нельзя не рассказать об удивительной семье учителей Красновских. Глава семьи, Иван Яковлевич Красновский, родился в 1907 году в Черниговской губернии в селе Темновичи, в большой многодетной семье бедного псаломщика, совмещающего обязанности звонаря. В шесть лет он лишился матери. В детстве Ваня очень любил читать. Окончил церковно-приходскую школу и уже при советской власти ремесленное училище.

17-летним юношей он решает уехать из дома. Родные не стали отговаривать. А собрали еды на дорогу, дали немного денег и он отправился в дальний путь – в Сибирь, чтобы начать новую жизнь...

Так он оказывается в Забайкалье, в Читинской области. Вскоре Ивана Красновского как грамотного направили после собеседования учителем в сельскую школу. Талантливый юноша хорошо справляется с новой должностью, показывая при этом хорошие способности. Затем, пройдя краткосрочные учительские курсы, он находит свое призвание навсегда, но

ему не хватает знаний, специальной подготовки. Молодой человек решает учиться дальше. В 1930 году Красновский поступает в только что открывшийся Томский педагогический институт, а в 1933 году успешно заканчивает его.

Иван Яковлевич сначала работает в Кемеровской области. Потом в селе Кокши Алтайского края директором школы. Здесь он встречается с молодой учительницей Анной Васильевной Назаровой. Молодые люди полюбили друг друга и поженились в 1935 году, а в 37-м у них родился первенец - сын Слава. И в этом же году молодая семья переехала в Ойрот-Туру, где была острая нехватка учителей. Оба стали работать в школе №12. Отныне они всегда будут вместе – рука об руку – идти по жизни, поддерживая друг друга...

Анна Васильевна была моложе мужа на семь лет - она родилась в 1914 году в селе Кокши Алтайского края и рано осталась без отца – он погиб в Гражданскую войну. Семья была большой и бедной, но велико было желание учиться и девушка поступила в Бийский педтехникум, который закончила в 33-м году. После переезда в Ойрот-Туру Анна Васильевна сразу пошла работать, несмотря на то, что у нее был маленький ребенок и вскоре родился сын - Коля. Эта школа стала ее судьбой, вторым домом. Здесь она проработала до 1970 года. Здесь она встретила замечательных педагогов: учителем истории и музыки Рахилью Максимовной Шарф и молодым преподавателем физики Рудольфом Павловичем Одеревым и многими другими.

Анна Васильевна работала очень хорошо. Была, по мнению коллег, самым первым специалистом. Успеваемость ее учащихся всегда была 100%! Она обучала ребят грамоте, не жалея ни времени, ни сил, много занималась с ними индивидуально. За годы

работы Анна Васильевна сделала много выпусков. Все ее ученики до сих пор помнят о ней только хорошее.

Иван Яковлевич Красновский в годы войны не был взят на фронт из-за сильной близорукости, а был направлен на работу инспектором. Много сил и энергии отдавал он своей работе, почти не находясь дома, в трудные военные годы налаживал народное просвещение в отдаленных районах. После войны Иван Васильевич семь лет работал директором шестой школы, а последние годы жизни с 1954 по 63-й годы Красновский работал проректором образованного Горно-Алтайского педагогического института, а также старшим преподавателем кафедры русского языка и литературы. Он был прекрасным преподавателем, педагогом с большой буквы. Товарищи по работе отзывались о нем с большой теплотой. По эрудиции и педагогическому мастерству ему не было равных. Это была творческая личность.

А каким он был замечательным рассказчиком! Как он умел преподнести ученикам биографию писателя, в каких деталях! Как мог заинтересовать своим предметом! По воспоминаниям современников, Иван Яковлевич превращал урок в настоящий праздник мысли и чувства. Он воспитывал в учениках, студентах самостоятельность и широту мысли. Кроме того, Красновский обладал большим тактом: он удивительно тонко умел поправить ученика. Наталья Федоровна Петрова отзывалась о нем так: «Это блестящий специалист, неповторимый мастер ведения урока». Какое счастье выпало его ученикам общаться, видеть и слышать этого человека.

За свой труд Иван Яковлевич Красновский получил звание «Отличник народного образования» и был награжден орденом «Знак Почета» в 1951 году, а также медалями и

грамотами правительства. Но все-таки главной наградой пусть будет ему вечная память его учеников и близких. Умер Иван Яковлевич в 1963 году. Болезнь оказалась сильнее человеческих возможностей. Жена его Анна Васильевна долгие годы жила одна в своей квартире, потом в 1997 году с ней случилось несчастье – она получила травму. Из больницы ее перевезли на носилках к себе сын Станислав и сноха Светлана. Они выходили, поставили мать на ноги.

Жила Анна Васильевна в хороших условиях и была очень благодарна своим детям. Несмотря на возраст, Анна Васильевна любила читать.

Я навестила ее однажды, и она, прощаясь со мной, сказала: «Спасибо сыну и снохе. Дай бог, всем старым людям такие же условия, в которых я живу – они ухаживают за мной, как за маленькой. От них я получаю только добро».

Уходя, я от всего сердца пожелала ей здоровья и подумала: «Как хорошо, что есть на свете такие замечательные люди, как Анна Васильевна и ее семья!».

Беззаветный труд Анны Васильевны был по достоинству оценен такими наградами как «Знак почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовую доблесть», почетными грамотами и званием «Отличник народного просвещения».

А через год Анны Васильевны Красновской не стало. И смерть ее была легкой – она уснула и не проснулась... Говорят, только очень хорошим людям Бог дает такую легкую смерть.

Нет этих замечательных людей на свете, а память о них живет в сердцах учеников и будет жить еще очень долго – ведь жизнь их была настоящим трудовым подвигом и образцом служения своему народу.

ШКОЛЫ ГОРОДА – НАЧАЛО ПУТИ

Самая первая школа в Ойрот-Туре распахнула свои двери в 1923 году. Это была начальная школа №1. Перед войной, в 30-х годах началось интенсивное строительство школьных зданий. Начиная с 1936-го года, каждый год сдавалось по школе: в 1936 году вступила в строй школа № 12, в 1937-м – школа № 13, в 1938-м - № 6, а с сентября 1939 года приняла первых учеников и школа № 8.

ПЕРВАЯ ВСЕГДА ПЕРВАЯ

Вехи истории школы

*Лукашева
Валентина Михайловна –
краевед музея «История
школы №1», ученица 10 б
класса.*

История становления школы № 1 неразрывна с историей Горно-Алтайской автономной области. История школы является живой иллюстрацией, наглядным примером тех изменений, которые произошли в социально-экономической и культурной жизни области и города.

На пути осуществления культурной революции двадцатых годов необходимо было, прежде всего, обучить грамоте детей, ликвидировать неграмотность взрослого населения, вырвать угнетенные в прошлом народы из темноты невежества.

Осенью 1922 года, вскоре после организации автономной области, местными советами и отделом народного образования был проведен учет детей школьного возраста.

Одной из первых школ г. Горно-Алтайска была начальная школа №1. Мало кто из нынешних горожан знает, что школа №1 своего рода кочевница. Она была открыта 1 сентября 1923 года в деревянном одноэтажном здании по улице Ленина напротив школы №13 (к сожалению это здание не сохранилось).

Возглавляла коллектив из трех педагогов и ста учащихся Прасковья Александровна Голубева, которая проработала в этой школе с 1 сентября 1923 года по октябрь 1941 года. С 1928 года она была депутатом Городского Совета. В музее истории школы сохранились её воспоминания: «Не хватало учебников, не было тетрадей и чернил, поэтому учащиеся писали на книгах и обложках, но школа преодолела все, а большое желание учеников учиться поднимало ее на более высокую ступень. В 1925 году в школе насчитывалось уже 160 учащихся. Старое школьное здание не вмещало всех и требовалось новое. И вскоре школа расположилась в большом купеческом доме на улице Трудовой. Теперь школа работала в двух зданиях и занятия проходили в две смены. Работало уже 8 учителей».

Вместе с Прасковьей Александровной работали Анна Ивановна Гладких, Ольга Васильевна Свинина, Фена Даниловна Рогова, Александра Александровна Колыгина, Евдокия Еремеевна Кондратьева, Василий Максимович Буханов, Ираида Митрофановна Рыбоконь и другие.

Шли годы... Мужала и крепла молодая страна, а вместе с ней и наша школа. Многие ученики окончили начальную школу и переходили в новую школу для продолжения обучения.

Из школьной летописи мы узнаем, что первые пионерские отряды нашей школы были организованы в начале 30-х годов XX века.

30 мая 1932 года состоялась первая пионерская конференция. На ней были намечены пути дальнейшего развития пионерского движения.

30 мая 1932 года. Пионерская конференция.

В воспоминаниях Нины Михайловны Редковой, ветерана педагогического труда нашей школы, работа пионерских отрядов отличалась яркостью внешнего оформления (шествия под звуки горна и барабана, митинги и т.д.). Лучшие пионеры школы и пионерские дружины фотографировались у знамени школы.

Лучшие пионеры школы.

Позже была война с захватчиками – трудное время, но работа продолжалась. Большие сложности были с организацией учебного процесса. Не хватало чернил, а чистой бумаги вообще не было, так что ученики писали на старых газетах и журналах. Но все невзгоды побеждала огромная тяга к знаниям! А получив на большой перемене в столовой 50 граммов хлеба и столовую ложку сахара, дети забывали о страшном... И снова – уроки, задания, воскресники, дни подготовки к праздникам. Собирали посылки с адресом «На передовую». В них дети клали карандаши, конверты, теплые носки, шарфы и многое другое. Каждый знал, что где-то отец, брат или дед сражаются с врагами за нашу Родину. А эта посылка порадует бойцов. А получая письма с фронта, ребята приносили их в школу, делились вестями с войны. Положение в стране было трудным, это ощущали и жители города Горно-Алтайска.

Активное участие принимали учащиеся в распиловке дров, так как они были нужны школе. С задором, со смехом,

умело владея топором и пилой, работали ученики, учителя, родители учащихся.

В суровые дни 1941 года в далёкий Горный Алтай эвакуируются из центра нашей страны многие предприятия и учебные заведения. В наш город прибывает и Московский педагогический институт имени Ленина. Сюда приезжают преподаватели и их семьи. Гостеприимный народ принимает москвичей, размещает их. Здание школы передается под общежитие преподавателей, а школа размещается в двухэтажном здании. На этом месте сегодня находится школа №5.

*В 1941 году школа размещается
в этом двухэтажном здании.*

В 1943 году (13 сентября) вновь открывается школа №1 – в здании по улице Мичуринской, где ныне располагается начальная школа №8.

Здание школы № 1. Фото 1943 года.

Материальная база школы была слабой. Мало было мебели, даже старой, не было учебных пособий, не было при школе библиотеки, спортивного инвентаря. Учащиеся не обеспечивались бумагой и чернилами. С большим трудом приходилось школьникам доставать краску, для того, чтобы получить чернила (порой эта краска была для окрашивания кожи). Но учащиеся вновь садились за парты по звонку, работали над заданиями после уроков.

В эти годы в школе работает замечательный коллектив учителей. Это Мария Григорьевна Литвиненко, Лидия Александровна Лукина, Дарья Фёдоровна Гудкова, Александра Дорофеевна Чичинова, Мария Иосифовна Гринёва, Мария Дмитриевна Морозова, Клавдия Ивановна Тимошенко, Людмила Афанасьевна Абышкина и др.

Коллектив учителей
 1-ряд: ЛИТВИНЕНКО МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА, ЛУКИНА ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
 ГУДКОВА ДАРЬЯ ФЕДОРОВНА, ЧИЧНОВА АЛЕКСАНДРА ДОРОФЕЕВНА.
 2-ряд: ГРИНЕВА МАРИЯ ИОСИФОВНА, МОРОЗОВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА, ТИМОШЕНКО
 КЛАВДИЯ ИВАНОВНА, АБЫШКИНА ЛЮДМИЛА АФАНАСЬЕВНА

В апреле 1945 года по решению областного отдела народного образования горисполкома школа №1 переводится в новое здание по улице Социалистической.

Здание бывшей церковно-приходской школы для мальчиков.

Здесь в 1945 году располагалась школа №1.

Позднее в этом здании находился физико-математический факультет Горно-Алтайского пединститута.

Праздник Великой победы 9 мая 1945 года был отмечен с огромной радостью. Торжественная пионерская линейка в этот день была незабываемой. Весь город ликовал. Мы победили!

В сентябре 1945 года школа переехала в здание нынешнего научно-исследовательского института.

Ещё одно здание первой школы – современный НИИЯЛ.

Фото 60-х годов XX века.

Нам очень повезло, так как однажды в октябре 2017 года в наш музей истории школы пришла Нина Васильевна Бизина (Крынина), которая с 1945 по 1947 годы училась в этом здании.

Нина Васильевна Бизина (Крынина).

Вот что она нам рассказала: «В победный 1945 год я пошла в первый класс в первую школу. Всего в школе было четыре класса. Жизнь была тяжелой. Весной собирали вшивик, слезун и кандык и этим кормились. Зимой, в мороз, в темноте мимо кинотеатра имени Максима Горького ходила в 1 класс во вторую смену. Школа тогда располагалась на втором этаже здания, где сегодня находится НИИЯЛ. Там же находилась и вечерняя школа. В суровую зиму 1945 года нам выдали кое-какие вещи. Мне досталось зеленое пальто и валенки разного цвета. Один белый, а другой серый, а также мальчишечья сумка. Однако никто не дразнился.

Во втором классе учителем нашего класса стала Евдокия Федотовна Курова. Очень строгая и требовательная учительница. Раз в неделю нам выдавали маленькую булочку хлеба и две столовых ложечки сахара. Свои октябрятские звездочки мы вырезали из картона и обшивали красным материалом.

Она передала в музей и сохранившуюся фотографию тех лет.

Лукина Лидия Александровна и Курова Евдокия Федотовна с учениками.
1946–1947 учебный год.

В 1952 году для школы отстраивается новое одноэтажное здание на 10 классов по улице Горно-Алтайской (нынешней Чорос-Гуркина, сегодня в ней городской центр детского творчества).

Здание первой школы. Фото 1952 года.

Заведующими этой школы были Лариса Александровна Потапова и Мария Иосифовна Гринёва.

ГРИНЕВА МАРИЯ ИОСИФОВНА
Заведующая школой с 1959 г. по 1965 г. В 1954 г. награждена знаком «Отличник народного просвещения». В 1976 г. удостоивается звания «Заслуженный учитель школы РСФСР»

Учителями тогда работали замечательные люди – Александра Васильевна Таушканова, Ольга Евгеньевна Плотникова, Людмила Афанасьевна Абышкина, Александра Дорофеевна Чичинова, Мария Григорьевна Литвиненко, Клавдия Ивановна Тимашенко, Валентина Гавриловна Липихина.

Первые учителя школы.

А в 1965 году новое, уже трехэтажное здание принимает своих воспитанников.

Современное здание школы №1.

В самой большой, светлой и красивой школе под руководством Екатерины Семеновны Агеевой «вели к высотам зна-

ний» детей Дина Федоровна Мещеринова, Анна Тимофеевна Жданова, Галина Демьяновна Лазебная, Валентина Кирилловна Борисова, Раиса Афанасьевна Донская и многие другие.

АГЕЕВА ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА
Директор школы с 1965 г. по 1968 г.

Екатерина Семёновна Агеева.

Именно в эти годы в школе появились интересные традиции: военно-спортивная игра «Зарница» и «Орлёнок», праздники «День Учителя», «День знаний», посвящение в ученики, уроки мужества и встречи с ветеранами войны и труда.

В 1967 году школа становится средней общеобразовательной с производственным обучением. В этом же году под руководством учителя географии Галины Демьяновны Лазебной открывается краеведческий музей «По заветам Ленина» и зал «Боевой славы».

Галина Демьяновна Лазебная.

На классных часах экскурсоводы музеев проводили интересные беседы не только с учащимися школы, но и с её гостями (учителями и учениками других школ города и области, а также с подшефными коллективами).

Гости школы на экскурсии в зале «По заветам Ленина».

Большую роль и положительное влияние на качество знаний учащихся оказывала работа школьного учебного комитета (учкома). Председателями учкома тех лет были замечательные ученики. Это Наташа Целмс (закончила Московский институт и сейчас живет в Нидерландах), Сережа Донских (после окончания Барнаульского медицинского института работает ведущим хирургом в Республиканской больнице) и др.

Сплочению школьного коллектива способствовала также работа в трудовом лагере совхоза «Подгорный».

Сбор хмеля на плантациях совхоза «Подгорный», 1967 год.

Работали осенью на сборе черноплодной рябины или хмеля.

3 сентября 1974 года в нашу школу приезжает лётчик-космонавт, Герой Советского Союза, командир космического корабля «Союз-12» Василий Григорьевич Лазарев.

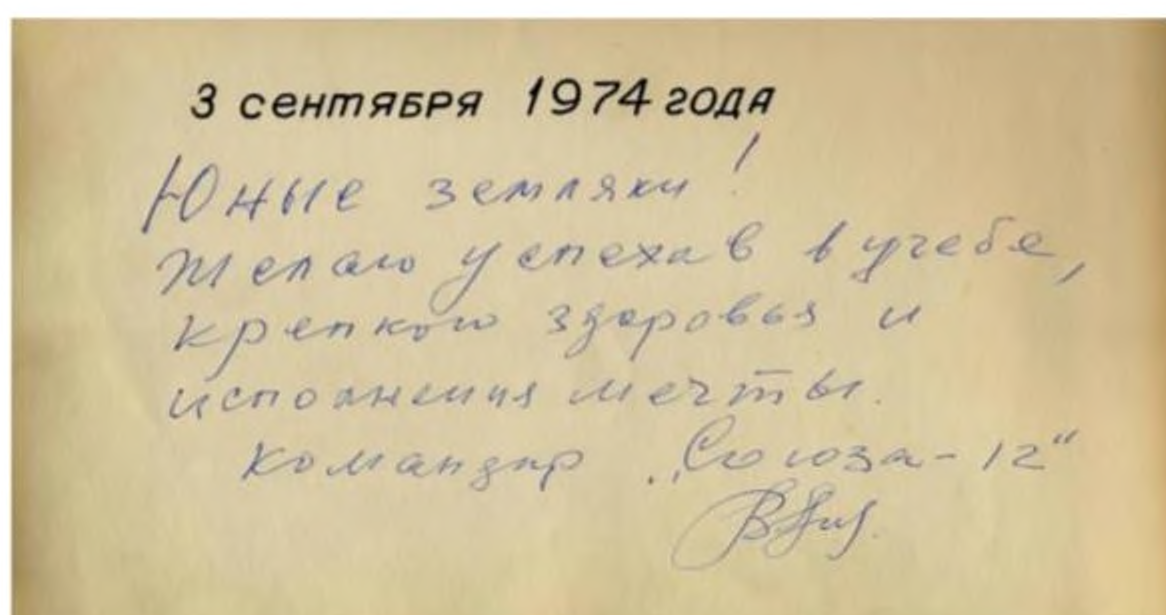

Встреча В.Г. Лазарева у школы.

В этот торжественный день Василия Григорьевича Лазарева встретил директор школы Павел Лукич Казанцев, учителя и ученики школы.

В летописи школы хранится фотография с надписью от Василия Григорьевича, подаренная им музею школы во время визита.

Фотография с памятной надписью.

С 1976 до 1990 года школа носит имя генерала Монголии Чойбалсана – героя Великой отечественной войны.

Чойбалсан – герой Великой Отечественной войны.

Создается музей Советско-Монгольской дружбы под руководством учителя английского языка Галины Алексеевны Багно.

Ежегодно школа принимала гостей из Баян-Ульгийского аймака. В школу из Монголии приезжали делегации различного уровня: от правительственной до передовиков производства и школьников.

*Общешкольная линейка
в честь гостей из Монголии, 1987 год.*

В 1988 году директором школы №1 назначена Нелли Афанасьевна Табакаева.

ТАБАКАЕВА НЕЛЛИ АФАНАСЬЕВНА
Заслуженный учитель Российской Федерации,
Отличник народного образования
Директор школы с 1981 г. по 1985 г.

Табакаева Нелли Афанасьевна.

В это время в школе работает прекрасный драматический кружок и свой фольклорный ансамбль. На всех смотрах художественной самодеятельности школа занимает призовые места.

*Репетиция перед смотром
художественной самодеятельности.*

В 2006 году в школе начинает работать военно-патриотический клуб «Десантник». Ребята вместе со своими наставниками проводили большую работу по патриотическому воспитанию учащихся школы.

Участники клуба «Десантник» на игре «Атака», 2007 год.

Сегодня директор школы Елена Михайловна Старикова возглавляет коллектив из 70 учителей и 1150 учащихся. Открыты два профильных класса – физико-математический и социально-гуманитарный.

С 2015-2016 учебного года в школе реализуется проект «Здоровые дети - здоровая школа». В это же время школа стала опорной площадкой в реализации Всероссийского проекта РДШ.

Школа богата традициями, которые бережно хранятся, преумножаются и передаются из поколения в поколение. Это День учителя, День знаний, уроки мужества и встречи с ветеранами войны и труда, туристический слет, День встречи выпускников и многое другое. Учащиеся школы ежегодно принимают участие в городской спартакиаде школьников, где в течение многих лет занимают призовые места.

В 2016 учебном году в школе появляются новые традиции: «Неделя здоровья», конкурс «Мама, папа, я – здоровая семья», акция «День без телефонов».

Работает ансамбль русской песни «Славяночка», который включен в «Золотую книгу одаренных детей Республики Алтай». История школы продолжается и отражается в летописи школьного музея.

Музейная экспозиция «Страна Пионерия».

И сегодняшние её страницы заполняют новые учащиеся и педагоги, которые сообща идут по нелегкому пути к высотам истины, мудрости и добра в завтрашний день.

Музейная экспозиция «Вехи истории школы».

80 лет школе № 12

Славный юбилей*10

Вот уже почти восемь десятилетий на перекрестке двух городских улиц, в районе Старого Музея, стоит небольшое двухэтажное здание. Любой старожил безошибочно скажет: школа №12. Образована она в 1936 году. Это была первая средняя школа города.

Шли годы, появились новые школы, и наша, не то чтобы утратила свое былое величие, а просто у нее появилось новое лицо.

В 1998 году благодаря усилиям педагогического коллектива под руководством Левченко В.Ю.- выпускника школы 1980 года, при поддержке городского отдела образования г. Горно-Алтайска были открыты классы информационных технологий.

В 2008 и 2010 годах школа признана победителем республиканского конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы.

2011 год - «Лучшее образовательное учреждение г.Горно-Алтайска» за высокие показатели в учебно-воспитательной работе, внедрение инновационных образовательных программ.

2013 год - победитель V Республиканского фестиваля «Лучшие школы Республики Алтай – 2013» в номинации «Результаты, эффекты и перспективы реализации проекта «Развитие кадрового ресурса школы» комплексной программы развития школы.

2014 год - призёр VI Республиканского фестиваля «Лучшие школы Республики Алтай - 2014» в номинации «Результаты, эффекты и перспективы реализации направления «Внедрение инновационного опыта стажировочной площадки».

Школа № 13 на все времена История школы (1937-1945 годы)

*Лыжина Мария Владимировна –
учитель истории, руководитель
музея школы №13.*

Школа... Как много добрых воспоминаний связано с этим словом. Сегодня мы хотим перевернуть страничку истории назад и заглянуть в те далекие от нас времена.

Строительство и открытие школы №13

13 марта 1934 года было принято Постановление ЦК КПСС «О подготовке к введению всеобщего семилетнего образования». Все дети, окончившие начальную школу, должны были учиться дальше. Претворяя в жизнь постановление партии, обком КПСС и Облисполком приняли решение о строительстве в четвертом районе (так назывался наш микрорайон) школы-десятилетки.

По воспоминаниям очевидцев, на территории, где находится наша школа, 80 лет назад была непролазная грязь, маленькие ветхие домишки.

Строительство школы началось в 1936 году, а закончено было к 10-й годовщине Советской власти в октябре 1937 года. Здание было построено в рекордно-короткий срок (менее 2-х лет), причем работа велась без всякой техники, вручную, кир-

пич возили на тачках, поднимали все на 2-ой этаж на носилках. Поистине во всенародную стройку превратилось строительство школы. Здесь работали не только строители, имеющие прямое отношение к этому, но и родители, ученики. Возглавлял стройку великолепный мастер своего дела - прораб Павел Петрович Зырянов.

Павел Петрович Зырянов.

Это был одаренный человек, толковый руководитель. Их сегодня уже нет с нами, но творения, сделанные их руками, до сих пор радуют нас.

Разные воспоминания о школе у ее учеников. Алексей Сергеевич Ивашкин пишет, что в то далекое время школу опоясывали тополя посаженные еще учениками в 1937 году, которые не вернулись в 1945 году. Эти тополя, видимо, от

первого и до последнего мгновения помнили все поколения выпускников тринадцатой школы. В 1992 году тополя вырубили, ушла из жизни целая эпоха. Воспоминания Видос Лидии Тимофеевны «Я помню, как строилась школа, какая она была потом. Вырубили тополя. Жаль, но они видимо затеняли окна. Нет парадного крыльца и статуй пионера и пионерки с барабаном и горном. Появилась котельная. В наше время электричества тоже не было, классы освещались керосиновыми лампами».

Нина Сергеевна Овсянникова - ветеран педагогического труда, поясняет, что в школе не было спортзала, его построили в 1952 году, соединив две классные комнаты на первом этаже. О том, сколько было классных комнат, общее количество учеников и учителей неизвестно, так как данных нет в Государственном архиве.

В один из дней октября 1937 года окраина города, что за Ленинским мостом, огласилась громкими криками детей. Из соседних школ переселялись дети, несли глобусы, карты, даже парты и столы и такое оживление царило, что взрослые заражались этим весельем и помогали ребятишкам. Все перенесли, вымыли пол. А завтра прозвенел первый звонок, пригласивший детей на первый урок. Самыми маленькими в школе были первоклассники. Были они не в формах, а кто в чем.

Хотя школа и была построена как десятилетка, ученики доучивались лишь до седьмого класса, а потом шли учиться в соседнюю школу №12. Первый выпуск десятиклассников состоялся лишь в 1956 году.

Школа в предвоенное время

По воспоминаниям М.В. Кондратьевой: «Коллектив учителей был очень дружный и интеллигентный. О каждом из них со-

хранились воспоминания. Они все имели прекрасные знания, их интересно было слушать, и даже смотреть на них было одно удовольствие. Одевались красиво, но скромно, прически соответствовали званию учителя. А как умели делать замечания! Спокойно. Убедительно. Тактично. В каждом классе было много отличников, ударников (так называли тех, кто учился без троек). Считалось – получить оценку ниже возможной – не уважать учителя. Очень любили и уважали своих учителей за то, что они были Людьми с заглавной буквы во всех отношениях. В трудные годы войны особенно открылись их человеческие качества. Вместе с нами они переживали, когда в дом кому-то приносили похоронку. Успокаивали родителей и детей. Вместе с нами они голодали, переносили холод, на все работы после уроков ходили с детьми и работали тоже. А ведь у них были свои семьи».

Здание школы в предвоенное время (1937-1940 гг.).

Приказом №2 от 16.02.1937 г. был назначен первый директор школы Дмитрий Афанасьевич Затыжнов - учитель географии с тихим глуховатым голосом.

Дмитрий Афанасьевич Затяжнов.

Это был строгий и требовательный педагог, не терпел неправду, ребята его боялись, но, в тоже время, уважали и любили. Спокойный! Когда шел по коридору, казалось, все увидел и все понял: где хорошо, где плохо.

Завучем школы и учителем математики был Виктор Иванович Фролов.

Виктор Иванович Фролов.

Это эрудированный, тактичный с учителями и учащимися педагог. Подтянутый, аккуратный человек. Строгий и ласко-

вый. Прошел слух по школе, что он по глазам «читает» кто выучил урок, а кто нет. Ребятишки глаза свои прятали, как могли (чем, конечно, выдавали себя. Это ведь понятно взрослому).

В архиве музея школы сохранились фотографии первых учителей, что дает нам возможность подсчитать их примерное количество.

Первый коллектив учителей.

Руководила школой в 1939-1941 годах Нина Георгиевна Седакова, которая уделяла большое внимание работе ученического коллектива, а также повышению мастерства учителей, продолжала традиции, заложенные первым коллективом.

Нина Георгиевна Седакова.

В школе перед войной работали различные кружки и секции, которые ребята посещали с удовольствием.

Шахматный турнир 1940 год.

В июле 1940 года в краевой олимпиаде детского творчества коллектив художественной самодеятельности школы под руководством Петра Павловича Виноградова занял первое место. Предстояла поездка в Москву в 1941 году. Но помешала

война... Многим ученикам запомнился хоровой кружок Петра Павловича. Разучивали не просто песенки, занимались серьезно. Петр Павлович учил нас понимать музыку, играть на пианино. Было составлено четкое расписание с утра до вечера. Один час мы пели и один час танцевали: вальс, фокстрот, танго. Час! И ни минуты больше. Это тоже, наверное, была мера воспитания – четкость, обязательность, аккуратность. На высоком уровне была поставлена пионерская работа. Все пионеры носили обязательно галстуки и при встрече отдавали салют.

Совет отряда 3а класса, предвоенные годы.

Первым старшим пионервожатым школы № 13 был Се-
лищев Андрей Петрович - очень дружелюбный, открытый че-
ловек, умеющий вести за собой. В предвоенные годы его сме-
нила Капиталина Михайловна Тербесьева. Пионеры школы
принимали участие в соревнованиях по оборонной работе, в

массовых спортивных играх, походах, соревновались за право носить оборонные значки. В 1940 году в школе было 300 пионеров - это 17 пионерских отрядов.

Лучшие пионеры 6 б класса, 1940 год.

После решения очередного съезда Партии в 1939 году усилился приток молодежи в комсомол. В нашей школе работала комсомольская организация. Первым секретарем школьной комсомольской организации был Август Федорович Богданов. Участник Великой Отечественной войны, окончил летное училище, полковник, награжден орденами и медалями.

Все они поступали тогда по законам, которые диктовало суровое время. И главным из них был - «надо», надо стране - значит, надо и мне. Так жила школа в предвоенные годы. Они были первыми... А первым всегда трудно. Надо было многое сделать: оформить школу, сплотить учительский и ученический коллективы, принимать участие в общественной жизни города. И они достойно выполнили поставленные задачи.

Школа в 1941-1945 годы

Особенно тяжелыми были для школы, как и для всей страны, военные годы. Учителя-мужчины ушли на фронт, надо было организовать работу так, чтобы в каждом классе был учитель. Директором в 1941 – 1945 годах была Полина Давыдовна Горлова.

Вместе с учителями и учениками она переживала холод и голод, утешала детей и женщин, которые получали похоронки, старалась обеспечить детей бумагой, учебниками.

Полина Давыдовна Горлова.

Много выстрадать пришлось и самой школе. В зимний период стояли лютые морозы. Дров не хватало. Разбитые окна прикрывались фанерой, но школа продолжала работать.

Школа №13 в военные годы.

В пальто и варежках сидели дети на уроках, а в чернильницах замерзали чернила. Домашние задания ребята выполняли на газетах при свете коптилок.

Наиболее полно картина жизнедеятельности школы рисуется воспоминаниями очевидцев. Зоя Григорьевна, вспоминает: «Книг, тетрадей, чернил, дневников не было. Разводили сажу и писали на старых газетах. На 30 учеников было по 2 учебника на каждый предмет. Собирались все вместе, старались выучить и понять уроки. Всем было одинаково трудно: и учителям, и ученикам, помогали друг другу, тяга к учебе была большая».

Из воспоминаний Валентины Сергеевны Тепляковой: «Было очень туго с одеждой. Носили одежду, перешитую из довоенных запасов, обувь была на деревянной подошве. До самых снегов ходили босиком. Сумки для школы были тряпочные с карманчиком, куда помещали чернильницу. Мы очень рано выросли, учиться старались хорошо, чтобы приблизить День Победы».

Из воспоминаний Нины Сергеевны Овсянниковой: «Спичек не было, так брат научился высекать огонь из камней. А то ждешь утром, когда у кого-нибудь появится огонек, идешь за угольками, чтобы разжечь печь. Учили уроки вечером, при так называемой, жировушке. В сырой картошке брат выдолбил углубление, вставил туда фитилек и налил свиного сала. Было, конечно, темно, но всё-таки, можно было читать, ходить по избушке, готовить ужин». Тяжело во время войны было с хлебом. В 1941-1942 годы учителям хлеб выдавали в школе по соответствующей норме. Делила его тетя Поля. Когда оставался лишний кусок, она не уносила его домой, хотя имела немаленькую семью, а по очереди отдавала членам коллектива. Давно уже хлеб лежит на полках магазинов в неограниченном количестве, а тот уголок, где его делили никогда не забыть.

Из воспоминаний С.П. Арыковой: «Это были самые трудные годы. Как сейчас помню, по воскресеньям приходили в школу с санками и шли в лес за дровами. Сами валили деревья. Пилили, кололи и везли, вместе с нами были и учителя, и школьный пионервожатый Андрей Петрович Селищев. В эти трудные годы школа не закрывалась, и дети все хорошо учились, переходя из класса в класс. С 1943 года стали возвращаться учителя с фронта. Валерий Иванович - учитель математики, Гаврил Григорьевич Юнушевский - вел военное дело. Они часто нам рассказывали, как воевали на фронте. Моей любимой учительницей была Анна Марковна Васкевич - преподаватель русского языка и литературы. Ее каждый урок ждали с нетерпением. По каждой теме давала нам дополнительную литературу, все были записаны в библиотеку, много раз рассказывала о Москве

(откуда она к нам приехала), привила любовь к книге, и я ее пронесла через всю жизнь».

Из воспоминаний Анны Дмитриевны Гордополовой: «Интересно в школе учиться было потому, что проводились интересные пионерские сборы. После уроков нам учителя и пионервожатая читали книги. Мне запомнилось, как мы слушали, затаив дыхание, книгу «Молодая гвардия» А.А. Фадеева. Все мы переживали за судьбу комсомольцев».

Дети эвакуации сделали школу поистине интернациональной бригадой, здесь учились эстонцы и латыши, немцы и поляки, украинцы и белорусы, объединенные общим горем.

Пионеры вместе с пионервожатыми ученицами 6-7 классов Азой Ешковой и Галей Суртаевой, готовили подарки бойцам: теплые носки и варежки, шили кисеты... хотелось, доставить хоть маленькую радость бойцам. И каждый в тайне мечтал, что его подарок попадет отцу.

Учащиеся школы № 13 нашли свое место в годы войны: участвовали в сельскохозяйственных работах, собирали лекарственные растения, оказывали помощь семьям фронтовиков; вносили деньги, заработанные своими руками на строительство танков, пушек, самолетов. На уроках изучали санитарное дело. В этом им помогал врач Дмитрий Александрович Дивногорский.

*Лучшие санитары школы во главе с врачом
Д.А. Дивногорским.*

В школьном музее сохранился список учеников 9-го класса, которых застала война во время учебы в школе. Она не дала осуществить мечты многим выпускникам. Из воспоминаний Л.Т. Видос: «А наши мальчики рвались на фронт. Уходил на фронт Виталик Затяжнов. Вечером он пришел в школу проститься. Пришло много учеников разных классов. Собрались в классе на верхнем этаже. Долго говорили обо всем. Желали ему солдатского счастья и конечно же возвратиться домой... Через месяц он погиб. Другой наш ученик Митя Степучев сбежал на фронт 16-летним, воевал, вернулся. Дальнейшая его судьба мне не известна».

На фронт уходили и девушки. Из воспоминаний Екатерины Павловны Цвеленовой: «Идешь в школу и не знаешь, может, в последний раз. Заходит военком в класс, перечисляет, кто на выход. А потом парикмахерская. Были и слезы, не хотелось расставаться с косой. Но приказ есть приказ. Да и зачем солдату косы?

Служили в медсанбатах, связистками, стирали белье. Трудно было очень». По призыву партии и правительства из стен нашей школы ушли на фронт защищать Родину 4 учителя и 21 ученик. В 1967 году на собранные средства был установлен памятник с именами учителей и учеников ушедших на фронт.

Памятник учителям и ученикам. Фото 1968 года.

В музее бережно хранятся под стеклом похоронки и фронтовые письма, школьные документы военных лет: справки, табеля, школьные тетради, дневники, грамоты, благодарности, учебники, ксерокопии приказов военного времени...

Жизнь школы в военное время кардинально изменяется. Учителя и ученики уходили на фронт, оставшиеся в тылу, в основном старики, женщины и дети, трудились на благо Родины. Учебно-воспитательный процесс был организован в соответствии с задачами военного времени.

Используемые источники:

1. В городе началась постройка новых зданий школы десятилетки и педтехникума // Красная Ойротия. - 08.04.1936 . - №48
2. Ивашкин А.С. Когда деревья были большими / А.С. Ивашкин // Звезда Алтая. – 2011. - №73. С. 5.

С юбилеем школа №6!

Здесь учился Шуклин

*Ракитянская Татьяна Евгеньевна –
заместитель директора
по учебно-воспитательной работе.*

80 лет назад была открыта школа № 6 (ныне муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей №6 им. И.З. Шуклина г.Горно-Алтайска»).

Годом рождения школы считается 1938 год. Известно, что до этого она размещалась в трех деревянных домиках по улице Ойротской № 15, затем адресом школы стал проспект Сталина № 73, в настоящее время пр. Коммунистический, д. 63.

Начиналась школа с 18 классов-комплектов, где работали 18 педагогов и обучалось 576 учеников, а рассчитана она была на 360 человек. Школа имела всего 12 классных комнат, отсутствовал спортивный зал, но во дворе была сооружена большая спортивная площадка.

Первым директором школы был Николай Александрович Бечин, завучем - Федор Никифорович Шадрин. 20 июня 1941 года 19 учеников первого школьного выпуска получили аттестаты о среднем образовании. Не успели замолкнуть звуки прощального школьного вальса как началась война. Так уж

случилось, что первые выпускники школы оказались в числе первых защитников Отечества. Многие из выпускников ушли навсегда: Илья Шуклин, Александр Банеев, Сергей Гребенников, Рафаил Агапов пали смертью храбрых.

В 50-е годы в стенах школы родилось много трудовых традиций. Первыми вышли комсомольцы на гору Тугая для высадки клена и сосны. Всего было засажено 150 гектаров леса. В первую очередь приступили к благоустройству нашего города и территории школы.

В 1957 году коллектив школы выступил с инициативой - присвоить школе имя одного из ее первых учеников Героя Советского Союза Ильи Захаровича Шуклина.

Большая работа по подготовке и присвоению школе имени И.З. Шуклина была проведена под руководством учителя истории, завуча, а затем и директора школы Павла Лукича Казанцева. Этот удивительный, талантливый человек, ветеран Великой Отечественной войны, остался в памяти горноалтайцев как неутомимый труженик и организатор системы народного образования в Горном Алтае. Решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся от 21 августа 1957 года № 572 Горно-Алтайской средней школе №6 было присвоено имя Героя Советского Союза Ильи Захаровича Шуклина.

Школа растёт. Приходят новые учителя и ученики. В 1983 году сдается в эксплуатацию пристройка к школе, которая радует всех большим актовым залом, вместительным спортивным залом и просторной столовой.

В 1991 году по решению Горно-Алтайского Совета народных депутатов при средней школе № 6 был открыт классический лицей. Школа получила более высокий статус и стала

называться Горно-Алтайской городской средней (полной) общеобразовательной школой-лицеем №6 имени Ильи Захаровича Шуклина. Инициатором создания лицея и идейным вдохновителем коллектива педагогов была Нина Петровна Оглезнева (руководила школой с 1984 по 1992 годы). Под её руководством лицей обрел статус лучшего образовательного учреждения города.

Творческий труд педагогического коллектива всегда оценивался по достоинству: в 2005, 2007 годах по решению администрации Горно-Алтайска лицей признан победителем в номинации «Лучшее образовательное учреждение города».

В 2006 году учитель биологии Антонина Константиновна Китринская стала первым в лицее лауреатом премии Президента Российской Федерации в рамках приоритетного национального проекта «Образование». С того времени уже 12 педагогов гордятся званиями лауреатов этой почетной премии.

В 2007 году лицей становится победителем Всероссийского конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы в рамках приоритетного национального проекта "Образование".

В 2009 году лицей стал победителем конкурса "Лучшие школы Республики Алтай".

С 1995 года ежегодно педагоги лицея становились победителями городских (1995, 1997, 2004, 2007, 2008, 2012, 2013, 2016, 2017 годы) и республиканских профессиональных конкурсов «Учитель года», «Воспитать человека» и других.

С 2009 года лицей является ресурсным центром по апробации механизма введения Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования, основного общего образования.

В 2013 году лицей вошел в ТОП - 500 лучших образовательных организаций России, обеспечивающих высокий уровень подготовки выпускников. В этом же году учебное заведение стало лауреатом конкурса «100 лучших школ России» в номинации «Лучший лицей» по решению организационного комитета Всероссийского образовательного форума «Школа будущего. Проблемы и перспективы развития современной школы в России».

С 2014 года лицей является стажировочной площадкой регионального уровня по теме «Модель сетевой организации методической работы в условиях введения Федерального государственного образовательного стандарта».

Лицей сотрудничает с Международным благотворительным фондом «Дети мира».

Команда лицея четырежды под руководством учителей физического воспитания Тимура Корниловича Балахнина и Евгения Валерьевича Алекова принимала участие во всероссийском этапе Президентских спортивных игр в г. Туапсе (2014, 2015, 2016, 2017 гг.). В 2017 году команда лицея заняла II место среди команд регионов Российской Федерации, принимавших участие в соревнованиях.

В 2017 году лицей стал лауреатом конкурса «Школа высоких педагогических технологий» по оценке независимого общественного совета конкурса «Школа высоких педагогических технологий-2017» (г. Санкт-Петербург).

Среди славных выпускников лицея есть замечательные спортсмены, ученые, деятели науки, культуры, педагоги, знатные труженики. Лицей по праву гордится, что из его стен вышли замечательные люди, внесшие огромный вклад в развитие Республики Алтай: глава РА, председатель правительства РА

А.В. Бердников, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности, член Совета Федерации от Республики Алтай В.В. Полетаев, председатель шахматной федерации РА, отличник физической культуры и спорта РФ Ю.Т. Ченцов, врач-хирург высшей категории, народный врач СССР, заслуженный врач РСФСР, почетный гражданин Горно-Алтайска А.М. Гоман, депутат Государственного Собрания – Эл Курултай РА С.А. Ефимов и многие другие.

Свое 80-летие со дня своего основания лицей празднует под руководством Галины Ивановны Зыряновой, депутата Горно-Алтайского городского Совета депутатов, Почетного работника общего образования Российской Федерации, выпускницы лицея, учителя с большим стажем работы.

Школа № 8 – прошлое, настоящее, будущее

По материалам школьного музея

Теплякова Валентина Сергеевна.

Время, отделяя от нас военные годы, позволяет глубже и полнее оценить те далекие времена конца 30-х и начала 40-х годов прошлого века, когда была построена и начинала работать наша школа. Это были предвоенные и военные годы – время чрезвычайно трудное и тревожное. Необходимо вспомнить и тех, кто строил школу и тех, кто первым начинал работать в ней.

Здание бывшей начальной школы №8.

Перед войной, в 30-х годах, в городе очень быстро шло строительство школ. Начиная с 1936-го года, каждый год сдавалось по школе: в 1936 году вступила в строй школа № 12, в 1937-м – школа № 13, в 1938-м - №6, и с сентября 1939 года вступила в строй и наша школа №8. До войны оставался один год и 9 месяцев. Войной уже пахло в мире, чувствовалось это и в нашей глубинке.

Место для школы № 8 было выбрано в конце улицы Карагузинской (*сегодня это улица имени П.В.Кучияк, ред.*), напротив бывшей начальной школы №8. Где сейчас расположено кирпичное здание школы, в то время стояло два добротных дома: Табакаевых и Поповых, между домами был колодец. Жильцам построили дома в другом месте города, а колодец долго ещё давал воду жителям улицы и школе. А дальше были улицы – Болотная, Торфяная и Улалушинская. И по названиям улиц было понятно, что места на этой окраине города были болотистые.

Трудно сейчас представить, что это была самая окраина города. На следующей фотографии видно, что за школой почти нет домов.

Здание школы №8. Фото 1939 года.

Кроме учеников начальной школы в новом здании полностью разместилась семилетняя «Зелёная школа».

Строительством школы руководил Евгений Семёнович Глазачев. По воспоминаниям его дочери, это был энергичный и очень работоспособный человек. Во время революции Евгений Семёнович участвовал в установлении Советской власти в Улале. При создании области возглавил отдел культуры и образования. В тридцатые годы был организатором и первым председателем колхоза «Трудовик». С началом интенсивного капитального строительства в городе Е.С. Глазачев возглавил строительную организацию, которая кроме нескольких кирпичных школ построила Дом Советов.

Здание школы №8. Фото 1940 года.

Начало строительства школы вспоминает В.А. Сластёнин, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, её выпускник 1945 года: «Когда в конце Карагужинской улицы строили новую школу, она нам, колхозным мальчишкам и девчонкам, казалась гигантским сооружением».

Вдалеке от центра стояла наша школа. Теперь же, по большому счёту, это самый центр Горно-Алтайска.

Напротив школы жила семья Ермаковых. Глава семьи Николай Егорович Ермаков принял активное участие в возведении большого здания. Он был столяром: делал рамы, двери, столы, парты, стеклил окна. Его рамы поменяли только в 90-х годах! Николай Егорович был не только прекрасным столяром, он до самозабвения любил музыку, хорошо играл на гармошке и этому мастерству учил своих сыновей. Один из них делал замечательные скрипки и мастерски играл на них. Второй прекрасно владел игрой на гитаре. Одноклассники вспоминают о них как о добрых и отзывчивых парнях. Оба сына

школьного столяра и музыканта погибли на войне. Николай Егорович работал в школе до самой пенсии.

Екатерина Николаевна Черникова участвовала в строительстве школы штукатуром, а в годы войны возила на корове дрова для школьной котельной. Построенной без печного отопления школе постоянно грозила опасность разморозения системы. Каменного угля в те годы в городе не было, а дрова в прожорливой топке улетали моментально.

Вера Дорофеевна Урусова в годы войны работала в школе техничкой и старшим кочегаром. Сама колола дрова, садила вместе с биологами и учащимися школьный огород. Она, по воспоминаниям выпускницы 1946 года Зои Николаевны Стебуновой умела делать всё. Однажды, сняв с себя тёплую одежду, укрыла застывающие батареи отопления. Труд этой замечательной женщины отмечен медалью «За трудовую доблесть в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов».

Школа № 8 в конце 40-х годов.

Мы знаем, какие потери понесла наша страна, как трудно было и на фронтах и в тылу. Много пришлось сделать людям, чтобы выстояла школа во время войны, чтобы каждый год выпускала готовых к труду и защите Родины учеников. В основной массе это были молоденькие девчонки. И эти строки о них:

*Их девичьи руки грубели
От гари и стужи стальной.
Они не носили шинели,
Но были в страде боевой.
Их молодость кончилась рано,
Нелёгким был жизни маршрут.
Горят на груди ветеранов
Медали «За доблестный труд».*

Первым директором школы был назначен молодой, энергичный Леонид Матвеевич Бороданов.

Но уже 7 февраля 1940 года мы находим в книге приказов такую запись: «Ввиду моего отъезда в Армию своим заместителем с 8-го февраля оставляю тов. Щетинина Терентия Степановича».

Терентий Степанович Щетинин работает до 31 июля 1941 года и тоже уходит на фронт. Уходят на фронт учителя-мужчины: Николай Васильевич Ялбачев, Иван Степанович Чевалков – учитель литературы. Вместе со своими учителями уходят на фронт выпускники и старшеклассники.

Так Николай Васильевич Ялбачев был классным руководителем 9-б класса. Когда началась война он вместе с некоторыми из своих учащихся уходит на фронт.

Актив школы, 3 марта 1941 года.

На этом снимке: Вениамин Чевалков – участник Великой Отечественной войны, полный кавалер ордена Славы, Вениамин Суртаев – участник Великой Отечественной войны, Валентина Корчуганова – участник Великой Отечественной войны, Борис Милютин – участник Великой Отечественной вой-

ны, Лев Грудницкий – участник Великой Отечественной войны, Владимир Грудницкий – участник Великой Отечественной войны, был в плену, Васильченко Николай – участник Великой Отечественной войны, ранен, Александр Алтарыков – погиб на фронте, Николай Ермаков – погиб на фронте, Таисия Ефимова – погибла на фронте, Александра Плотникова – погибла на фронте, Юрий Черников – погиб на фронте, Николай Ракитин – погиб на фронте, Николай Неретин – погиб на фронте...

Многое изменила нагрянувшая война в школе № 8. Осенью 1941 года она недосчиталась мужчин-учителей и многих старшеклассников – они ушли на фронт. Однако удалось набрать в десятый класс 35 человек. Закончило школу в 1942 году всего десять учащихся. Кто-то ушёл на фронт, а большинство заменило на рабочих местах родителей.

«В сентябре 1941-го года, когда, мы пришли в школу, - вспоминает Мария Евгеньевна Карпова, - было даже страшно: не было учителей-мужчин и многих старшеклассников. Они ушли на фронт».

В 1960-м году Мария Евгеньевна работала директором в родной школе.

Карпова Мария Евгеньевна.

Хочется немного сказать о тех учителях и выпускниках, которые ушли на фронт.

Итак, в феврале 1940-го года Леонид Матвеевич Бороданов отправляется на Финский фронт. Затем в г. Куассоры Азербайджанской ССР учится в военном училище и в 1941 году его отправляют на Южный фронт, в Крым.

Демобилизовался в 1946 году. Немного поработал завучем в Кызыл-Озёкской школе, в 1947 году вернулся в родную восьмую школу на своё место. В 1948 году он переехал в г. Новосибирск, сдав школу Дмитрию Евлампьевичу Жданову. В своём письме из Новосибирска Леонид Матвеевич вспоминает учителей-комсомольцев, все почти были молодые: Николая Васильевича и Нину Александровну Ялбачевых, учителя начальных классов, Анну Васильевну Кувалдину, завуча школы и других.

О тех трудных годах учёбы в школе вспоминает Нина Сергеевна Овсянникова, закончившая в 1945 году семь классов: «Время было трудное. Война.... В школе зачастую было холодно. Мы часто занимались одетыми, застывали чернила, зябли руки.

Вместе с классной руководительницей, Анной Ивановной, мы из Улалушки возили дрова на санках. Там их готовили взрослые. Каждое утро большой караван детей с санками тянулся к берегу реки.

Почему-то в военные годы было очень холодно. В одну из зим у меня не было валенок и я не могла ходить за дровами вместе со всеми, тогда мне приходилось по несколько поленьев приносить из дома.

Бумаги и чернил не было. Выход находили разный: писали на книгах между строк, чернила делали из сажи и свёклы.

Чтобы поддержать наши голодные желудки на одной из перемен нам выдавали по маленькому кусочку чёрного хлеба, который приносили дежурные на фанерных дощечках. Иногда выдавали пареную кукурузу. Спасал жмых, который мы могли грызть вволю, а вот откуда он появлялся, не знаю до сих пор. В четвёртом классе после уроков ходили убирать хмель. В седьмом классе изучали санитарное дело. Много маршировали под любимую песню: «Эх, махорочка, махорка, подружился я с тобой...». Вместо дежурных в классе были дневальные, которые докладывали учителю о готовности класса к уроку. В младших классах работали в тимуровской команде, помогали своим же девочкам и мальчикам, у которых отцы были на фронте, управляться дома. Собирали тёплые вещи, писали письма фронтовикам и очень радовались их ответам.

Много трудностей перенесли мы в годы войны, приходилось очень много работать. Зачастую уроки готовить было некогда: много стояли в очередях за хлебом, а вечером не было света, были только коптилки. Но росли мы трудолюбивыми выносливыми - всё это очень пригодилось в жизни».

О трудных годах учения в военные годы вспоминает также и академик В.А. Сластёнин: «Моя учёба в школе совпала по времени с Великой Отечественной войной. Но, может быть, именно это тяжкое испытание делало нас дружными, честными, трудолюбивыми. Не считайте это преувеличением, но правда состоит в том, что школьные уроки стали для меня подлинными уроками жизни. Самый главный из этих уроков я для себя сформулировал так: счастье не прилетает на призрачных крыльях везения – счастье добывается в труде.

О детстве у меня самые нежные воспоминания, хотя жизнь была трудная. С самых ранних лет подростками мы

трудились в колхозе, а в годы войны заменили отцов. Довелось работать и подпаском, и в поле на пахоте и бороновании. Всё делали».

Случалось, что пас он и колхозное стадо в 300 голов. Работали с 5-ти часов утра и допоздна ежедневно. В жару и в холод помогали зарабатывать семье на хлеб. И дома он опекал младших брата и сестру, а потом с холщёвой сумкой с улицы Улалушинской он шагал в школу №8. И учился на пятёрки, и спортом успевал заниматься – вот таким было оно военное детство старшего поколения. В школе он был секретарем ВЛКСМ. Своё кредо в жизни Виталий Сластёни выразил такими словами:

*Живи, терпением запасаясь впрок,
Пустой мечтой не меряй расстоянья,
Трудись, не покладая рук, - и в срок
Придёт к тебе и слава и признание.*

Вместе со всеми в первые дни войны на фронт ушёл учитель астрономии и географии Николай Владимирович Архипов. На Алтай он приехал по направлению и безумно влюбился в него, назвав его «сбывшимся сном детства». В письмах мечтал вернуться в наш город, перевезти родителей, развести пчёл.

В школьном музее хранится письмо Николая Владимировича, которое он писал с фронта отцу:

19.03.44

Любимый отец!

Сегодня у меня самый радостный день. Получил 18 писем. Среди них нашёл письмо с далёкого Севера. Искренне рад твоему вниманию ко мне. Получил письма от Евгении. Напишу ей ответ. Письма получил от Александра. Он пока жив и

здоров. Правда, испытывает большие трудности материального порядка. Сын всё ждёт моего возвращения. Скучает об отце. Много писем получил от друзей и знакомых. Приятели не забывают своего старого друга, а бывшие воспитанники – своего учителя. Круг друзей у меня обширный. Скучать не дают. Пишут мне научные работники Москвы, бывшие на войне в период бомбёжки столицы. Там мы и познакомились. Получил сразу три письма от Марии Мироновны Бартановой. Она убита горем, которое постигло её. Муж и сын Николай – убиты. Борис – инвалид Отечественной войны. Обещала написать тебе. Напиши ей пару ласковых строк. Облегчь её страдания. Она теперь совсем одинокая.

Пару строк о себе. С 21 января находимся в походах. Ведём бои с немчурой. Прошли на запад сотни километров. Видел многое на пути. Сотни сёл и городов сжёг подлый враг. От Великого Новгорода остались одни развалины.

Мирные жители радостно встречают воинские части. Даже старики не могут рассказывать без слёз о рабской жизни у Гитлера. Недалеко Балтика, только десятки километров разделяют нас от Прибалтийских республик. Наступает весна, а мы, вопреки врагу, развиваем наступление. Подлый враг пытается задержаться на заранее подготовленных рубежах. Строит рвы и инженерные сооружения. Но никакая сила не остановит наше продвижение вперёд. Лопается, как мыльный пузырь, «эластичная» оборона Гитлера. На протяжении почти двух месяцев живём в условиях походной жизни. Приходится переносить многое. Зима, а мы под ёлочкой в лесу, на мягкой снежной перине, у костра, проводим свой ночлег. Чистый зимний воздух, совсем «курортная» жизнь. Несмотря на многие трудности походной жизни – организм

вполне справляется со своими обязанностями. Я даже стал немного свежее, закалился в ожесточённых схватках. Раны зажили, и теперь чувствую себя хорошо.

У нас ещё стоит холодная погода, а, казалось бы, влияние моря должно смягчить ленинградский климат. Сегодня начинает пахнуть весной. Солнце греет лучше. Только вот опять беда – болота, болота. Сколько их здесь!

Хорошо сделаешь, если устроишься на Алтае. Там можно заниматься пчеловодством. Я тоже мечтаю об этом. Во то-гда, после войны, мы выпьем чайку с медком. Правда ведь? Будешь там с Альбертом на рыбалку ходить да за пчёлами ухаживать. Я знаю, что любишь. Это хорошее мероприятие. Рад, что успехи в школе у тебя хорошие.

*Ну, пока, отец, до свидания! Крепко обнимаю и целую тебя.
Твой Николай!»*

На оригинале хранящегося в школьном музее письма рукой отца сделана приписка: «Убит 22 марта 1944 года в Ленинградской области, Псковский район, с. Базарово, около церкви».

Письмо ещё было в пути...

Длинный получился список погибших на войне в школьном музее, но тех, кто уцелел, трудное время сделало настоящими людьми: честными, трудолюбивыми, целеустремлёнными.

Многое можно узнать о жизни школы 50-х годов из воспоминаний её выпускников 50-х годов.

Так, вспоминает школьные годы ветеран педагогического труда, Отличник народного образования, Нина Михайловна Редкова-Карпова: «Из школьных учителей ярко помню Чопорова Семёна Кузьмича. Душа-человек, и такой симпатичный,

живой, играл на балалайке, на скрипке. Уроки в школе вёл в военной форме, подпоясанный широким ремнём – ходить было больше не в чем. Время послевоенное было трудное. Очень интересно он вёл свои уроки физики, видно было – влюблён был в свой предмет.

Мы очень любили Дмитрия Евлампьевича Жданова, директора нашей школы. Вёл он литературу, умел рассказывать, убеждать, ведь они прошли войну, цену жизни познали сполна и старались всё вложить в наши души. Директор тоже ходил в военной форме в школе.

Математику вела Чепкина Зоя Ивановна, потом Калугина. Моя первая учительница – Сальникова Мария Андреевна. Биологию вела Ольга Андреевна, такая полненькая, темноволосая и очень душевная.

Нам очень нравилась школа, потому что дома всегда хотелось есть, а в школе забываешь и про голод и про болезнь. Ходили мы в школу босиком. Улицы были страшно грязные, ходить было очень трудно.

Но жизнь казалась нам интересной и мы старались везде участвовать. Я была секретарем школьной комсомольской организации, а Анна Васильевна была председателем родительского комитета. И вместе с ней мы ходили в Горисполком, добивались, чтобы построили на улице нашей деревянные тротуары. И так были рады, что добились своего; а потом гордились, что хлопотали, что сделали и для людей доброе дело».

Вот воспоминания Араса Александровича Фролова, выпускника 1952 года. После окончания школы он окончил технологический техникум и работал во вспомогательной школе, преподавал детям уроки труда: «Я очень любил спорт, и наша школа была почти всегда на первых местах по всем видам

спорта. Наши знаменитые спортсмены тех лет –Сергей Шумов, Саша Колокольников, Николай Малков, Иван Бабин, Валерий Козлов.

В музее была инспектор, она нас водила на Каракольские озёра и в Бирюлинские пещеры. Это познание своего края, природы было очень интересно»

Николай Петрович Малков учился в классе Надежды Станиславовны Пашковой. Он потом, как и его брат Юрий Петрович, окончил Горно-Алтайский пединститут и оба защитили звание кандидатов биологических наук.

Они всю сознательную жизнь там и проработали. Николай Петрович несколько раз побывал со студентами в Америке. Это неординарная личность. О нём хочется сказать особо. Это человек широкого диапазона. Он любит людей, свою работу, семью, туризм, поэзию... всё. Он очень скромный человек.

Трудно перечислить из числа выпускников школы всех докторов и кандидатов наук, заслуженных врачей, учителей, инженеров, кто приумножил славу не только нашей республики, но и всей России.

В 1952 году окончили школу Леонид Николаевич Суртаев – единственный за Уралом художник по гобеленам; Владимир Данилович Запрудаев – художник-пейзажист, портретист. Он воспевал природу родного Алтая и его людей. Оба они члены Союза художников РФ.

*Леонид Николаевич Суртаев –
художник по гобеленам.*

Выпускница 50-х Нина Булина и Гутя Плотицына вспоминают: «В наше время, несмотря на все трудности, было много интересного. Выше старого кладбища была большая поляна, и мы на ней сажали лес. Дрова и уголь в школу не привозили, поэтому нам приходилось заготавливать их самим. По реке сплавляли метровые чурки, разрезанные пополам. Мы их вытаскивали из реки мокрые, без рукавиц даже в морозы и носили в школу, чтобы в ней было тепло. А однажды стояли сильные морозы. Батареи на втором этаже замерзли. Да, что

говорить, было трудное время. Ходили пешком в колхоз Чкаловский, Алфёровский и копали картошку».

Многие из учащихся 50-х годов заканчивали пединститут, педучилище, медучилище, горный институт, институт пищевой промышленности.

Иван Бабин – после окончания педагогического училища пошёл работать в школу-интернат, где дети лишены родительской заботы и ласки, стараясь заменить им родителей.

Иван Михайлови Бабин.

Но проработать ему довелось недолго. Однажды в воскресный день он повел детей на экскурсию в природу, на гору. Там же оказались сбежавшие на этот момент из тюрьмы. Они были вооружены и стали приближаться к детям, но на их пути встал воспитатель Иван Бабин, прикрывая собой детей. Не дрогнула рука преступника. Так погиб в мирное время, как на передовой, наш выпускник – Иван Бабин. Вечная ему память...

Сколькоим обездоленным детям он мог бы заменить отца!?
Он погиб, но память о нём осталась до сих пор...

*«Он погиб, как должно быть солдату.
Жизнь свою за жизнь детей отдав...»*

Автор: Тулаев К.Я.

С 1957-го года школа становится восьмилетней. В школе в то время был сад-огород, проводились детьми опытнические работы. На участке росло абсолютно всё: и деревья, и кустарники, цветники, ягода. Выращивали овощи, причём рассаду сеяли, выращивали, высаживали в парники – всё сами – учителя и дети. В школе была лошадь для нужд школы. Для неё тоже нужно было сена заготовить, ухаживать за ней. Всё это делалось своими силами. Дети тогда и учились и очень много трудились физически.

Большое значение обращалось на систему воспитания ребят: октябрята, пионеры, комсомол. Замечательная система была, где всё было продумано до мелочей. Благодаря этой стройной системе у ребят вырабатывалась ответственность, трудолюбие, взаимовыручка, забота о младших и старших. Все трудности того времени воспитывали настоящих патриотов своей страны. О том, как работала школьная детская организация, мы узнаём из грамот и других поощрений.

Из воспоминаний А.К. Дедина: «Ежегодно летние каникулы ребята посвящают походам по родному краю и знакомству с другими городами. Доброй традицией в нашей школе стали соревнования, в которых за хорошую учёбу и примерное поведение, за большую общественную работу класс, набравший наибольшее количество очков, награждался поездкой. Так, ребята побывали в г. Новосибирске, на Телецком озере, по партизанским тропам Петра Сухова, в городе Барнауле и

т.д. Каждый год школа принимает активное участие в смотре художественной самодеятельности. Учителя овладевают техническими средствами обучения, чтобы можно было работать более эффективно».

В 1966-68 годах в школе появляется домро-балалаечный оркестр, куда принимали в основном трудных ребят, чтобы отвлечь их от дурных дел. И шли они в оркестр с удовольствием. Работает танцевальный кружок, которым руководят Золотухина Р.И. и Теплякова В.С. Костюмы шьются самими детьми. Материал, конечно, ситец, сатин, а для спектаклей ткань давала ткацкая фабрика - наши шефы. Мы красили её там же в разные цвета и шили любые костюмы, рисовали задники, изготавливали декорации для больших спектаклей.

Мастерской в школе не было. Она появилась только в 1974 году.

Школьная мастерская. Фото 1974 года.

Занимались, где приходилось: труды у мальчиков велись в подвале, где когда-то была котельная, а девочки занимались в раздевалке, в лаборатории кабинета химии, в столовой, что было, конечно же очень неудобно, и качество урока тоже вы-

сокого не достигнешь. Оборудования для мастерских, можно сказать, не было, то, что была – всё старое. Однако, дети занимались с большим желанием, и даже в таких условиях шили себе сами выпускные платья.

Закончить повествование о школе хочется строками стихотворения, написанного выпускниками 1965 года:

*Учился с каждой четвертью упорней.
Твой табель взгляд родителей ласкал.
А ты был счастлив, ты с восторгом корни
Искал в словах, из чисел извлекал.
И Новый год, сверкающий, волшебный,
Как эпизод, входил в твой год учебный.*

*Ты только на каникулах, бывало,
Мечтал пилотом стать иль моряком,
А возвратившись в школу, для начала
Мечтал ты лучшим стать учеником.
И ты был прав. Умение учиться
Не менее, чем знания, пригодится.*

*В любом из нас сидит школяр-невольник,
Боящийся, что вызовут к доске.
В любом из нас живёт весёлый школьник,
Чертящий теоремы на песке.
За школьный дух без примеси школярства,
Как за коня, ты отдал бы полцарства.*

РАЗВИТИЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Педагогический техникум
(ныне Горно-Алтайский педагогический колледж)

*Шубина Н.Б. – заместитель директора
по научной работе.*

Среднее педагогическое образование в Республике Алтай зародилось с созданием в 1928 году Ойротского педагогического техникума, задачей которого стала подготовка учителей для первой ступени обучения.

Ойротский педагогический техникум. Фото 1932 года.

По данным переписи 1920 года, грамотные жители составляли всего 6% коренного населения Ойротии, поэтому народное образование испытывало острую потребность в квалифицированных учителях. 7 октября 1928 года по распоря-

жению областного отдела народного образования первый директор В.П. Павлов приступил к исполнению обязанностей и комплектованию педагогического коллектива, который был тщательно подобран из разных учреждений и состоял всего из 14 человек. Среди преподавателей были выпускники вузов Москвы, Петербурга, Ленинграда, Томска. В 1937 году техникум был преобразован в педагогическое училище, а в 1992 году – в Горно-Алтайский педагогический колледж.

В разные годы учебным заведением руководили известные в Горном Алтае люди: В.А. Клячев, М.Г. Коляденко, Ш.И. Баклыков, М.Т. Ревякин, Н.М. Успенский, А.А. Кочеева, Н.Ф. Копытов, П.И. Чепкин, Т.П. Наумкина, Н.А. Табакаева. В 2015 году директором колледжа была назначена кандидат педагогических наук Ольга Григорьевна Облецова.

За многие годы в колледже сложился творческий коллектив педагогов, многие из которых имеют награды; 17 преподавателей награждены почетными званиями: три заслуженных учителя Российской Федерации (Н.А. Табакаева, Г.И. Князева, Р.И. Манышева); три заслуженных учителя Республики Алтай (Р.У. Ютеева, Н.А. Матвеева, М.Ю. Анышева). Все педагоги – высококвалифицированные специалисты, имеют высшее образование, из них 3 кандидата наук. Преподаватели Горно-Алтайского педагогического колледжа постоянно занимаются повышением собственной квалификации, участвуют в конкурсах профессионального мастерства, занимая в них призовые места.

Основной деятельностью колледжа является реализация программ среднего профессионального образования повышенного уровня по шести педагогическим специальностям. На базе колледжа функционирует учебный центр профессиональных квалификаций, где идет обучение по программам допол-

нительного профессионального образования, организуется повышение квалификации работников образования Республики Алтай.

Работает группа кратковременного пребывания детей дошкольного возраста. Педагогический колледж является базовой организацией по работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья и ресурсным центром по этому направлению. В 2016 году коллектив педагогов и студентов активно включился во всероссийское движение «Молодые профессионалы» (WorldSkillsRussia).

Современное здание Горно-Алтайского педагогического колледжа.

Студенты колледжа живут насыщенной жизнью, показывают высокие результаты не только в учебной, но в исследовательской, внеурочной, волонтерской и спортивной деятельности; являются стипендиатами мэра и лауреатами различных премий, учрежденных в Республике Алтай.

Становление медицинской школы

Федотов Федор Федорович – кандидат медицинских наук, директор медицинского информационно-аналитического центра.

Знаковым событием 30-х годов является создание в Ойрот-Туре фельдшерско-акушерской школы (1936 год). Сначала она располагалась в 2-х этажном деревянном здании по ул. Социалистическая № 1, напротив Дома культуры.

Первое здание медицинской школы. Фото 1937 года.

В 1938 году состоялся первый выпуск медицинских сестер.

В грозные годы Великой Отечественной войны для фронта острой необходимостью была нехватка медицинских сестёр

во фронтовых госпиталях. На призыв райкомов и горкома комсомола откликнулись сотни девушек, желающих овладеть специальностью медицинской сестры.

Одна из групп медучилища. Фото 1941 года.

Однако не всем удавалось попасть на фронт. Необходимо было оказывать профессиональную медицинскую помощь и в отдалённых аймаках.

ВЫПСКА ИЗ ПРИКАЗА
по отделу здравоохранения Горно-Алтайского облисполкома
№ 53 от 17 августа 1942 года

Фельдшера ОСИПОВУ Марию направить в распоряжение
Эликманарского аймакздравотдела.

Подлинник подписал: зав. облздравотделом – ТАРАСОВА.

Копия с подлинником верна:

Зам. Зав. отделом здравоохранения
Горно-Алтайского облисполкома: – П. СИДОРОВ.

*С такими направлениями выпускники школы
направлялись в районы области.*

После войны медицинская школа была переведена в 2-х этажное каменное здание по пр. Сталина (совр. пр. Коммунистический, д. 54).

*Медучилище на проспекте Сталина.
Фото 50-х годов XX века.*

Здесь она находилась до 2003 года, когда было введено в эксплуатацию новое современное здание по пр. Коммунистическому, д. 116.

Современное здание Медицинского училища.

В настоящее время, после капитального ремонта в бывшем здании медучилища размещается Минздрав Республики Алтай.

*Министерство здравоохранения Республики Алтай.
Фото 2017 года.*

**КЛАССИЧЕСКОЕ
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**
**Горно-Алтайский государственный университет –
истоки, традиции, итоги**

*Бабин Валерий Геннадьевич –
ректор Горно-Алтайского
государственного универси-
тета, кандидат историче-
ских наук.*

Отразить суть классического образования, сформулировать принципы и подходы к развитию классического университетского образования на современном этапе, дать полное представление об университете в короткой статье невозможно. Поэтому мне хотелось бы дать очень краткий исторический экскурс о истоках, становлении и развитии Горно-Алтайского государственного университета.

**Миссионерские школы как первооснова
педагогической деятельности в Горном Алтае**

Первоосновы педагогической деятельности на Алтае положила Миссионерская деятельность. Тогда первыми школами были миссионерские и открывались они по инициативе Алтайской Духовной Миссии, соответственно и подготовкой учительских кадров занималась эта миссии. Потому не слу-

чайно учителями в школах были монахи, проповедовавшие и внедрявшие христианское учение среди местного населения. И требования к учителю диктовались в соответствии с требованиями христианской культуры, её идеологии.

В 1867 году усилиями и заботами архимандрита Владимира в селе Улале было открыто миссионерское училище по подготовке учителей переводчиков и церковнослужителей.

Таким образом, первоначальные основы педагогического образования учителей для двуязычных школ Горного Алтая были заложены в Центральном Миссионерском училище, которое было открыто 25 марта 1866 года в резиденции начальника Алтайской миссии архимандрита Владимира в с. Улала. Здание первого училища по подготовке деятелей миссии располагалось в доме миссионера переводчика, толмача М.В. Чевалкова, а затем было переведено в само миссионерское здание. Итак, данное училище положило начало в деле подготовке специалистов со средним образованием для инородческих школ Горного Алтая.

Педагогический институт им. К. Либкнехта – база будущей высшей педагогической школы

В 1941 году началась Великая Отечественная война. По распоряжению Совета по эвакуации от 17 ноября 1941 года за подписью заместителя председателя этого Совета А. Косыгина, Московский государственный педагогический институт им. К. Либкнехта был эвакуирован в г. Горно-Алтайск. По прибытию института в г. Ойрот-Тура он имел 4 факультета: - исторический факультет; факультет языка и литературы; химический факультет; физико-математический факультет.

При пединституте для учителей области были организо-

ваны занятия по типу института усовершенствования учителей. По ходатайству местных властей в 1942 году в пединституте было создано отделение алтайского языка и литературы для подготовки учителей из коренного населения. Это имело исключительно важное значение для области, имевшей 26 средних школ и ни одного учителя с законченным высшим образованием. Заведующим отделением и кафедрой алтайского языка и литературы стал профессор Николай Александрович Баскаков, много сделавший для их организации.

Профессорско-преподавательский состав насчитывал более 30 человек, в том числе таких высококвалифицированных специалистов как: А.З. Ионисиана (доктор исторических наук, профессор), К.Н. Корнилов (доктор педагогических наук), С.Б. Канн (доктор исторических наук), Г.В. Гуревич (доктор физико-математических наук), Н.И. Юшкевич (доктор исторических наук), Н.Е. Акимов (доктор педагогических наук), Н.М. Духовный (доктор педагогических наук) и др. Они приехали в г. Ойрот-Тура со своими семьями. Вместе с преподавательским составом в город прибыло 46 студентов.

Для обеспечения учебного процесса и научно-исследовательской работы в институте была организована библиотека, химическая и физическая лаборатории и 4 специализированных кабинета: марксизма-ленинизма, истории, литературы и языка, методики физики.

Таким образом, педагогический институт им. К. Либкнехта сыграл огромную роль в культурном строительстве Горного Алтая. Он стал базой будущей кузницы педагогических кадров высшей квалификации для области.

По решению правительства осенью 1944 года пединститут вернулся в Москву.

1949 год – открытие учительского института

В связи с острой нехваткой квалифицированных педагогических специалистов в области народного образования, возникла необходимость создания в городе Горно-Алтайске высшего учебного заведения, которое дало возможность готовить учителей в школы на месте. В связи с этим отпала необходимость выезжать в другие регионы.

18 июля 1949 года Облисполком принял решение 3249 (протокол №22) «Об организации учительского института».

Горно-Алтайский учительский институт был организован с двухлетним сроком обучения. В 1950-1951 учебном году было организовано двухгодичное подготовительное отделение с планом набора – 50 человек. Задачей подготовительного отделения было – дать алтайской молодежи среднее образование и подготовить к поступлению на одно из отделений института. Первый набор на подготовительное отделение было сделано в количестве 60-ти человек.

Начало 1950-х годов стало периодом реформирования системы высшего педагогического образования в Горном Алтае. В результате Горно-Алтайский государственный институт приобрел государственную структурную систему, состоящую из 7 кафедр, 3 факультетов и подготовительного отделения, что позволило ему выпускать из своих стен не только разнопрофильных работников школьного образования, но и довольно большое количество специалистов с более высоким уровнем научно-практических и методических знаний.

Создание в начале 1950-х годов система высшего педагогического образования сыграла огромную роль в культурном развитии Горного Алтая. Преодолевая серьезные трудности с материальной базой и профессорско-преподавательскими кад-

рами в педагогическом институте, все же была заложена база, которая вскоре стала не только кузницей педагогических кадров высшей квалификации для области, но и учебным заведением, давшим высокий уровень знаний своим выпускникам.

С января 1953 года начинаются работы по реорганизации учительского института в педагогический.

В соответствии с распоряжением Совета Министров от 17 января 1953 года №114-Р, Совета Министров РСФСР от 20 января 1953 года и Исполкома Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся от 29 января 1953 года, исполком областного Совета депутатов трудящихся принял решение: Реорганизовать с 1 сентября Горно-Алтайский государственный учительский институт в педагогический.

Однако уже в 70-х годах было понятно, что педагогический вуз, для потребности Горно-Алтайской автономной области недостаточен, так как он готовил только учителей, а для хозяйственной жизни области нужно было большое количество специалистов сельского хозяйства, энергетики, других технических специальностей. Недоставало специалистов и в области экономики, юриспруденции. Одним словом, уже к 80-м годам региону был необходим комплексный вуз.

1993 год был очень богат на события. В этом году ректором реализовалась идея создания в Горно-Алтайске университета как комплексного ВУЗа. Госкомвуз провёл комплексную проверку педагогического института и некоторых учебных заведений города, после чего дал согласие на формирование университета на базе Горно-Алтайского педагогического института и на базе Горно-Алтайского сельскохо-

зяйственного техникума. 20 июня 1993 года В.С. Черно-мырдин подписал Постановление Правительства России об учреждении Горно-Алтайского государственного университета.

Используемые источники:

1. Опыт становления Горно-Алтайского государственного университета (1993-2000 годы). – Горно-Алтайск. - 28 с.
2. Горно-Алтайский государственный университет 50. 1999. – 16 с.
3. Горно-Алтайский государственный университет. – Горно-Алтайск. 2003. – 130 с.

История турклуба «Горизонт»

*Кучукова Д.А – научный сотрудник
Музея истории Горно-Алтайского
государственного университета.*

Студенческий туристский клуб «Горизонт» Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ) организован в 1967 году на базе туристской секции работавшей с начала 60-х годов при спортивном клубе Горно-Алтайского государственного педагогического института (ГАГПИ). Педагогическое руководство работы клуба ректоратом института было возложено на старшего преподавателя кафедры физвоспитания, мастера спорта СССР по туризму Неустроеву Лию Станиславовну.

*Лия Станиславовна Неустроева –
бессменный руководитель турклуба «Горизонт».*

Первоначально в секции активно развивались пешеходный и лыжный виды туризма как наиболее доступные. Студенты института постоянно участвовали в соревнованиях по туристскому ориентированию. Также в это время делались первые шаги в развитии водного туризма. Активным руководителем секции водного туризма стал Владимир Иванович Неустроев - «Отличник народного просвещения», «Отличник физической культуры и спорта», «Ветеран спорта РСФСР», «Заслуженный путешественник России».

В середине 60-х годов в Горно-Алтайской области образуется областной Совет по туризму и экскурсиям. Туристские базы «Золотое Озеро», «Катунь», «Юность», «Медвежонок» передаются под непосредственное руководство Горно-Алтайского областного Совета по туризму и экскурсиям. При Совете по туризму и экскурсиям в начале 1967 года организуется городской клуб туристов с самостоятельным финансированием. Клубу выделялись необходимые средства на матери-

альную базу и туристские мероприятия: походы, слеты, поездки на соревнования. Руководство клуба с первых дней установило тесный контакт с большим и весьма активным туристским коллективом города, оказывало помощь в работе, всемерно поощряя развитие массового спортивного туризма в студенческой среде. Турклуб института организовал свой печатный орган – газету «Ветер странствий».

Через два-три года после начала работы туристская секция Горно-Алтайского пединститута становится одним из сильнейших туристских коллективов ВУЗов Алтайского края. Начиная с 1962 года туристы института непременно являлись победителями или призерами краевых слетов и соревнований, многократно успешно участвовали в зональных и республиканских туристских мероприятиях, как по линии студенческого ДСО «Буревестник», так и по линии Краевых республиканских Советов Профсоюзов.

Ежегодно в стенах института и туристского клуба готовилось не менее 100 человек, которые летом проходили практику туристкой работы на турбазах области и получали необходимые знания и навыки в организации туристской работы в школах, внешкольных учреждениях, учебных заведениях, туристских базах, клубах туристов и советах по туризму и экскурсиям.

Пеший вид

С лета 1959 года туристы института проводят сложные многодневные туристские походы. Поначалу далеко не ходили, а только в походы выходного дня, потому что не было ни рюкзаков, ни палаток. В 1960 году состоялся первый семидневный поход из Горно-Алтайска через Муны на берег Катунь и на Айское озеро. В первые походы часто отправлялись без карт, так как найти их было очень сложно. Прокладывали

маршруты, справлялись у местных жителей, а затем составляли свои карты.

Перед выходом на перевал Кара-Тюрек.

Как говорит Лия Станиславовна: «Поход, это не просто ходьба с рюкзаком, это испытание характера в первую очередь. В походе скорее узнаешь, кто есть кто, чем дома или в аудитории. Внимание, помощь друг другу – без этого в горах нельзя. Обязательно настраиваю студентов на бережное отношение к природе. Никакого мусора после себя!».

Зимний вид

С 1961 года ежегодно в зимние каникулы проводятся лыжные походы 1-2 категории сложности. Первый зимний поход был совершен на рудник «Веселый», а затем и по всей Горно-Алтайской автономной области.

Традиционными стали походы первой категории сложности на Каракольские озёра. Здесь закалялась воля и характер будущих инструкторов лыжного туризма. В этих походах начинающие туристы испытывались на прочность, взаимовыручку самодисциплину.

Труден подъём на Каракольские озёра. Привал.

Студентами ГАГПИ на лыжах вплоть до конца восьмидесятых годов совершались не просто походы, а агитпоходы: в честь праздников, например 8 марта, в честь ветеранов и т.п.

Возложение памятной гирлянды перед агитпоходом.

Заходили по пути в разные села, (Веселая Сейка, Александровка, Бешпельтир, Чепош, Улус-Черга, Каракол, Бичикту-Боом, Купчегень и др.) проводили агитацию, устраивали самодеятельные концерты.

После агитконцерта в селе Верх-Анжуяхта.

С 1969 года начали проводиться соревнования по технике лыжного туризма (ТЛТ). Совместно с барнаульскими туристами составлялись планы и проводились соревнования.

Участники соревнований по ТЛТ.

По технике лыжного туризма состязания организовывали в начале февраля на турбазе «Катунь». Потом в городе на горе – Комсомолке. Базируясь в Горно-Алтайске, участники

выезжали на дистанции в разные места, например в устье Туры, где стоял приют; на Каракольские озера и др.

Водный вид

Одно из интереснейших направлений деятельности «Горизонта» – водное. У него есть даже «свой» порог на Чуе, названный в честь клуба «Горизонта» (а порог «Неустроевы» – на аргутской Шавле).

С весны 1967 года туристы-водники института взялись за новое интересное дело – освоение рек горного Алтая. Это были годы бурного развития водного туризма в стране. К нам в Горный Алтай приезжали многие группы туристов-водников, естественно, возникла необходимость в значительном повышении уровня спортивного мастерства местных туристов-водников и освоения ими сложных маршрутов по рекам горного Алтая.

Начали с самой простой и доступной реки – Иши. В том же 1967 году побывали на Урсуле, прошли Саракокшу, Уймень, Пыжу, Бию. Весной 1968 года совместно с группой из Барнаула впервые прошли реку Песчаная.

1970 год отмечен важным мероприятием, организованным туристами-водниками клуба «Горизонт» – Первым слетом туристов-водников Алтая и Сибири на реке Сема. Впоследствии он стал традиционным, очень интересным и популярным среди туристов-водников. Слет и соревнования на реке Сема («Праздник на Воде») имел громадное значение для популяризации водного туризма в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Благодаря ему туристы-водники Горно-Алтайска, турклуб «Горизонт», получили широкую известность.

*Водники на соревнованиях. Река Катунь.
Фото 2009 года.*

Сегодня клуб «Горизонт» сохраняет традиции и функции основного центра спортивного туризма молодой Республики Алтай.

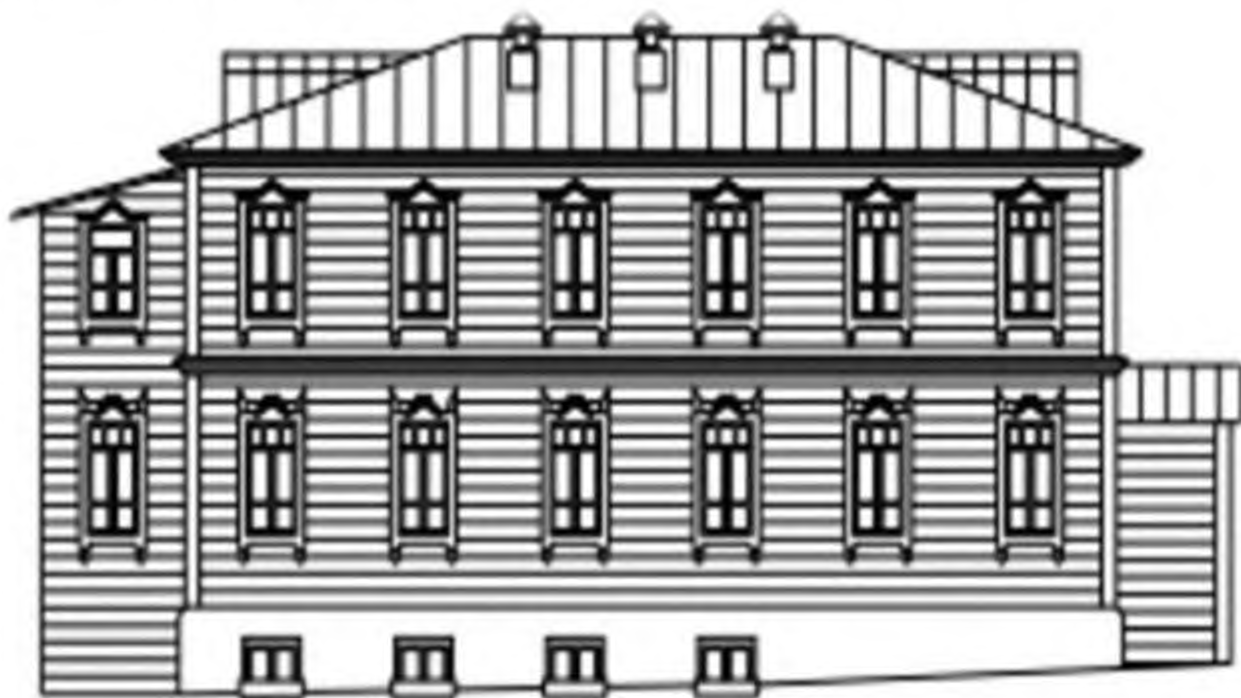
В 2017 году «Горизонт» отметил свое 50-летие! «Горизонт» многогранен. За это время совершилось множество походов пеших и водных летом, лыжных зимой, а также «межсезонок».

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ ГОРОДА

Люди в белых халатах, низко вам поклониться хочу...

Федотов Федор Федорович.

Становление здравоохранения города Горно-Алтайска имеет славную историю. Она представлена ярчайшими личностями, заслуживающими того, чтобы их имена помнили последующие поколения. Точкой отсчета можно считать строительство первой больницы Алтайской духовной миссии в Улале в 1875 году (совр. ул. Социалистическая, д. 7, здание стационара Кожвендиспансера).

Первая больница с. Улала 1875 г.

Как гласит история, в 1870 году Алтайская духовная миссия начала строительство в Улале большого деревянного, двухэтажного, с каменным полуподвалом, здания миссионерской больницы и приюта. Строительство было закончено в 1875 году. На первом этаже размещался приют для 30 девочек, на втором – больница на 20 коек, а в полуподвале находились кухня и другие хозяйственные помещения.

Заведовала миссионерской больницей с 1875 года Серафима Попова. Пять сестер Никольского женского монастыря ежедневно занимались уходом за больными. При больнице существовал приемный покой амбулаторного типа с аптекой.

Через четверть века, в 1900 году в Улалу приехал выпускник медицинского факультета Томского университета, первый дипломированный врач Ойротии Михаил Алексеевич Иволин.

Иволин Михаил Алексеевич.

Это был человек высочайшей культуры и эрудиции. Именно в стенах этой больницы он проработал шесть лет и положил начало врачеванию в Горном Алтае. В дальнейшем он переехал в Новониколаевск, где возглавил городскую больницу, был членом городской думы, членом общества изучения Сибири и улучшению ее быта, открыл на свои средства первую публичную библиотеку в Новониколаевске. Более чем через сто лет удалось найти и вернуть в Горно-Алтайск именную печать первого улалинского участкового врача Иволина, изготовленную из природного камня мастерами Змеиногорского камнерезного завода.

Печать М.А. Иволина.

В 2016 году на здании Первой больницы Алтайской духовной миссии открыта мемориальная доска.

С образованием Ойротской автономной области, с 1923 по 1934 годы, именно в этих стенах размещалась областная больница. Первым главным врачом больницы был Евмений Лаврентьевич Бородин.

Старая Облбольница (ул. Социалистическая).

По настоящее время в этом здании находится стационар Кожно-венерологического диспансера. В этих стенах трудились такие замечательные врачи как:

Петр Яковлевич Гордиенко - первый зав. отделом здравоохранения в Ойротии. В последующем первый секретарь Ойротского обкома.

Петр Яковлевич Гордиенко.

Даниил Гордеевич Калениченко - первый зав. Ойротским облздравотделом с 1922 по 1925 годы. Первый Герой труда Ойротии. В последующем врач Кремлевской больницы в Москве.

Даниил Гордеевич Калениченко.

Илья Иванович Сысоев - зав. Ойротским облздравотделом с 1925 по 1928 годы. В последующем профессор, ректор Омского мединститута.

Илья Иванович Сысоев.

Николай Васильевич Корпулин - врач-хирург, гинеколог, старший (главный) врач Улалинской больницы и амбулатории в 1922 году. В последующем полковник, главный хирург армии.

Николай Васильевич Корпулин.

Татьяна Васильевна Черникова - первый дипломированный врач-офтальмолог в Горном Алтае. В последующем кандидат медицинских наук, первая зав. кафедрой глазных болезней Алтайского мединститута.

Татьяна Васильевна Черникова.

Илья Александрович Шпилькин – фельдшер.

Илья Александрович Шпилькин.

1934 год для здравоохранения Горного Алтая можно считать значимой датой. 1 марта 1934 года построено и пущено в эксплуатацию 2-этажное каменное здание областной больницы на 86 коек, (современная ул. Шоссейная № 25).

Облбольница. Фото 1934 года.

Это практически первое здание, построенное для нужд областной больницы. Оно воспринимается несколькими поколениями как «главная больница» нашей области. В ней лечились наши бабушки и дедушки, наши родители и собственно мы сами до середины 70-х годов.

Здание психиатрической больницы. Фото 2017 года.

После ухода хирургических отделений в новое здание в нем оставались терапевтическое, кардиологическое, неврологическое и пульмонологическое отделения. В настоящее время, после капитального ремонта в нем располагается психиатрическая больница.

В 1973 году был построен новый 4-х этажный, кирпичный «хирургический» корпус областной больницы (совр. пр. Коммунистический № 130).

Хирургический корпус областной больницы. Фото 2017 года.

Здесь были открыты отделения: хирургическое, травматологическое, гинекологическое, урологическое, глазное, ЛОР, анестезиологии и реанимации.

В 1994 году был построен новый 7-этажный корпус Республиканской больницы.

Корпус Республиканской больницы. Фото 2017 года.

Одним из старейших зданий здравоохранения было одноэтажное здание первой аптеки Ойротии. Она находилась по улице Горно-Алтайской (совр. ул. Чорос-Гуркина, д. 12), между современными зданиями школы № 1 и Домом Правосудия с 1923 по 1948 годы.

Первая аптека Ойротии. Фото 1927 года.

В последующем, с 1948 по 1967 годы, в этом здании находилась противотуберкулезная больница.

Противотуберкулезная больница. Фото 1953 года.

В 1967 году было сдано новое здание противотуберкулезного диспансера на территории больничного городка, где это учреждение размещается до сегодняшнего дня (совр. пр. Коммунистический, д. 138).

Новый туберкулезный диспансер. Фото 2017 года.

Старая детская амбулатория в 30-х годах располагалась в 2-х этажном деревянном доме по ул. Социалистическая, д. 3, напротив Дома культуры. Сегодня на этом месте построена Церковь Покрова Пресвятой Богородицы.

Здание бывшей детской амбулатории. Фото конца XX века.

В 60-х годах поликлиника детской больницы располагалась на месте современного здания Казначейства (напротив Перинатального центра, по ул. Кирова (совр. улица Чаптынова, д. 2). Несколько позднее, также в 60-х годах поликлиника находилась также на улице Кирова (совр. ул. Чаптынова, д. 18), в 2-х этажном каменном здании (сегодня здесь размещается амбулатория Кожвендиспансера).

Здание бывшей детской поликлиники. Фото конца XX века.

Инфекционный корпус детской больницы в 60-х годах находился в 2-х этажном деревянном здании по улице Комсомольской д. 12.

*Здание бывшего инфекционного корпуса
детской больницы. Фото середины XX века.*

В ноябре 1971 года был открыт новый современный больничный комплекс – поликлиника на 300 посещений в смену и стационар на 120 коек (современное здание, пр. Коммунистический, д.124).

Детская больница. Фото 1971года.

В 2007 году построен новый поликлинический корпус детской больницы (пр. Коммунистический, д 122).

Новый корпус детской больницы, 2007 год.

В 2016 году сдан в эксплуатацию новый хирургический корпус детской больницы.

Новый хирургический корпус детской больницы.

Фото 2016 года.

Родильный дом – Перинатальный центр.

До 40-х годов отдельных учреждений родовспоможения в городе не было, были лишь детско-женские консультации, а женщины рожали в обычной больнице. В 1947 году в Ойрот-Туре построили отдельное одноэтажное каменное здание по ул. Социалистической (совр. пер. Центральный, д. 1).

Именно здесь на свет появилось не одно поколение сегодняшних горноалтайцев.

Старый родильный дом. Фото 50-х годов XX века.

Со временем места стало катастрофически не хватать, и в 1975 году был построен новый 3-х этажный родильный дом по адресу ул. Кирова 1 (совр. ул. Чаптынова, д. 1).

Современный родильный дом. Фото 2017 года.

В 2007 году роддом был преобразован в Перинатальный центр. Основные подразделения учреждения находятся в этом же здании, вспомогательные (поликлинические) подразделения расположены на месте бывшего Дома ребенка (ул. Чаптынова, д. 12).

Дом ребенка

В 1934 году начал функционировать Дом ребенка.

Дом ребенка. Фото 50-х годов XX века.

В 2008 году Дом ребенка переехал на новое место, расположенное на живописном берегу Катуня в селе Манжерок.

Дом ребенка в селе Манжерок. Фото 2010 года.

Горно-Алтайская городская поликлиника

Необходимость оказания медицинской помощи стояла наиболее остро во всех населенных пунктах Горного Алтая. В связи с этим в начале 30-х годов прошлого века на ул. Социалистическая №9 появилось первое здание поликлиники.

Здание поликлиники. Фото 1932 года.

В ходе благоустройства улицы Социалистической вдоль всего здания поликлиники были проложены добротные деревянные тротуары.

Здание поликлиники. Фото 1937 года.

В пятидесятых годах прошлого века начинается интенсивное озеленение городских улиц. Высаживается большое количество тополей, что способствует осушению территории города, большая часть которого была заболочена.

*Здание городской поликлиники в зелёном уборе.
Фото 1957 года.*

В 1983 году было построено новое здание по адресу ул. Горно-Алтайская, д. 6 (совр. ул. Чорос-Гуркина, д. 6), куда и переехали все службы городской поликлиники. В этих стенах поликлиника находится по сегодняшний день.

Республиканская стоматологическая поликлиника

Свою историю имеет и здание, в котором сегодня размещается Республиканская стоматологическая поликлиника по ул. Социалистическая, д. 19. Это здание было построено в 19 веке купцом Тобоковым. В разные годы в советское время в нем размещались: городской кинотеатр, зубный диспансер, врачебно-трудовая экспертная комиссия (ВТЭК).

С 1988 года - стоматологическая поликлиника. Несколько изменился фасад здания. С задней стороны к нему был пристроен новый 4-этажный корпус.

Республиканская стоматологическая поликлиника.

Фото 2017 года.

Санитарно-эпидемиологическая станция

Санитарно-эпидемиологическая станция долгие годы находилась по ул. Горно-Алтайской (совр. ул. Чорос-Гуркина, д. 27), напротив школы № 1.

*Горно-Алтайская санитарно-эпидемиологическая станция.
Фото начала 60-х годов XX века.*

В последующем Городская СЭС переехала в левое крыло помещения бывшей пожарной охраны по пр. Коммунистическому, д.13. В правом крыле размещалась станция скорой помощи.

Здание пожарной охраны. Фото 50-х годов XX века.

Для Областной СЭС в 1972 году было построено новое кирпичное 3-х этажное здание по пр. Коммунистическому, д. 173.

Областная СЭС.

После реорганизации службы с 2005 года здесь размещается Роспотребнадзор.

Роспотребнадзор.

ПРЕДПРИЯТИЯ ГОРОДА – ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Горно-Алтайск глазами строителя

Карнаух Римма Александровна – бывший начальник ПТО строительного-монтажного управления (СМУ) города Горно-Алтайска, пенсионер.

Впервые я вместе с мужем побывала в Горно-Алтайске в начале января 1964 года. Это был сказочный город! Кругом белым – бело от недавно выпавшего снега. Деревья – в серебре! В центре города, где сейчас здание администрации, был небольшой деревянный домик «Фотография». Сфотографировались. В мае окончательно перебрались в город. Проспект Коммунистический после обильного дождя весь в лужах. По левой стороне – деревянные тротуары, очень шаткие. Кое-как дошли до центра. К знакомой нам «Фотографии» – не подобраться, а рядом большой деревянный магазин с башенками. Туда можно было попасть только в резиновых сапогах... А кругом – горы, горы! Все в зелени.

Прошли дожди, подсохло, и пыль несусветная, хоть и ветров не было...

Старожилы помнят, что еще в начале 70-х годов в районе мебельной фабрики от моста через реку Майма до почти хлебозавода (сейчас в здании хлебозавода торговый центр. Ред.)

местность была болотистая. Там, где сегодня кафе «Чейне», ближе к горе, было небольшое озерко (даже утки там плавали). А на середине озерка стояла деревянная беседка. Пробраться к ней можно было по очень шатким, в две доски, мостикам. Проходили по одному, так как доски прогибались и можно было замочить ноги. И если тихо сидеть в этой беседке, то можно было услышать, как квакали лягушки...

*Кафе «Чейне». Фото 90-х годов XX века
(на этом месте в 60-е годы было озеро).*

Молодые люди после танцев, которые были в клубе строителей на первом этаже конторы СМУ (сейчас там находится судмедэкспертиза), пробирались к этой беседке и там, почти до утра, проводили весело время...

По левую сторону от нынешней мебельной фабрики были частные деревянные дома до здания «Дома правосудия».

История же строительно-монтажного управления начинается с апреля 1946 года, когда на основе строительно-ремонтной конторы, созданной в 1934 году, по решению Ал-

тайского крайкома и Ойрот-Туринского обкома КПСС организуется строительно-ремонтная контора, а затем СМУ. Первым начальником был назначен Макарий Алексеевич Жарков, фронтовик, офицер в отставке, партийный работник.

По словам тех, кто его знал, человек разносторонних интересов и знаний. В 20-е годы прошлого столетия был комсомольским работником в селе Улала.

Читая приказы по личному составу, представляешь, какое было тогда время! Тягловая сила на стройках – это незаменимые лошади, пригнанные из села Шебалино, а основная рабочая сила – женщины. Мужчин мало, многие не вернулись с фронта, а из тех, кто вернулся, не все оправились после ранений.

Некоторые рабочие не выдерживали тяжесть работ. За 2-3 часа опозданий дела передавались в народный суд, а за прогулы был осужден печник к четырем месяцам тюремного заключения.

С 7 января 1948 года по 12 февраля 1955 года силами нашего предприятия строятся: Дом Учителя, мост через реку Майма, Дом соцкультуры, национальная школа, гардинно-тюлевая фабрика, 18-квартирный жилой дом обкома КПСС, хлебокомбинат, школа № 4, инфекционная больница и многое другое. При этом численный состав рабочих колеблется от 40 до 60 человек.

12 февраля 1955 года СМК переименовывается в СМУ - 4. Контора тогда размещалась в одноэтажном каркасно-засыпном доме по проспекту Сталина, № 35, ныне проспект Коммунистический. В одной половине была квартира начальника, а в другой - контора. В августе по путевкам комсомола в СМУ прибывает еще 50 человек.

27 декабря 1955 года в СМУ приходит Евгения Петровна Спицина. Она начинает работать начальником стройдвора, который был на территории мебельной фабрики, а затем до 1959 года в должности инженера ПТО.

Впервые, 12 августа 1956 года, отмечается День строителя. Приказом Министерства городского и сельского строительства РСФСР за № 170 награждаются знаком «Отличник социалистического соревнования»: А.И.Кленов, В.С. Кириленко и Е.А. Черномырдин.

Приказом начальника объявлена благодарность грузчику Михаилу Петровичу Рыспаеву, выполняющему норму выработки на 127%! Он трудится с женой в СМУ с 1952 года. Впоследствии и их сыновья Василий, Анатолий, Виктор, Борис и Сергей друг за другом тоже приходят в СМУ.

С 19 октября 1956 года зачислена на работу в СМУ - 4 Мария Васильевна Бессмертных, мать будущего Министра иностранных дел СССР. Она проработала на нашем предприятии до 1965 года.

В качестве ученика каменщика 12 сентября 1957 года принят на работу в СМУ- 4 Италий Михайлович Паклин. Уже с 20 марта 1958 года он возглавляет бригаду каменщиков, которая первой получает высокое звание – «Бригада коммунистического труда».

С 24 сентября 1957 года в СМУ-4 принята в качестве кассира-счетовода Клавдия Афанасьевна Гайдышева-Крылова. Около 30 лет проработала она в этой негромкой, но ответственной должности.

В 1958 году в СМУ-4 принят плотником Николай Александрович Стулов, участник войны, орденоносец. С августа 1961 года он организует бригаду маляров-отделочников, кото-

рая достигает неслыханной производительности труда по отделке объектов. В 1969 году Н.А. Стулову, первому в городе, присваивается звание «Почетный гражданин города Горно-Алтайска».

Сколько неординарных, ярких личностей прошли через СМУ-4!

Рабочие СМУ-4 активно участвуют в областном фестивале художественной самодеятельности. Среди участников лыжных соревнований в те годы можно было увидеть рабочего СМУ-4 В.М. Давыдкина. В соревнованиях по боксу принимает участие Г.В. Репин. Рабочие СМУ-4 даже отправляются на краевые соревнования по туризму!

Следует подчеркнуть, что в конце 50-х – начале 60-х годов СМУ-4 – это огромное предприятие с численностью около 400 человек.

1961 год. Каменщик В.Я. Бедуев за работой.

(ни о каких касках по правилам техники безопасности речи тогда не было).

Перечитывая книги приказов личного состава Горно-Алтайского СМУ, видно, что люди стремились к знаниям, к образованию.

В начале 60-х годов в Бийском строительном техникуме заочно учатся 12 человек, в школе рабочей молодежи – более 30 человек, в ВУЗах – 4 человека.

Коллектив СМУ-4 в 1961 году сдал в эксплуатацию контору, на второй этаж которой переселилась бухгалтерия, а на первом в большом зале проводились различные мероприятия, а вечерами демонстрировались кинофильмы.

Михаил Иванович Чепкин с 1965 года работает в СМУ-4 главным бухгалтером. Очень сильный специалист. 27 сентября 1963 года на должность заместителя главного бухгалтера назначается фронтовик Иван Иванович Болдырев. Уже с большим стажем работы, очень скромный человек, но с такой огромной трудоспособностью! Многие годы рядом с Иваном Ивановичем работал бухгалтером материальной группы фронтовик Иван Никитович Гурьев. Перед ним подотчетные линейных ИТР трепетали – такой он был требовательный!

Иван Никитович Гурьев. Фото 60-х годов XX века.

В эти годы застраивается 1-й микрорайон (от площади Ленина до милиции) и 8-й квартал (район мебельной фабрики).

1964 год. Весна. Такие канализационные выгребы были у каждого строящегося здания, пока не построили в городе канализацию в 1976 году.

СМУ-4 активно участвует в застройке города и в последующие годы. Следует отметить, что к концу 90-х годов сдается в эксплуатацию 92-квартирный жилой дом со встроенными помещениями детской и городской библиотек, художественной школой. А в 2000 году сдаются в эксплуатацию, начатые еще в начале 90-х годов: 60-квартирный жилой дом медиков, 62-квартирный жилой дом по улице Алтайской. Возобновляются работы по строительству медучилища, 58-квартирного жилого дома Госуниверситета по улице Улагашева № 36.

Год 2001, начало XXI века, год 55-летия образования СМУ (в настоящее время ПМК) было отмечено на высоком республиканском уровне. По республиканскому радио звучали передачи, посвященные ЗАО «Горно-Алтайское ПМК», а по республиканскому телевидению прошла обширная передача с музыкальными номерами для рабочих, служащих и ветеранов, а 20 апреля 2001 года в городском Доме культуры, построенном нами в 1950 году, было организовано празднование 55-летия нашего предприятия. Люди были очень довольны встречей, вспомнили молодые годы и своих товарищей, которых уже нет, но которые всю свою жизнь и энергию посвятили строительству прекрасных зданий родного Горно-Алтайска...

Маленькая страна любви

*Кормилихин Павел Павлович –
строитель СМУ-4 начала
60-х годов, пенсионер.*

Судьба моя сложилась так, что более 50-ти лет я не был в Горно-Алтайске. И вот, наконец, сбылась моя мечта и я вновь в Горно-Алтайске! Приехав сюда, я увидел совсем другой город. Из всех тех, с которыми я в 1962 году работал, встретил лишь Р.А. Карнаух, Р.А. Морозову, И.Д. Александрова, Г.А. Устюжанину.

А мысленно я уношусь в те далекие годы, когда на месте Национального театра был деревянный магазин «Смычка», в котором я видел Василия Макаровича Шукшина с Леонидом Куравлевым, когда они в 1963 году снимали фильм «Живет такой парень»...

Город для меня остается родным, горы те же – Тугая и Комсомолка, но вот только на Тугае давно нет трамплина...

А вот город не узнать! Но остались те дома, которые я строил, здание противотуберкулезного диспансера, другие объекты.

Мой родной город, а я считаю его родным, за полвека сильно изменился, застроился и похорошел. Он выглядит благоустроенным (дороги, тротуары, озеленение). Конечно, стало

много ярких, красивых домов, но, я бы сказал, и излишне ярких сооружений.

Хотелось бы, чтобы на тех домах, которые мы строили, появились памятные таблички не только о тех, кто в них жил, но и тех, кто их строил.

Помню, когда я жил в городе, то каждое утро по местному радио слышал слова: «Горно-Алтайск кучендал туры» (говорит Горно-Алтайск). С этих слов начинался каждый новый рабочий день. Эти слова, как и память об этой прекрасной стране, о том времени, об этих людях, у меня остались навсегда...

В заключение хочу выразить восхищение этой «маленькой страной», сказать, что как здорово, что она есть, что вы в ней живете и будете жить. Берегите и дальше обустраивайте ее!

От кустарей одиночек до артели «Ойротка» и до «Ткацкой фабрики»

*Юдина Виктория –
ученица школы № 8.*

Горно-Алтайская ткацкая фабрика – одно из старейших промышленных предприятий в Республике Алтай. Ее история началась в далекие 30-е годы, в период расцвета промысловой кооперации.

До самого 1928 года в нашей области не было ни одного предприятия, ни даже артели по пошиву одежды. Действовали, правда, несколько кустарей – одиночек, т.е. надомников.

И вот в 1928 году Улалинский КУСТКРЕД (кустарно-кредитный отдел) решает объединить кустарей-портных в промысловую артель. Представитель этого отдела Николай Петрович Макаровский и местный кустарь Филипп Иванович

Губин провели большую организационную и разъяснительную работу, прежде чем уговорили всех портняжных дел мастеров вступить в единую артель. И только через год была сколочена такая артель, в которую вошли всего восемь человек. Сохранился список этих людей, в нем значатся: Филипп Иванович Губин, Раиса Златовна Фролова, Клавдия Матвеевна Ложкина, Валерий Степанович Середа, Степан Друженьков и Черкасов Андрей.

1 ноября 1929 года (по некоторым данным 1 июля 1928 года) артель была официально зарегистрирована и получила название «Ойротка». Эта дата считается днем рождения ткацкой фабрики. Председателем правления избрали Губина Ф.И., впоследствии показавшего себя отличным мастером швейного дела и умелым организатором.

В первые годы артель переживала невероятные трудности. Разместилась она в маленьком домике. Стоял он на том месте, где сейчас площадь В.И. Ленина. Это был жилой дом Ф.И. Губина. Поначалу артель не располагала никаким инвентарем, пришлось всем работникам принести из дома швейные машинки и всё, что требовалось портным. Основным производственным профилем артели был вначале индивидуальный пошив одежды. Производство имело только ручные и ножные машины. Вскоре подкопились «артельные» деньги, полученные от выполнения заказов населению на пошив одежды. Появилась возможность купить собственный домик – не все же квартировать у председателя Губина.

К концу 1929 года на Черемшанской улице было построено деревянное здание и артель пополнилась новой рабочей силой. Пришел сюда опытный закройщик – Петр Гав-

рилович Гилев. Число артельщиков возросло до 15. Были ручные станки, на которых ткали ткань защитного цвета во время войны для солдат, шили шапки, рукавицы, бушлаты.

В 1930 году «казна» артели порядком пополнилась. Закупили новые швейные машины. С этого момента был организован массовый пошив одежды. В 1940-х годах в коллективе насчитывалось уже 28-75 человек, работающих в цехе массового пошива одежды. По инициативе обкома КПСС организуется ткацкий цех, призванный обеспечить свое производство тканями. На оснащении ткачества вначале имелось 19 деревянных ручных станков. Цех работал в 2 смены при керосиновых лампах. Председателем артели стал Петр Александрович Бехтенев. А когда началась Великая Отечественная война, «Ойротка» укрепилась за счет присоединения к ней промартели имени Н.К. Крупской. Спрос на швейные изделия возрастал, а тканей не хватало, как и главного ткацкого оборудования. Пришлось самим делать деревянные станки по образцам старинных, сохранившихся у некоторых жителей города. Столяры И.И. Кулижников и И.М. Черепанов с утра до вечера мастерили станки. А в это время коллектив артели рыл траншеи для закладки ткацкого цеха (своими руками его и строили).

В годы войны коллектив «Ойротки» шил для солдат, сражавшихся на фронте, брюки, гимнастерки, пилотки, полушубки, фуфайки. Кроме ткачества коллектив занимался производством многих изделий. Выполнялись и индивидуальные заказы местного населения. Были сапожный и даже чулочный цеха.

К концу 1944 года в артели работало 150 человек. Это уже почти целая фабрика. Несмотря на военное время, про-

должалось расширение цехов. В них устанавливались демонтированные на московских фабриках и завезенные сюда механические станки. Постепенно ткачество стало преобладать над швейным производством. Именно в 1944 году к руководству артели приступил А.В. Вилисов. Он руководил этим предприятием до 1962 года. За время его руководства численность рабочих увеличилась со 150 до 1000 человек. Под его присмотром были построены первые жилые дома 16 и 36 – квартирные, построен детский сад, производственные корпуса.

Восстановление народного хозяйства в послевоенные годы потребовало подъема промышленного производства, более интенсивного освоения сырьевых ресурсов. За научно-техническим прогрессом нужно было поспевать: менять устаревшие ручные станки, механизировать производство, внедрять новые технологии и передовой опыт, совершенствовать организацию труда и систему его оплаты. Время маленьких промышленных артелей уходило.

Решением горисполкома номер 11 от 13.01.1948 года промартель «Ойротка» переименована в промартель «Текстильщик», присвоено ткацкое производство промартели «Партизан» мощностью в 14 ткацких станков. Объем ткацкой продукции достиг 60 тысяч кв. м. тканей.

После войны стали выпускать скатерти, шарфы. Здание было перенесено, и в 1947 году ему дали название «Текстильщик», а в 1956 году уже фабрика получила название «Ткацкая фабрика». Станки появились челночные.

В цехе ткацкой фабрики. Фото середины XX века.

1 июля 1956 года решением общего собрания членов артели весь промфонд передан государству. Промартель реорганизована. На ее базе создана Горно - Алтайская ткацкая фабрика управления местной промышленности Алтайского крайисполкома. В марте 1963 года, по распоряжению управления легкой промышленности и приказа Кузбасского СНХ, фабрика из системы крайлегпрома передана в подчинение Кузбасского СНХ.

В январе 1966 года на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Кузбасский СНХ ликвидирован и образованы Министерства по отраслям. Ткацкая фабрика передана Министерству легкой промышленности РСФСР в непосредственное подчинение Росглавхлоппрома.

С 1973 года Горно-Алтайская ткацкая фабрика находилась в непосредственном подчинении Главного управления хлопчатобумажной промышленности Министерства текстиль-

ной промышленности РСФСР и возглавлялась Александром Николаевичем Иваницким.

На ткацкой фабрике было четыре основных цеха: вначале пряжу красили в красильном цехе, затем она отправлялась в подготовительный цех, где ее перематывали в специальные бобины и отправляли в ткацкий цех.

В подготовительном цехе ткацкой фабрики.

Фото 80-х годов XX века.

В ткацком цехе на станках ткали тик, покрывала, мебельную ткань. Затем готовое изделие проходило контроль на качество и отбор по браку – в цехе ОТК (отдел технического контроля).

В 1980 году появились автоматические станки СТБ. Численность достигала до 1070 человек. Фабрика занимала передовое место. 24 человека были награждены правительственными наградами, в том числе 16 человек орденами.

Горно-Алтайская ткацкая фабрика стала современным промышленным предприятием, выпускающим товары народного потребления: ковры, мебельно-декоративную ткань, покрывала, тик. Вся продукция изготавливалась из хлопчатобумажной пряжи, которую поставляли Чебоксарский и Барнаульский хлопчатобумажные комбинаты. В свою очередь про-

дукция ткацкой фабрики поставлялась в 29 торговых баз, которые расположены на территории от Алтая до Дальнего Востока.

За одну минуту фабрика вырабатывала 26 погонных метров ткани. За один час – 1585 погонных метров, за сутки – 10814 погонных метров. В цехах был установлен 201 ткацкий станок, 44 единицы приготовительного оборудования.

Фабрика не только развивалась сама, но и строила для своих работников дома. Также был построен детский садик для детей работников фабрики. В 1982 году было построено ткацкое общежитие для молодых семей.

В 1984 году запущены в эксплуатацию новый ткацкий и приготовительный цеха. Местонахождение фабрики: г. Горно-Алтайск, проспект Коммунистический, 1.

На основе постановления администрации г. Горно-Алтайска от 18.05.1992 г №36/11 «О реорганизации акционерного общества открытого типа» «Горно-Алтайская ткацкая фабрика» преобразовалась в акционерное общество открытого типа «Ткацкая фабрика».

В соответствии с ГК РФ с целью приведения учредительных документов АО в соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах», постановлением № 123/1 от 01.09.1996 года администрация г. Горно-Алтайска акционерное общество открытого типа «Ткацкая фабрика» зарегистрировано в открытое акционерное общество «Ткацкая Фабрика».

Основной деятельностью фабрики являлись производство и реализация текстильных изделий. Во время перестройки ткацкой фабрики сложно было выживать, вследствие чего она занялась пошивочной деятельностью. С 2001 года был открыт цех по переработке шерсти. В цехе ОТК (одел технического

контроля) шили одеяла из шерсти, матрасы, постельное бельё, верхонки, подушки. В этот период директором ткацкой фабрики был Владимир Мефодьевич Рыжиков.

На фабрике трудился большой отряд ветеранов труда и молодых рабочих. Всего 641 человек. Среди них 253 ударника коммунистического труда. 46 человек награждены правительственными наградами.

К сожалению, в период больших потрясений, в 2003 году открытое акционерное общество «Ткацкая фабрика» прекратило свою деятельность.

Используемые источники:

1. Фотоархив - Петуниной Надежды Васильевны.
2. Записаны факты со слов Петуниной Надежды Васильевны.
3. Историческая справка из архивного фонда ОАО "Ткацкая фабрика".
4. Отрывки из календаря юбилейных и памятных дат.
5. Центральная библиотека. Звезда Алтая от 1980 года, статья "Страницы истории".
6. Воспоминания библиотекаря Т.Л. Колесниковой.

ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ *12

П Р О Т О К О Л

совещания аймачного актива Майминского
аймакисполкома по вопросу перехода Улалы
на поселение городского типа

ПРИСУТСТВУЮТ: Трунтов, Параев, Сураза-
ков, Омский, Казанцев, Прокопьев, Носков,
Кулижников, Акимов, Шишкин, Явельберг.

26-го августа 1927 года

Председатель Трунтов, секретарь Козель-
ский.

Доклад[чик] Акимов указывает, что пере-
ход Улалы на городское положение находится
на стадии представления его во ВЦИК на ут-
верждение. Вопрос назрел и комхозом прора-
батывается в части составления планов, чер-
тежей и проч. Этот вопрос перехода нужно
согласовать с населением Улалы.

Вопросы:

1. Что будет иметь население при перехо-
де на городское поселение.

2. Каково будет положение крестьянства в
отношении земли в связи с городским положе-
нием.

3. Что принято президиумом ОИКа по отно-
шению перехода на городское поселение.

4. Какая разница между городом и поселе-
нием городского типа.

5. Как мыслится занятие сельским хозяйством при городском положении.

По всем заданным вопросам тов. Акимов исчерпывающих ответов не дал.

НОСКОВ. Взгляды со стороны части населения Улалы таковы: население не отрицает перехода на городское положение при условии, чтобы вся земля осталась в бесплатном пользовании зем[ельного] о[бществ]а, а другая часть населения вполне соглашается с городским положением. Лично же моё мнение безразличное.

КУЛИЖНИКОВ. По-моему мнению из крестьянства меньшинство будет за городское положение, так как в Улале большинство земледельческого населения.

ШИШКИН. О том, что крестьяне будут против городского положения — это несомненно, но факт тот, что население всей Улалы можно сказать не производящее, а потребляющее и занимающееся почти исключительно неземледельческим заработком.

КАЗАНЦЕВ. Настоящее совещание должно носить характер выявления мнения населения и сопоставления процента желающих городского положения в Улале и наоборот. И нам нужно высказаться в плоскости за городское поселение, для осуществления чего необходимо скорее созвать общее собрание граждан с. Улалы.

ТРУНТОВ. Высказывается за безусловное го-

родское положение, так как вопрос вполне этот вызывается жизненной необходимостью Улалы, по-своему фактически неземледельческому населению. Материалы к переходу на городское положение необходимо комхозу достать и подготовить к общему собранию граждан.

ПАРАЕВ. Вопрос о переходе на городское поселение нужно проработать и доказать целесообразность перехода на городское поселение и подготовить участок, куда бы чисто землед[ельческое] население могло по желанию переселяться.

Обменявшись достаточно мнениями по данному вопросу, совещание находит целесообразным и необходимым переход Улалы на поселение городского типа.

Председатель собрания.....

Секретарь.....

Д О К Л А Д Н А Я

областного инженера А. Тустановского

о проектировании города Улалы

12 декабря 1927 г.

По поручению отдела местного хозяйства мною производится техническая подготовка материалов, связанных с переходом с Улалы на городское положение, как-то: расширение

черты города, его дальнейший рост, благоустройство, водопровод, канализация, санитарная техника и т.д. Принимая во внимание, что разрешение всех перечисленных вопросов не может быть произведено без наличия плана в горизонталях с. Улалы и местности, включенной в городскую черту, считаю технически необходимым произвести съемку запроектированной городской черты в масштабе 1:2100, для чего необходимо будет только заснять участки, вошедшие в запроектированный план города дополнительно к существующим границам с. Улалы. Для составления проекта города и всех видов его технического благоустройства необходимо произвести вертикальную съемку запроектированного г. Улалы и составить план города в горизонталях. Работу эту производить зимой крайне неудобно и местами невозможно, вследствие чего вертикальную съемку, без коей нельзя составить проект города, необходимо произвести осенью 1927-28 гг., или весной 1928 г., т.е. до начала строительного сезона 1928 года. Для производства угломерной и вертикальной съемки необходимо найти землемера, или один землемер и два техника. Землемера и техников необходимо обеспечить одним теодолитом и двумя нивелирами.

Областной инженер Тустановский.

Из протокола заседания комиссии
по подготовке строительства г. Улалы
От 14-го февраля 1931 года

Присутствовали: Кочетов, Троицкий, Колосов, Кунзен, Махров, Коротков, Колотов, Коваленко.

Председатель Троицкий
Секретарь Воинков

СЛУШАЛИ:

Кунзен: "Ввиду того, что г.Улала в настоящий момент находится в стороне от главного тракта, а также предполагается паромное движение по реке Катунь считаю со своей стороны необходимостью строительство города производить на новом месте, так как там более благоприятные условия в отношении почвы, воды, а также и доставки всех строительных материалов — леса, камня, песка".

Махров: "Считаю со своей стороны приближение Катунского варианта к городу сократило бы очень много расходов как по доставке лесоматериалов, благодаря того, что верх реки Катунь богат лесными массивами. Проложение канализации в настоящий момент на старом месте невозможно благодаря слабости грунта".

Колосов: "Имеются ли сведения в части

промерзания грунта на предлагаемом месте и можно ли будет проложить канализацию, не встретится ли природных сопротивлений, как-то: подземных скал, а также больших камней, а затем интересно знать, какое мнение в части места около поселка Дубровского, где раньше намечалось строительство города”.

Троицкий: “Около поселка Дубровского слишком низкое место, заливадается водой так, что строительство города на этом месте нисколько бы не улучшило положение, кроме того там слишком небольшая площадь”.

Коротков: “Положение с теперешней Улалой всем известно, что в санитарном отношении никуда не годится, так как она стоит среди болота и малейшее эпидемическое заболевание может быть повальным. В части нового места, поскольку я его знаю, то там грунт сухой, близость хорошей воды, а также леса”.

Троицкий: “Строительство города Улалы...сократит большие затраты средств. Доводы медицины вполне правильны, так как случаи эпидемии могут свалить нас всех. Кроме того со слов предыдущих товарищей правильно, что приближение к Катунскому варианту в экономическом отношении также целесообразно”.

Колосов: “Как в санитарном отношении, конечно, условия города на новом месте луч-

ше, но у меня есть опасение в части ветров, а также есть опасение в части водоводов, что могут встретиться подземные скалы, прокладка по которым будет стоять слишком дорого.

Но как видно, что более подходящего места нет, то необходимо производство планировки города на предлагаемом месте. Планировку можно будет произвести только местными силами, так как у нас в настоящий момент специалистов нет".

Троицкий: "Из всех отдельных выводов видно, что строительство города придется делать в предлагаемом месте. В части организации сил по планировке города придется возложить на местные организации, обязать облЗУ как можно скорее окончить отведение городской черты, а также установки точек строительства и закончить план".

Коваленко: "Приступить к съемке в настоящий момент нельзя, потому что нет свободных специалистов, а потом вообще работу произвести нельзя, так как может получиться неправильная съемка, благодаря большому снегу. Эту работу можно будет начать только с I-го апреля, а кончить к I-му или IO-му мая..."

Махров: "Возможно ли будет технически открыть строительство сейчас, так как у нас в

настоящий момент нет рабочей силы, которая потребовалась бы для нового строительства города”.

Троицкий: “Я считаю, как можно скорее, по-боевому, нужно будет формировать рабочую силу как по строительству, так и по планировке города, сроки тех и других работ установить в настоящий момент невозможно. По-моему, нужно в завтрашний день выехать комиссии на место нового города. Вопрос о сроках работы и о месте нового города перенести на президиум облисполкома”.

ПОСТАНОВИЛИ:

Создать комиссию по осмотру места для строительства города Улалы из следующих товарищей: Кочетова, Троицкого, Колосова, Махрова, Романова.

Вопрос об окончательном месте под город перенести на президиум облисполкома.

Председатель Троицкий

Секретарь Воинков

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Центрального
Исполнительного Комитета

17 июня 1932 г.

О переименовании города Улалы,
центра Ойротской автономной области,
в город Ойрот-Туру

Президиум Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР постановляет: Ходатай-
ство Президиума Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета удовлетворить и
переименовать город Улала, центр Ойротской
автономной области, в город Ойрот-Тура.

Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин
И.о. секретаря ЦИК Союза ССР А.Медведев
Москва-Кремль
17 июня 1932 г.

Из технического проекта электростанции
в г.Ойрот-Туре
4 мая 1934 г.

Ойрот-Тура является административным цен-
тром Ойротской автономной области. Располо-
жен город в предгорьях Алтая на берегу
р.Маймы на Чуйском автомобильном тракте -

важнейшем торговом пути в Монголию. Эти обстоятельства определяют довольно интенсивный рост города, как по численности населения, так и по общему культурному облику.

Промышленности в настоящее время нет, но на ближайший период времени намечены к сооружению некоторые предприятия местного значения (производство стройматериалов, связанное с довольно обширной программой гражданского строительства). Развитие в Ойрот-Туре крупной промышленности на ближайшее время не ожидается.

В настоящее время город получает электроэнергию в ничтожном количестве от гидроустановки на реке Майме, мощностью 30 квт. постоянного тока, напряжением 400 вольт.

В зимнее время ввиду малого расхода воды эта установка дает не более 15 квт., т.е. потребности города совершенно не обеспечивает.

Рост населения, и главное, повышение его культурного уровня настоятельно требует сооружения новой электроустановки.

Подсчет потребности в энергии произведен по материалам облкомхоза Сибирским отделением электропрома в первом варианте проекта ЦЭС и утвержден Запсибкрайкомхозом и экспертизой наркомхоза....

Электростанция расположена в 200 метрах от берега реки Маймы, что позволяет осущест-

вить сравнительно простую систему водоснабжения. Кроме того, близкое расстояние от реки диктуется доставкой дров сплавным путем. Наличие большой свободной площади позволяет иметь необходимый запас топлива. В отношении электрических потребителей станция в настоящее время расположена несколько односторонне, но при дальнейшем развитии города, намечаемые промпредприятия будут располагаться в противоположную сторону (на запад — по Бийской дороге) и станция окажется расположенной центрально.

Расположение отдельных сооружений, выходов линий передач и водопроводов ясно из генерального плана площадки <...>

Технический директор Шульце
Зав. проектным отделом Зотиков
Ст. инженер Добровольский

П Р О Т О К О Л

совещания по озеленению города Ойрот-Тура,
происходившего в кабинете пред. горсовета
12 февраля 1935 г.

Присутствуют: секретарь обкома комсомола — Лесин, зав. ОМХА — Шлемев, директор педтехникума — Дубасов, директор областной больницы — Дынин, врачи: Поварнина, Иванова, Клеткина, зав. опорным пунктом Мичуринского ин-та — Ли-

совенко, зав.опытным питомником облзу — Бобриков.

Председательствует — Лисовенко.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Просить горсовет образовать штаб по озеленению города Ойрот-Тура в качестве оперативного органа при коммунальной секции горсовета.

Рекомендовать в качестве кандидатов в данный штаб: т. Лесина — от комсомола, представителя от облпрофсовета — Дзгоева, Лисовенко — бюро коммунальной секции, Бобриков — облзу, Шмелев — ОМХа, Поварнина — облбольница, Дубасов — педтехникум.

2. Просить городской Совет оформить договоренность тов.Лисовенко с трестом зеленого строительства в Москве о взятии трестом шефства над архитектурно-зеленым оформлением г.Ойрот-Туры.

3. На весну 1935 г. наметить следующие первоочередные объекты зеленого строительства: сквер на площади обкома, бульвар по Ойротской улице, в части законченной перепланировки — братская могила, старая площадь перед горсоветом, территория областной больницы и озеленение берегов реки Улалушки.

Председатель Лисовенко

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

горстройпроекта в облисполком о строительстве водопровода в г. Ойрот-Туре

20 августа 1937 года

Местные санитарные условия города, наличие простых выгребов и помоек при наличии высокого стояния грунтовых вод, безусловно, требуют срочного разрешения вопроса водопровода и канализации, так как не исключена возможность вспышек эпидемических инфекционных заболеваний. Кроме того, в будущем может получиться так, что канализационные очистные сооружения будут в центре города, что с санитарной точки зрения недопустимо и потребует переустройство сети и перенос очистных сооружений за пределы города.

Инженер горстройпроекта Руденский

История города в цифрах и фактах

Население "новоиспеченного" города Улалы в 1928 году составляло 5899 человек, из них 3712 взрослых, а неграмотных насчитывалось 876 улалинцев, это 15,6% от общего числа населения. Для сравнения: в районах области на этот период было 24,9% неграмотных. В Улале работала одна средняя и три начальных школы.

В них обучалось соответственно: средней школе — 489, начальных — 529 учащихся. Открылся первый небольшой детский сад на 30 детей. Учили грамоте и взрослых и детей 37 учителей.

В период образования города в Улале было установлено всего 70 телефонов, в 1929 году их уже 88, а в 1968 году в городе зарегистрировано 2200 телефонных номеров.

В 30-е годы советские биологи пытались внедрить в Западной Сибири производство натурального шёлка. Эта волна научного энтузиазма не обошла стороной и Горный Алтай. 1 апреля 1932 года в г. Ойрот-Туре был создан опорный пункт шелководства. Основное направление работы его — “выяснение возможности занятия шелководством в условиях Ойротской области”. Были посажены в открытый грунт первые шелковицы (тутовые деревья). Грены (яйца тутового шелкопряда) отправлялись в Ойрот-Туру из солнечного Узбекистана, где производство шёлка имело вековые традиции. Но если это возможно в Узбекистане, то почему не попробовать на юге Западной Сибири? Тогда все казалось возможным. Однако, годы упорного труда всё-таки заставили ойротских опытников в 1939 году сделать реальный вывод: “Шелковицы в условиях Ойрот-Туры не достигают нужных размеров, растут в

форме кустиков и, в основном, вымерзают...”

В 1938 году промышленность города представляли пять предприятий и семь артелей. Наиболее производительным из них в те годы был городской строительный трест. Строительным материалом частично обеспечивал кирпично-известковый завод. Кроме этих предприятий в городе работала авторемонтная мастерская, типография и промышленные артели. Промартель “Единение” занималась хлебопечением, производством колбасных, кондитерско-карамельных и слабоалкогольных изделий, промартель “Электрометалл” изготавливала простейшие инструменты, предметы домашнего обихода (кастрюли, кровати и т.п.), здесь было налажено и кузнечное дело, ремонт металлоизделий. Промартель “Заря Алтая” — это гончарное, кожевенное, овчинно- меховое и сапого-валяльное производство. Этим же занималась и промартель “5-е декабря”, промартель “Труженик” осваивала пошив и ремонт обуви, шорное производство. Ремонт часов, деревообработкой, столярно-плотническим делом занималась промартель “Быт”. Артель “Путь”, объединяющая инвалидов. Шила. Молола муку, изготавливала крахмал, патоку, слабоалкогольные напитки.

7 ноября 1958 года состоялось торжественное открытие памятника В.И. Ленину. Скульп-

тура В.И. Ленина в бронзе отлита в г. Ленинграде. Её авторы известные скульпторы Т.Мамедов и О.Эльдаров. Высота памятника вместе с постаментом более II метров. По модели Т.Мамедова и О.Эльдарова было сделано только два таких памятника. Один установлен в столице Латвии г. Риге, а второй, благодаря находчивости тогдашнего председателя облисполкома Ч.Кыдрашева, оказался в нашем городе. Его открытие состоялось в день празднования очередной годовщины Великой Октябрьской революции.

Проспект Коммунистический почти на 2 км длиннее знаменитого Невского проспекта.

Фактически основателями населенного пункта Улала (г. Горно-Алтайска) были представители этно-диалектной группы алтайского народа — байат. "Байат" — легко произносится и пишется, как по-русски, так и по-алтайски. При этом носит глубоко исторический и гуманистический смысл.

Микрорайон "Байат" — есть символ того, что создавая что-то новое, благодарные потомки не теряют своей исторической памяти и интернационального чутья. Это знак того, что современные жители г. Горно-Алтайска хотят жить не в одном из провинциальных городков "Н", а в городе, сохранившем свое своеобразие.

Список источников, использованных в книге:

1. По материалам газеты «Звезда Алтая», 17 января 2013 года.
2. По материалам газеты «Звезда Алтая», 5 сентября 2013 года.
3. По материалам газеты «Листок», 14 августа 2013 года.
4. Потапов Л.П. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области.
5. По материалам газеты «Звезда Алтая», 17 января 2013 года.
6. По материалам статьи Натальи Антюфьевой в газете «Звезда Алтая», 14 марта 2013 года.
7. По материалам газеты «Вестник Горно-Алтайска» №17 от 2 мая 2018 года.
8. По материалам газеты «Вестник Горно-Алтайска» №19 от 9 мая 2018 года.
9. По материалам газеты «Вестник Горно-Алтайска» № 6 от 14 февраля 2018 года.
10. По материалам архивной службы г. Горно-Алтайска.
11. Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях. /сост. О.Т. Зайцева, Н.В. Кочева, Н.А. Петрова и др. – Горно-Алтайск, 1998. – 272 с.

Фотодокументы, использованные в книге:

1. Фотографии из личного архива доктора педагогических наук Гурьева А.И.
2. Фотографии из личного архива ветерана педагогического труда Бизиной Н.В.
3. Фотографии из личного архива бывшего начальника ПТО строительно-монтажного управления (СМУ) города Горно-Алтайска Карнаух Р.А.
4. Фотографии из личного архива ветерана Великой Отечественной войны Пьянковой Л.И.
5. Фотографии из личного архива ветерана педагогического труда Тепляковой В.С.
6. Фотографии из личного архива Заслуженного работника культуры РСФСР Таушканова Ф.Л.
7. Фотографии из личного архива кандидата медицинских наук Федотова Ф.Ф.
8. Фотографии из архива музея школы №1.
9. Фотографии из архива музея школы №8.
10. Фотографии из архива музея школы №12.
11. Фотографии из архива музея школы №13.
12. Фотографии из Интернет
13. Фотографии Ямшитова Е. Н.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю.....	4
Предисловие.....	9
 ИСТОКИ	
Эбель А.В. Из глубины веков.....	11
Екеев Н.В. Улалу-Ойрот-Тура – Горно-Алтайск.....	21
Гурьев А.И. Вехи истории.....	23
Расова Н.В. Из истории православия в Горном Алтае...	88
Шлапаков И. Последний звон колоколов Нагорной церкви.....	97
Казагачева З.С. Здесь современность соседствует с вечностью.....	101
Из села в город.....	106
Дела давно минувших дней.....	109
Анкудинова Т.В. Экономическое развитие г. Ойрот-Тура в годы Великой Отечественной войны.....	124
 АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ ПОДЛАЯ СДЕЛАЛА	
Таушканов Ф.Л. В то далекое время.....	131
Теплякова В.С. Мы – дети войны.....	157
Фоменко М.М. Мы жили по принципам социализма.....	168
Редкова Н.М. О времени и о себе.....	175
Малков Н.П. Мои воспоминания о моём городе.....	186
Медведев И.Ф. Как мы выжили?.....	191
Медведева Т.Ф. В пору моего детства.....	200
Пьянкова Л.И. Мама-стара и мы.....	203
Ахламенок Л.Н. Мы с улицы Базарной.....	208
Казанцев В.Е. И все равно мы были счастливы!.....	209
Бауэр Л.С. «Лагерное» детство.....	214

Камаев Ю.Д. Ойрот-Туринская шпана.....	217
Михайлов С.П. Горно-Алтайск моего детства.....	221
Бизина Н.В. Эти незабываемые дни.....	225
Анисимова Л.Е. Память сердца.....	228
Овсянникова Н.С. В то трудное время.....	232
Осипов В.И. Всегда в строю.....	235
Дмитриева Н., Денчик О., Параев В. Это праздник со слезами на глазах.....	236
Параева Е. И радовались, и плакали.....	238
Афанасьев А.В. По пути на работу.....	239
Жданова А.Т. Пережившие войну – не забудут, и никому о той войне забывать нельзя.....	240

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

Ивашкин А.С. Команда молодости нашей.....	243
Неустроева Л.С. Как Нева слилась с Катунью.....	246
Алтайчинова Д.И. Буду помнить всегда.....	249
Хохолков В.Ф. Музыкальная жизнь города.....	252
Селекова Н. Ойротский национальный.....	258
Гурьев А.И. Я помню детство золотое.....	264
Иванцов А.И. Эхо пятидесятых.....	274

О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ

Иванцов А.И. Ученик Гуркина.....	291
Хохолков В.Ф. Край его песен.....	309
Хохолков В.Ф. Алтай мой – ветер аргымак.....	315
Таушканов Ф.Л. Учитель учителей.....	317
Кудряшов Г.А. Исходил из интересов города.....	320
Ровесница Горно-Алтайска.....	324
Шмидт Т. В. Не смейте забывать учителей.....	327

ШКОЛЫ ГОРОДА – НАЧАЛО ПУТИ

Первая всегда первая

Лукашева В.М. Вехи истории школы..... 334

80 лет школе № 12

Славный юбилей..... 335

Школа № 13 на все времена

Лыжина М.В. История школы (1937-1945 годы)..... 356

С юбилеем школа №6!

Ракитянская Т.Е. Здесь учился Шуклин..... 371

Школа № 8 – прошлое, настоящее, будущее

Теплякова В.С. По материалам школьного музея..... 375

РАЗВИТИЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шубина Н.Б. Педагогический техникум..... 395

Федотов Ф.Ф. Становление медицинской школы..... 398

КЛАССИЧЕСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Бабин В.Г. Горно-Алтайский государственный университет - истоки, традиции, итоги..... 402

Кучукова Д.А. История турклуба «Горизонт»..... 407

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ ГОРОДА

Федотов Ф.Ф. Люди в белых халатах, низко Вам поклониться хочу..... 415

ПРЕДПРИЯТИЯ ГОРОДА – ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Карнаух Р.А. Горно-Алтайск глазами строителя..... 436

Кормилихин П. П. Маленькая страна любви.....	444
Юдина В. От кустарей одиночек до артели «Ойротка» и до «Ткацкой фабрики».....	445
ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ.....	453

КАК ЭТО БЫЛО

СБОРНИК

Автор-составитель Александр Иванович Гурьев

Под редакцией А.И. Гурьева

Компьютерный набор: Гурьев А.И.

Редакторы: Гайсина Надежда Николаевна,

Ширяева Римма Михайловна

Литературный редактор: Шастина Татьяна Петровна

Вёрстка: Корвякова Олеся Андреевна

Дизайн обложки: Белозерцев Петр Григорьевич

Подписано в печать 21.09.2018 г.

Объем 29,7 уч.-изд. л. Формат 64х90 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 200 экз. Заказ №5154.

Отпечатано в типографии «Новый формат»,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,

тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,

nf-kniga@yandex.ru,

сайт: типография-новый-формат.рф

Улала - Ойрот-Тура - Горно-Алтайск

Горно-Алтайск – столица Республики Алтай отмечает свой юбилей. 27 февраля 2018 года исполнилось 90 лет со дня принятия постановления Президиума ВЦИК о преобразовании села Улала, центра Ойротской автономной области, в город.

Еще совсем недавно Улала была маленьким горным селением с деревянными домиками, дощатыми тротуарами, кривыми улочками.

Но как же быстро преобразился город за эти годы!

И ныне Горно-Алтайск – это чистый, зеленый, красивый городок в живописной горной долине.

Сохранением истории занимаются не только архивисты, историки и журналисты, создающие летопись города, но и старожилы-горноалтайцы. Порою именно их свидетельство с неожиданной стороны раскрывает страницы истории любимого города.

(На 1-й и 4-й страницах обложки работы фотохудожника В.Садчикова «Горно-Алтайск. Панорама города», опубликованные в наборе открыток «Горный Алтай», издательство «Советская Россия», 1985).